

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 41 ОКТЯБРЬ 1981

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 41 (2830)

10 ОКТЯБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

урожай-81

ВОСЬМАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Комбайн глотнул последние метры валков и устало остановился у окраины поля. Через стекла кабины в густеющем сумраке Оглуздин увидел уставленный караваями копен бескрайний массив. Считай, на восьмую тысячу центнеров хлеба пошел.

Степь стихала. Погасли огни и на других комбайнах колхоза имени Кирова, Восточно-Казахстанской области, где кавалер ордена Ленина комбайнер Е. И. Оглуздин считается одним из лучших механизаторов. И в нынешнюю нелегкую страду он не раз был в числе победителей социалистического соревнования.

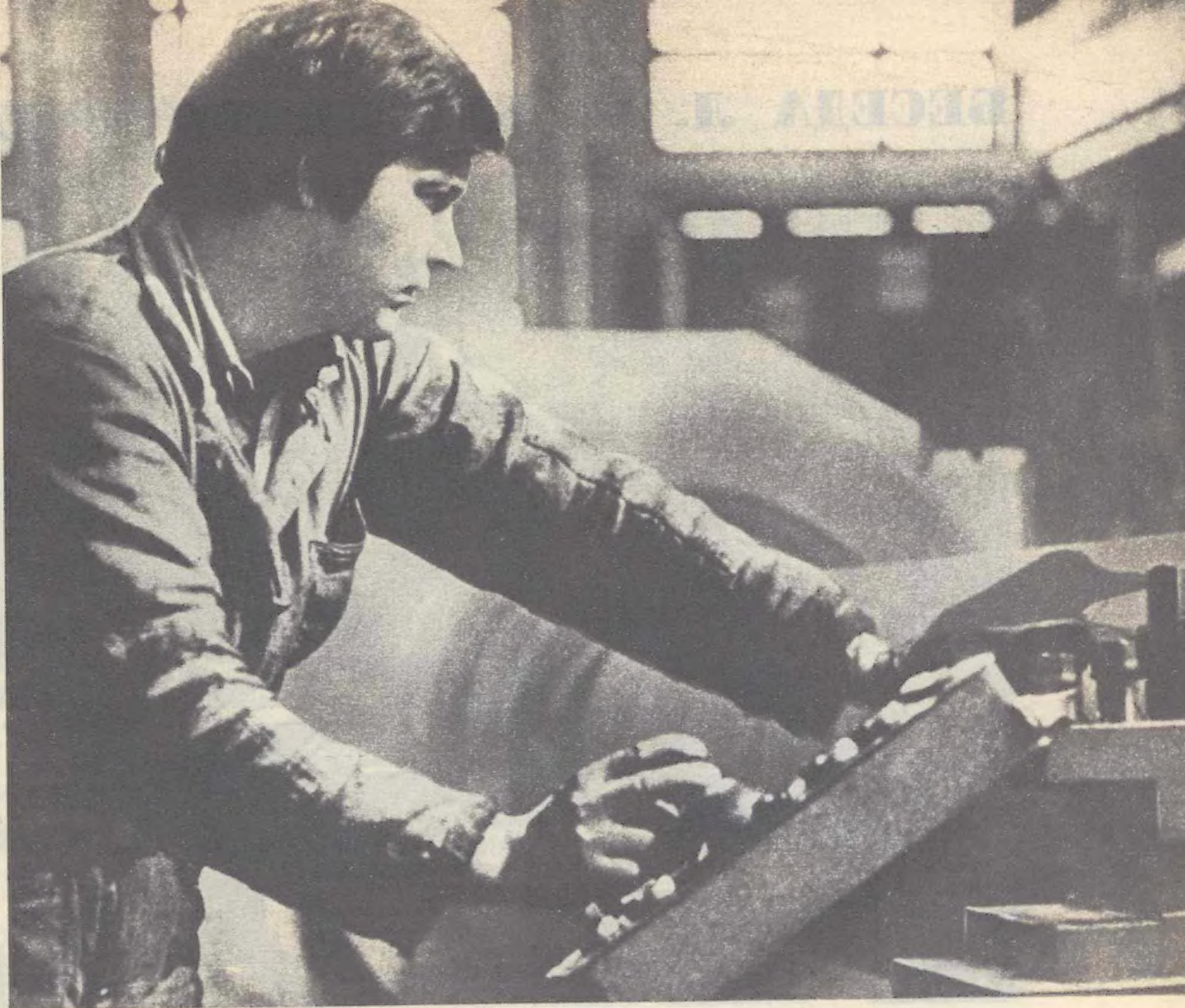
Фото Г. Гельфанда (ТАСС)

РЕПОРТАЖ
С ОТЧЕТНО-
ВЫБОРНОГО
ПАРТИЙНОГО
СОБРАНИЯ

Еще накануне был лес — бескрайнее темно-зеленое море Карелии, чуть тронутое рябью первой осенней желтизны, неистовая тряска глухих лесовозных дорог, ночевки у тихих озер и долгие, за полночь, беседы с людьми, влюбленными в этот лес, жизнью и работой своей крепко связанными с его судьбой.

А потом короткий разбег самолета, серебро другого — Онежского моря под крылом, и часа через два наш неоконченный разговор о том, что дает и на что способен при хозяйском отношении каждый квадратный метр этих уникальных мест, получил неожиданное продолжение.

В Ленинграде меня ожидало приглашение на открытие международной выставки «Полиграфбуммаш-81». В огромных, залитых ярким светом стеклянных павильонах гремела музыка, сполохами всевозможных красок бушевала

Токарь-универсал А. Б. Огородов — депутат Смольнинского районного Совета народных депутатов.
Фото Ю. Щенникова

ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

Слово в прениях. Выступает молодой коммунист Е. П. Сизов.

реклама, чудеса производительности и сноровки демонстрировали нарядные, мощные машины. Ведущие фирмы мира деловито и наглядно убеждали: в лесу не может быть ничего лишнего; и пень и веточка хвои — источники прибыли столь же реальной, как реальные все эти, рождающиеся на ваших глазах, сверкающие глянец журналы, книги, упаковки, обои. Нужна только соответствующая техника.

Да, здесь было на что посмотреть, о чем подумать.

И было о чем вспомнить. Ведь первая отечественная бумагоделательная машина была создана всего сорок с небольшим лет назад. До этого наша страна, обладатель самых крупных в мире лесных сырьевых ресурсов, пользовалась в основном техникой зарубежной. Когда по причине ветхости вышли из строя старые, дореволюционной поставки машины, а за новые были запрошены непомерные цены, рабочие Ленинградского завода имени Второй пятилетки свою бумагоделательную машину сладили в рекордно короткие сроки и в полном соответствии с принятыми тогда международными стандартами качества. На фоне великих свершений тех лет это была, может, не самая громкая победа, но свое дело она сделала, сбив спесь с зарубежных поставщиков (а заодно и цены) и создав базу для развития нового направления отечественной промышленности.

Сегодня этот завод, вошедший в состав научно-производственного объединения «Буммаш», стал своеобразным испытательным полигоном, где проходят проверку, обретают

Продолжение см. на стр. 4.

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Д. РАЦИРАКОЙ

Во время беседы.

Фото А. Гостева

ОДЕССА

НАГРАДА ПОРТОВИКАМ

Портовики Одессы выступили инициаторами социалистического соревнования за быструю обработку грузов, поставляемых для социалистического Вьетнама. Общий объем этих грузов лишь за последнее пятилетие увеличился на шестьдесят процентов.

Год назад в Одесском порту был создан специализированный комплекс для обработки грузов вьетнамского направления. Его обслуживают постоян-

ные бригады докеров-механизаторов, вооруженных современной техникой. С самого начала перед коллективом нового подразделения была поставлена задача обрабатывать как можно большее количество грузов тем же числом докеров. С этой задачей работники комплекса справились с честью.

— Скажем для примера о самом напряженном для порта времени — середине лета, июле, — говорит начальник Одес-

ского морского торгового порта В. И. Золотарев. — В прошлом июле на десятом причале нового комплекса было переработано свыше тридцати семи тысяч тонн грузов, а в нынешнем — почти в два раза больше. Календарная интенсивность обработки флота также возросла более чем на треть.

Такие результаты достигаются за счет специализации, создания укрупненных комплексных бригад. Стабильно трудятся бригады докеров В. Стрельца, А. Губанова, В. Зимогляда, В. Харченко. В трудовом соперничестве видят портовики залог своих успехов. За успехи, достигнутые в развитии советско-вьетнамского сотрудничества, правительство СРВ наградило коллектив Одесского морского торгового порта орденом Дружбы.

В праздничном убранстве зал Дворца культуры моряков имени А. М. Горького. Здесь состоялось торжественное собрание портовиков, моряков, представителей общественности города-героя.

Чрезвычайный и Полномочный посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Май по поручению вьетнамского правительства тепло поздравил черноморцев с высокой наградой, пожелал новых успехов в труде. Затем товарищ Нгуен Хыу Май вручил орден Труда первой степени начальнику Черноморского ордена Ленина морского пароходства С. А. Лукьянченко.

Чрезвычайный и Полномочный посол СРВ в СССР посетил морской торговый порт. Здесь состоялась теплая, братская встреча с докерами.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: товарищ Нгуен Хыу Май (в центре) преподносит цветы бригадиру докеров Василию Стрельцу.

ВЫХОЖУ НА СВЯЗЬ

Поднял телефонную трубку. И приятный голос повел меня по этой уникальной выставке. Невидимая собеседница не забыла упомянуть, что «связь сокращает расстояния», и тут же перешла к частностям, обратив внимание на уникальный, не знающий аналогов в мировой практике комплекс аппаратуры радиовещания, о новинках телефонии, о том, что разработаны и начинают применяться квазистанции, которые берут на себя массу забот: они могут даже переключить ваш номер на аппарат, стоящий там, куда вы сейчас пойдете, — и вы не пропустите важный звонок. Телефонные автоответчики, аппараты с памятью, а рядом с ними абсолютно современный телефонный аппарат, но в старинном обрамлении.

Если телефон становится многофункциональным, то телевидению просто грешно отставать. Когда я подошел к стендам французских фирм, там демонстрировалась система, которую на выставке «Связь-81» назвали «телеписание». Мне дали электронный карандаш и предложили написать им что-нибудь на гладкой пластине. «Связь помогает дружбе», — вывел я скорописью. «Хорошие слова, — заметил мой французский собеседник, — пусть они будут яркими». И еще через мгновение фраза в ее факсимильном изображении появилась на телеэкране стоящего чуть поодаль приемника.

— Телеписание ограничено расстоянием?

— Приемник и передатчик мы

ДВОЙНАЯ ВЫГОДА

1 октября в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Президентом Демократической Республики Мадагаскар, Генеральным секретарем партии Авангард ма-лагасийской революции Д. Рацираной, находившимся в Советском Союзе на кратковременном отдыхе.

Во встрече принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

В ходе беседы, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Л. И. Брежнев и Д. Рацирана с удовлетворением отметили, что дружественное сотрудничество Советского Союза и Демократической Республики Мадагаскар продолжает укрепляться на благо народов обеих стран, которые выступают как друзья и союзники в борьбе за мир, демократию и прогресс, плодотворно сотрудничают на международной арене.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что обеспечение прочного и справедливого мира является высшей целью внешней политики СССР.

Со своей стороны Д. Рацирана высказался в поддержку мирных инициатив КПСС и Советского правительства, направленных на оздоровление международной обстановки, обеспечение безопасности народов всех континентов, их независимого экономического и политического развития.

Д. Рацирана выразил признательность за оказанное ему в Советском Союзе гостеприимство.

На беседе присутствовал референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

приблизили для того, чтобы их можно было видеть одновременно. А так — хоть за сотни километров.

И, демонстрируя возможности телевизионной передачи, на одном из экранов появилось изображение московской площади, украшенной елкой. «С Новым годом! Рано, но искренне. Папа».

— Это я отправил в Париж, сыну, московский привет — через минуту он получит телеписьмо...

О чем еще рассказывала выставка? О тончайших стеклянных нитях, успешно заменяющих медные кабели, о инфракрасном телефоне без проводов, о самом маленьком динтофоне «стенокорд», о видеокассете, которую несет не нассета, а диск — грампластинка, — звуковые бороздки на ней особые, и считывает их не игла, а лазерный луч.

Выставки — это и место встречи специалистов. Тем и важны крупнейшие ежегодные выставки, которые организуются при содействии Всесоюзного объединения «Экспоцентр» и привлекают все больше внимания коммерсантов и специалистов многих стран.

К. БАРЫКИН

«Рано, но искренне. Папа» — такую фразу передал видеотекст.

Большое черное пятно, похожее на страшного паука из детской сказки, вливалось в чистую землю между двумя полосками с четким оттиском протектора «Жигулей». Кто-то из нерадивых водителей менял здесь масло двигателя и слил почти пять литров отработанного масла прямо на землю.

Думы о таких «пауках» привели меня сначала в Приморское управление Госкомнефтепродукта РСФСР, а потом и на находкинскую перевалочную нефтебазу. Построенная на окраине Находки, она полукольцом окружила бухту и громадными ступенями своих систем серпантинном дорог спускалась прямо к береговой черте, продолжаясь длинной стрелой нефтепирса. К нему-то и швартуются нефтеналивные суда, заполняя там через специальные устройства свои трюмы.

...Идет дождь. Едем дорогой, петляющей между огромными резервуарами хранилищ нефтепродуктов. Рядом с дорожным асфальтом, гонимые дождем, тянутся вниз к морю ручейки. В потоках воды — струйки мазута.

— Неужто и это в море? — спрашиваю своего спутника Вадима Петровича Шкодина, начальника Приморского управления Госкомнефтепродукта.

— Нет, конечно. Нефтебаза полностью канализована, все промышленные стоки собираются в лотки, построенные вдоль дорог, а затем самотеком попадают в колодцы-уловители очистных сооружений. Сооружения эти уникальны и по размерам и по производительности. Начинаются они с трех огромных буферных резервуаров. Емкость каждого — пять тысяч кубических метров. Дальше цепь очищения, включающая две нефтеловушки. Потом вода поступает на доочистку и дальше во флотаторы. В эту же систему входит несколько километров трубопроводов и мощная насосная станция. Это целое предприятие. Я бы сказал, предприятие двойной прибыли. Во-первых, охрана окружающей среды и океана от загрязнения нефтью. Во-вторых, это более 130 тысяч рублей чистой прибыли, получаемой ежегодно от продажи произведенного здесь мазута.

— Где же набирается столько сырья для очистки?

— Видите, у причала стоят три танкера. «БАМ» и «Нижевартовск» принимают нефтепродукты, а «Амурск» сливает «сырье» для наших очистных сооружений. Эта система уже давно отлажена. Нефтебазы Камчатки и Сахалина имеют специальные суда — сборщики, функции которых успешно выполняют старые, отслужившие

морскую службу, физически и морально устаревшие танкеры, но еще пригодные в качестве хранилищ. Танки этих судов и служат накопителями отходов тяжелых нефтепродуктов. Их-то и доставляют в Находку.

Заходим в помещение очистных сооружений. Знакомлюсь с химиком-контролером Валентиной Семеновной Ромодиной. Она показывает две пробирки. В одной пробы, взятые с «Амурска», — неприятная темно-серая жидкость. В другой — прозрачная водичка. Такая стекает в бухту после последней, флотаторной, обработки. Знакомлюсь с записями в вахтенном журнале. Одна гласит, что с танкера «Вилуйск» было слито восемь тысяч тонн загрязненных вод, после очистки получено три тысячи тонн мазута, пригодного для вторичного использования в производстве. За минувшее полугодие в очистку принято 673 тысячи тонн нефтесодержащих вод.

— С очисткой воды и извлечением нефтепродукта у нас все отлажено, — подчеркивает Вадим Петрович. — Сложнее обстоят дела с повторным использованием масел. В одной упряжке с находкинскими очистными сооружениями работает и Уссурийская маслорегенерационная станция. Ежегодно она восстанавливает почти полторы тысячи тонн различных масел. Прибыли тут большие. Но мы-то можем давать гораздо больше. Что мешает? Предприятия Приморского края не выполняют плана сбора и сдачи отработанных масел. У нас в стране ежегодно расходуется большое количество свежих нефтяных масел, из которых половина может быть использована повторно. Но, к сожалению, на регенерацию возвращается мизерная доля расходованных масел. Мы добываем сырье, используем его, а отходы выбрасываем. Не пора ли задуматься над формулой «отходы — в доходы»?

С поразительной робостью вовлекаются в хозяйственный оборот отходы, способные приносить доходы. Уж больно укоренилась привычка многих хозяйственников воспринимать природные запасы страны как неисчерпаемые. Отсюда и расточительство, беспечное отношение к частично использованному маслу, которые еще могут послужить делу. Старший механик теплохода «Полина Осипенко» Вадим Григорьевич Мельник справедливо негодовал, рассказывая мне об этом небрежном отношении к ценным продуктам.

Сегодня наш флот получает лучшие отечественные масла самой высшей марки. И если в главном двигателе система смазки такова,

что замена масла производится только в период ремонта, то на вспомогательных дизелях инструкции требуют полной замены смазки после двух тысяч часов работы. В среднем — это раз в три месяца.

— Выходит, что каждый квартал только ваше судно имеет тонну отработанного масла?

— Точно так. Правда, слово «отработанного» не совсем точно. Я уже говорил, что на судах используются высококачественные масла, и за такой срок работы, конечно же, не все присадки срабатываются полностью. После регенерации масло вполне можно использовать в двигателях другого класса, допустим, на комбайнах или тракторах. Но, увы, оно сжигается в топках корабельных котлов. Можно подсчитать — арифметика проста: четыре тонны в год сжигает одно судно, сто судов — четыреста тонн. А в Дальневосточном морском пароходстве судов гораздо больше. Ну, а если приплюсовать еще и флот Всесоюзного рыбного промысла — объединяя Дальневосточного бассейна, работающий, к сожалению, по тому же принципу, то масштаб расточительства заметно возрастет. И это только в одном Приморском крае.

— А могли бы вы не сжигать столь нужные отходы?

— Конечно, если отладить то малое, что препятствует сбору отработанных масел. Есть на судах и танки, где можно сохранить отработанные продукты, есть и системы отдачи их на берег, нет только отлаженности у береговых снабженческих служб.

К сожалению, экономический ущерб от неполного использования сырья не учитывается ни при планировании, ни при оценке деятельности предприятия.

И снова о «пауках». Ловить на месте преступления автолюбителей, сливающих масло, — дело трудное. Есть более реальный путь — обязать гаражные кооперативы сдавать отработанные масла. Это и было предложено Приморскому крайисполкому управлением Госкомнефтепродукта. Во Владивостоке кооперативных автобунков насчитывается более десяти тысяч. От каждой машины в среднем ежегодно сливается по десять литров отработанного масла. Но, к сожалению, ответ на это предложение поступил почему-то отрицательный.

Вряд ли такая позиция горисполкома содействует бережному отношению к сырьевым ресурсам.

В. КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Огонька»

ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

Начало см. на стр. 1.

плоть самые смелые идеи инженеров, конструкторов Центрального научно-исследовательского института бумагоделательной промышленности. В лабораториях, цехах фирмы рождается будущее отрасли: достаточно высок, по мнению зарубежных специалистов, присутствовавших на выставке, и международный авторитет «Буммаша». Вот почему столь интересным показалось мне предложение секретаря парткома объединения Л. И. Махова поближе познакомиться с тем, как создаются машины, производящие «хлеб культуры». «И лучше всего,— уточнил Лев Иванович,— начать с цеха, где делают валы и нестандартное оборудование. Там сегодня как раз партийное собрание, так что сразу войдете в курс всех наших проблем».

Так случилось, что, не остыв еще от горячих полночасных разговоров о судьбах российского леса, я буквально в тот же день стал невольным свидетелем другого — рабочего разговора на ту же актуальную тему. Ибо в обоих случаях речь шла о главном — экономии, разумном использовании сил и средств на важнейшем участке народного хозяйства... Энергичным и деловым было выступление секретаря партбюро инженера А. А. Ольховикова. И, что приятно отметить, оно ничем не напоминало, в общем, нередкий для подобных собраний «отчет о проделанной работе». Был не отчет — был анализ. Честный, не сглаживавший острых углов. И, как следствие, вызвавший коммунистов на столь же откровенный обмен мнениями. В частности, по поводу внедрения бригадного подряда.

Именно этот цех был в числе инициаторов создания подобных бригад. Уже накоплен определенный опыт, появились хорошие предпосылки для создания новых коллективов. И вдруг срыв — в местный комитет поступили жалобы из бригады В. В. Алексеева на неправильное распределение зарплаты. Председателем электросварщик Е. П. Сизов коротко изложил на собрании ситуацию: отдел труда и заработной платы предприятия разработал вроде бы обстоятельную и подробную инструкцию по применению коэффициента трудового участия (КТУ), но в приложении к конкретной производственной обстановке не сработал ни один из четырех предлагаемых вариантов КТУ. Более того, по мнению Сизова, эта неурядица подорвала веру отдельных тружеников в саму идею бригад. Какую же позицию должна занять в подобном случае парторганизация: отстаивать «честь мундира» отдела труда и зарплаты или безоговорочно стать на сторону бригады?

Коммунисты обстоятельно разобрались в конфликте (замечу, что на время отчетного собрания он пришелся, в общем, случайно — на предприятии как раз подводились первые итоги двухмесячного эксперимента с применением КТУ). Вывод? Наиболее красноречиво прозвучал он в выступлении комсорга токаря С. А. Захарова: «Всякое движение вперед неизбежно сопряжено с определенными трудностями. Но это не повод для остановки. Наши ребята решили — именно сейчас будем объединяться в комсомольско-молодежную бригаду».

Цех этот — особый в заводской структуре. Какой бы из уникальных агрегатов «Буммаша» мы ни взяли, все они так или иначе начинались здесь. Ибо идеально выточенный вал — основа любой бумагоделательной машины, а с нестандартного оборудования начинается практическое воплощение любого замысла конструкторов. Так что спрос с коллектива цеха повышенный, и работать здесь не просто. В этих условиях особенно важна роль коммунистов, их умение не только вести за собой людей личным примером, но и чутко реагировать на все новое, передовое, что постоянно рождает неисчерпаемый родник народной инициативы — социалистическое соревнование.

В связи с этим вспоминается вот что. Еще несколько лет назад на предприятии остро стояла проблема текучести кадров. Своего ПТУ у него нет, пополняться приходилось в основном за счет объявлений. Но мало найти человека — важно удержать его. Для небольшого завода, не располагающего такими возможностями, как, скажем, Кировский, «Светлана» и другие флагманы ленинградской промышленности, задача не из легких. Однако здесь с ней справились.

А начали с анализа причин увольнений. И пришли к выводу, показавшемуся сперва парадоксальным — на экспериментальном, полном творческой работы заводе молодежь (именно она поставляла большую часть «летунов») жаловалась на... отсутствие интереса в работе. Стали разбираться. И столкнулись с кознями «его величества» формализма: ребята сетовали не на труд, а на условия соревнования, нередко сводившего в одном «забеге» и новичка, только-только освоившего азы мастерства, и признанного аса. Исход такой, с позволения сказать, борьбы был предreshен заранее. Неравное «соперничество» не стимулировало ни того, ни другого, зато в соответствующей графе появлялась галочка о якобы соревнующихся товарищах.

Чтобы ликвидировать формализм в столь важном деле, на заводе была опробована и получила путевку в жизнь так называемая система эффективного труда — СЭТ. Мне пришлось встречаться с ее создателями, и в блокноте сохранилась запись рассказа одного из них:

— Нашу систему можно сравнить с той, что принята... в первенстве страны по футболу. Рабочих и бригады мы тоже по степени мастерства разделили на три «лиги». Рассчитали среднюю годовую выработку в нормо-часах по каждой профессии и взяли ее за основу для третьей группы. Среднее между полученной и максимальной выработкой определило границы второй группы. Ну а тех, кто превысил и этот показатель, отнесли в первую, высшую группу, подсчитав и для нее свой базовый норматив. Учили мнение ОТК о каждом работнике: при распределении по группам стаж и разряд во внимание не принимались — важны не «внешние данные», важно, как трудишься.

Победа в любой из групп равно почетна, поощряется морально и материально. Те, кто перевыполнил базовый норматив, получают ежемесячно премию. Итоги подводятся в

конце года, когда снова перераспределяется состав групп: вчерашние новички, соревнуясь исключительно с равными по силам товарищами, имеют хорошие предпосылки шагнуть в более высокую, более престижную «лигу». Растет и сам базовый норматив. Скажем, тот, что удовлетворял условиям второй группы в 1976 году, сейчас соответствует только третьей. Спокойной жизни система не сулит никому и заведомого лидерства за счет прежних заслуг не гарантирует. Со времени внедрения СЭТ производительность труда поднялась на одну треть, причем не столько за счет усилий передовиков-ветеранов, сколько благодаря стараниям молодых рабочих и вчерашних «сердняков».

Участки валов и нестандартного оборудования в числе первых опробовали у себя СЭТ. Тон, как водится, задали коммунисты, и сегодня среди присутствующих нет ни одного, кто бы не прошел эту школу. А ведь было время — приходилось убеждать, доказывать в цехе пользу новшества. Сейчас другая работа — СЭТ рассчитан в основном на тех, кто трудится индивидуально. А как быть теперь, при повсеместном переходе на бригадный подряд? Неужто сдавать в архив прекрасно зарекомендовавшую себя систему? Этот вопрос тоже прозвучал на собрании. Решили: рано. Есть смысл подумать над тем, как совместить СЭТ с подрядом, и, кстати, есть, кажется, некоторый опыт у соседей из сборочного цеха.

За этими большими делами не остались в стороне, вне поля зрения партийной организации и судьбы отдельных людей. И вот характерная деталь: на собрании упоминались фамилии тех, кто, будучи уволенным за различные нарушения, сейчас вновь принят на завод и, оправдывая доверие, трудится куда лучше, чем до этого сурового, но заслуженного наказания. И хоть говорилось об этом в плане, так сказать, негативном — дескать, не уследили, не поправили вовремя людей, — после меня заинтересовало другое: почему сами проштрафившиеся все же нашли в себе силы вернуться сюда же?

Александр Косарев привлек мое внимание своим взволнованным рассказом о непростых судьбах «трудных» подростков. Для молодого коммуниста работа с ними — и партийное поручение и настоятельная душевная потребность. С гордостью познакомил он собрание с письмами, которые пишет из армии товарищам в цех Сережа Кудряшов. Лейтмотив писем: отслужу — обязательно вернусь к вам!

Это осознанное, твердое решение уже можно считать каким-то итогом: парень нашел и себя и свое место в жизни. И благодарен за это коммунистам цеха, опекавшим его с первого рабочего дня. Опека эта не ограничивается заводскими стенами. После смены каждый день Косарев, его товарищи спешат в подшефный жэк, чтобы помочь организованному там для ребят мотоклубу, провести встречу с интересным человеком, посодействовать с ремонтом... Забот выше головы. А Саша сам недавно из армии, дома двое ребятишек, требует времени и учеба. Трудно приходится.

— Трудно, — соглашается Саша. — Но необходимо. Ведь мы отвечаем за все.

Мы отвечаем за все... Эта обязывающая формулировка прозвучала и в выступлении партгруппорга слесаря Г. Д. Савельева, уделившего особое внимание вопросам бережливости, и в рассказе молодого депутата райсовета Александра Огорова о том, как выполняются наказания избирателей.

Высокой ответственностью проникнуты и социалистические обязательства коммунистов, большинство из которых решили справиться с годовыми заданиями досрочно — к 7 ноября. Это подарок празднику, подарок стране, большими заботами которой живет маленькая, насчитывающая всего 18 коммунистов парторганизация одного из цехов ленинградского объединения. Но не даром говорится в народе: мал золотник, да дорог — не числом, умением берут партийцы, достойно участвуя в решении грандиозных задач, намеченных XXVI съездом КПСС. И делом доказывают, что в неразрывной технологической цепочке, связывающей зеленый лист с листом бумажным, их звено — из самых надежных...

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

Ленинград.

ГОД НАЧИНАЕТСЯ В ОКТЯБРЕ

Б. СМЕРНОВ

— Что я считаю целью занятий? Удивить людей! Вернее, не столько удивить, сколько передать им свое удивление, увидеть в простом необычность. Сама я не могу спокойно читать газеты, слушать радио — мне кажется, иные строчки и слова горят, требуют нашего участия. Столько вокруг необыкновенных дел, столько важнейших событий! И мне хочется, чтобы мои слушатели тоже чувствовали вот этот накал жизни, чтобы могли осмыслить и верно оценить все происходящее и в мире и рядом с собой...

Вера Ивановна Буровикова пронизывает эти слова спокойно, без всякого пафоса, даже с оттенком иронии над собой: вот, мол, не удержалась, говорю громкими фразами! И я пробую представить себе, как она держится на занятиях.

Вот сидят перед ней двадцать усталых, только что отработавших смену людей — каждый со своим характером, настроением, со своей заботой. А она им излагает известные в общем вещи. Ох, как важно тут не сфальшивить... Наверное, она боится стандартных формулировок, обкатанных фраз, умеет «услышать себя» со стороны и все время помнит, что только искренностью, внутренней убежденностью каждого слова можно удерживать внимание этих людей. И каждый должен не только понять, каждый должен поверить...

Вера Ивановна Буровикова — технолог и пропагандист. Мне почему-то кажется, что в цехе будильников 2-го Московского часового завода ее все называют просто Вера потому, что общительный, легкий характер всегда влечет к себе много друзей. Особенно здесь, где много молодежи, где официальные отношения вовсе «не в моде». Не так уж давно Буровикова была в цехе комсомольским секретарем. И то, что именно ей доверили вести комсомольскую политехучебу, было воспринято как нечто закономерное. А для нее обычное партийное поручение стало одной из серьезнейших жизненных задач. Дом, воспитание дочери, ответственность на работе — все это осталось, но появилась еще забота о двух десятках молодых рабочих, об их настроениях, мыслях, взглядах.

— Мое преимущество в том, что они все у меня постоянно перед глазами, — рассуждает Вера Ивановна. — Я знаю, кто из них как потрудился, кто чем дышит. И поэтому главное для меня — это, как я говорила, поразить их тем, что поражает меня. Значит, самой надо много читать, быть все время в курсе событий. Знаете, нельзя надеяться, что они, слушатели мои, сами что-то прочтут. Многие просто читать не умеют — в переносном смысле, конечно. Вот я прибегаю в цех

всех в растрепанных чувствах, спрашиваю: девчата, читали сегодня такую-то статью в «Правде»? Да, говорят, читали. Ну, и как? Они плечами пожимают. Тут я начинаю рассказывать, как я поняла статью, волнуясь, в словах путаюсь — они стоят как завороченные. Где это ты, говорят, узнала? Да как же, в «Правде», там все написано... Понимаете, как в школе не приучили к самостоятельному мышлению, к анализу фактов. Они знают-то много, но не научились сопоставлять знания с жизнью. Это, мне кажется, огромное упущение школы...

— И вы стараетесь как-то его возместить?

— Да, конечно. Хотя свою роль в этом деле я не переоцениваю. Высокий уровень рабочей сознательности на производстве может быть лишь там, где воспитанием занимаются и партийная, и комсомольская, и общественная организации — все вместе. Свою задачу пропагандиста я только так и вижу — в комплексе общих задач воспитания человека. И мне хочется расшевелить, разбудить у своих слушателей жажду к знанию, убедить их, что можно добиться чего-то в жизни, только понимая грандиозность общих дел, не замыкаясь в своих интересах...

Вера Ивановна теребит в руках две обычные школьные тетрадки. В одной — расписание занятий группы, темы, списки слушателей. Другая исписана под копирку личными заданиями; один экземпляр отдается слушателю, другой — для контроля — остается в тетради.

— Вот видите, темой занятий было обсуждение решений XXVI съезда партии. А я попыталась показать, как общая большая тема трансформируется в наших конкретных, ежедневных делах. Вот, например, какие у нас были беседы: «Причины простоев и брака», «Твое личное участие в повышении культуры производства», «Твоя помощь мастеру». Помню, выступает как-то одна сборщица — фамилию называть не буду, — критикует порядки в бригаде. «А вот чем ты сама помогаешь мастеру?» — спрашиваю. «Да ничем». «Почему же?» «Ленью». Неожиданно так это прозвучало, и, видно, сама сборщица призадумалась: какой же порядок будет в бригаде, пока мы равнодушны... Или шел разговор о простоях, и мы стали выяснять, кто владеет смежными операциями. Оказалось — пока не все. «Вот пока вы простаиваете без дела, в двух шагах от вас рабочих рук не хватает», — говорю я и вижу, что они просто не думали, не догадывались о такой простой вещи, как взаимозаменяемость! Ну, а вообще-то есть у меня молодцы, отлично работают: Ира Акулина, например, в прошлом году выполнила свою пятилетку в октябре, но дню рождения комсомола, а Нина Федина и Роза Хакимова справились с заданием еще раньше — к 110-й годовщине со дня рождения Ленина. Я уверена, и с планами этого года многие справятся досрочно.

...Прошлогодние тетрадки отложены в сторону. Идет октябрь, наступили первые дни занятий, но Вера Ивановна уже расписала себе на год вперед — кого из слушателей готовить к приему в партию, кого — убедить учиться в вузе, за кем проверить выполнение соцобязательства... Обычные заботы в обычном учебном году той школы, в которой экзаменует жизнь.

СЛАВНОЕ ИМЯ — «БУДЕННОВЕЦ»

Подмосковье повсюду прекрасно, особенно осенней порой. Ну, а нам кажется, что нет лучше наших мест! Совхоз «Буденновец», его земли и поселки расположены в Дмитровском районе Московской области. В эти дни совхозу исполняется 50 лет; юбилей — прекрасный повод оглянуться назад, рассказать о лучших людях, помянуть о будущем...

Хозяйство наше неплохое, высокопроизводительное, специализируется по свиноводству. За минувший год вырастили в два раза больше поросят, чем в 1971 году, а планируем довести их поголовье до пятидесяти тысяч в год — таковы наши перспективы. Несмотря на соседство такого развитого города, как Дмитров, у нас много молодежи. Это объяснимо. У нас четко отлажен агропромышленный комплекс. Но не только: все поселки и центральная усадьба благоустроены. Старых строений почти не осталось. У нас многоэтажные дома с квартирами улучшенной планировки, есть и коттеджи, рассчитанные на две семьи. Рабочие имеют приусадебные участки, держат кто корову, кто бычка, а кто и дома поросят выращивает.

Однако не хлебом единым живем. В совхозе прекрасный Дом культуры, всегда многолюдный, потому что и стар и млад любит проводить здесь свободные часы. Стабильные доходы позволяют дирекции и рабочему комитету отчислять немалые деньги на развитие спорта, на культурную работу. Молодежь своими руками строит, например, новый спортивный комплекс с плавательным бассейном, легкоатлетическим манежем, с площадками для волейбола и баскетбола. Вот вам и дополнительный стимул для тех юношей и девушек, которые на распутье между городом и нашим совхозом. Особенно популярны у нас лыжи, плавание, футбол, хоккей...

Я говорю об этом подробно потому, что молодым решать все те новые проблемы, которые ожидают нас за порогом первого полувека жизни совхоза. Производственную программу и социально-культурные аспекты повседневной жизни на селе нельзя отрывать друг от друга. У нас все желающие

учиться получают совхозную стипендию, многие учатся заочно. Но и работать новые специалисты, вся наша жизнерадостная, грамотная молодежь должны в новых условиях. С помощью государства мы только на механизацию в минувшей пятилетке израсходовали более полумиллиона рублей. А это значит, что на смену устаревшим технологиям пришли новые, под стать нашему времени и достижениям науки. Что и говорить, труд стал легче. Да и просто интереснее теперь работать. Совхоз получает немало новой техники. Конечно, без помощи шефов все еще не обходимся, нам помогают горожане и на сенокосе и на копке картофеля...

Чистая прибыль за прошлую пятилетку составила 4,3 миллиона рублей, что больше на миллион рублей с лишним, чем в девятой пятилетке. Вот эти-то миллионы — надежный источник улучшения жизни в совхозе «Буденновец». Конечно, никакие миллионы не стали бы реальностью, если бы не наши славные труженики. Люди в «Буденновце» замечательные! Коллектив гордится Александрой Андреевной Лазаревой, Анастасией Петровной Александровой, Полиной Осиповной Фоминой, династией Бобковых во главе с Игнатом Владимировичем, династией Завьяловых, дочерьми А. А. Лазаревой — Галиной Владимировной Жуковой и Валентиной Владимировной Борисовой, а также династией Куликовых во главе со Львом Николаевичем, ветераном войны и труда, который руководит у нас молочным комплексом...

Вот так и живет наш совхоз «Буденновец». Живет жизнью напряженной, многотрудной, интересной. Позади пятьдесят лет... Нам идти дальше. Иначе никак нельзя — подмосковное хозяйство во всем должно держать отличную марку. Обязывает жить достойно священный долг перед памятью всех 272 земляков наших, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

И. ФУФАЕВ,
директор совхоза
«Буденновец», кандидат
сельскохозяйственных наук

На новой улице центрального поселка. Слева направо: ветеран труда И. А. Трондин, бригадир Т. И. Завьялова, директор совхоза И. Ф. Фуфаев, секретарь парткома Н. И. Дягелева, бригадир С. С. Орлов, звеньевый А. А. Новиков.

Фото Б. Кузьмина

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

ЕГИПЕТ

СЛОВА И ДЕЛА

Проводя интенсивную кампанию по подавлению оппозиции, президент АРЕ А. Садат не устает делать публичные заявления о том, что он «является приверженцем демократии и многопартийной системы».

Что же касается самой египетской оппозиции, то она, по словам Садата, «неправильно трактовала демократию». Чтобы не быть голословным, президент Египта привел пример «правильных действий оппозиции», назвав в качестве такового поведение лидера израильской Партии труда Переса, который был заранее ознакомлен Бегинем с решением о бомбардировке иракского центра ядерных исследований, но, хотя и был несогласен с этим решением, сохранил «национальную тайну».

Продолжая обвинения в адрес оппозиции, Садат заявил о том, что задачи обеспечения процветания египетского народа возьмет на себя одна правящая НДП — Национал-демократическая партия.

И не иначе как для «обеспечения процветания» на территории Египта под предлогом борьбы с

малярией начались широкие эксперименты над местным населением, которые с благословения египетских властей проводят военные специалисты США в области бактериологического оружия. Цель этих опытов — определение эффективности воздействия различных видов бактерий на человеческий организм в различных климатических условиях.

Сообщая об этих представляющих серьезную опасность для здоровья населения опытах, ливийское агентство ДЖАНА подчеркивает, что «подобные факты, ставшие достоянием общественности, еще раз свидетельствуют о том, что нынешнее садатовское руководство АРЕ готово не только поступиться интересами своего народа, но и легко пожертвовать жизнью своих сограждан, предоставив их в качестве подопытных кроликов в руки «экспериментаторов из Вашингтона».

На снимке: египетские полицейские. Их руками осуществляются репрессии.

САЛЬВАДОР

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сальвадорский Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНО) продолжает вооруженную борьбу против войск правящей хунты. Партизаны наносят ощутимые удары по противнику, выводя из строя не только живую силу и технику, но и важные коммуникации, затрудняя тем самым действия карателей.

Так, в прошлом месяце бойцами ФНО был осуществлен ряд операций, в результате которых было выведено из строя 25 процентов энергетической сети страны. Глава правящей хунты Дуарте, находясь однажды в отеле, смог произнести одну из своих речей лишь

благодаря передвижной электростанции, которую он возит с собой на случай перебоев в электро-снабжении.

Закономерна и помощь местного населения бойцам ФНО. Именно оно в первую очередь страдает от действий сальвадорской военщины, которая под руководством американских советников осуществляет карательные операции. Солдаты хунты зверствуют в городах и сельских районах, в результате массированных бомбардировок многие населенные пункты превращаются в руины, мирные жители остаются без крова.

На снимке: отряд бойцов ФНО.

NATO'S ANTI-NUKE LOBBY

DENMARK: Prime Minister Anker Jorgensen supports a nuclear-free zone in Scandinavia; main base of Women for Peace, which has 500,000 members.

NORWAY: Prime Minister Gro Harlem Brundtland also advocates a nuclear-free zone.

BRITAIN: Serves as an intellectual anti-nuclear center through two groups, The Campaign for Nuclear Disarmament and European Nuclear Disarmament.

THE NETHERLANDS: Prime Minister Andreas van Agt faces strong opposition to new Pershing and cruise missiles from 350 separate peace groups.

BELGIUM: Home of the International Peace Information Service and the international headquarters of the Catholic peace movement, Pax Christi.

WEST GERMANY: Leftists, ecologists and religious groups exert strong pacifist pressure on Chancellor Helmut Schmidt.

Scale of miles
0 100 200 300

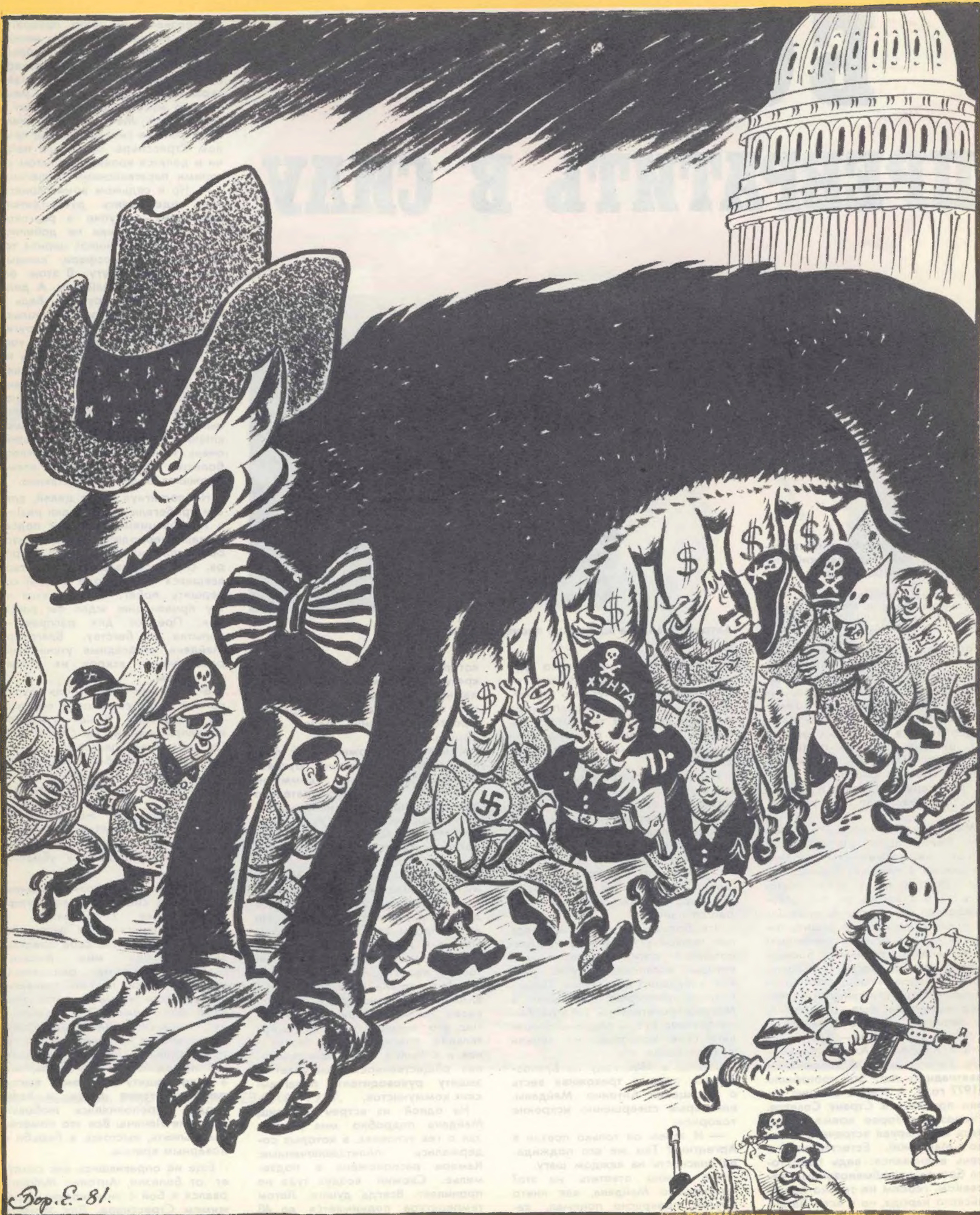
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ПРОТИВ ЯДЕРНОГО БЕЗУМИЯ

Эту карту опубликовал недавно влиятельный американский еженедельник «Ньюсвик». На ней отмечены те западноевропейские страны, в которых наибольший размах получило общественное движение за ядерное разоружение. Каждый день информационные агентства приносят сообщения о нарастающей волне протеста против безумных планов размещения в Европе новых ядерных средств. Для большинства европейцев становится все более очевидной та

опасность, которую представляет собой это оружие.

Отвечая на вопросы западногерманского журнала «Блеттер фюр дойче интернационале политик», французский адмирал в отставке Антуан Сангинетти так охарактеризовал свое отношение к ядерному оружию: «...Кто присутствует при взрыве атомной бомбы, тот уже не задает вопросы... Человек оказывается перед страшной и непостижимой катастрофой, которую он вызвал, но которая уже вышла из-под его контроля...»

ВАШИНГТОНСКАЯ МАТЬ-КОРМИЛИЦА

Течет струя —
Густая, золотая...
А кто сосет Волчицу?
Волчья стая!

Урвать побольше
Каждый норовит:
У выкормышей —
Волчий аппетит.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

БОЛЬ ПРЕВРАТИТЬ В СИЛУ

Александр ПЕТРУХИН

В одном из своих стихотворений известный парагвайский поэт Эльвио Ромеро писал:

Хочу быть пульсом людей,
Смело идущих в атаки,
Чувствовать в сердце своем
Их пульсов алые такты.

Эти строки, рисующие обобщенный образ подпольщика-антифашиста, можно полностью отнести и к Антонио Майдане, руководителю парагвайских коммунистов. Всегда, и в глубоком подполье и в тюремных стенах, он был «пульсом людей» — трудящихся Парагвая, знал их заботы и тревоги, смело шел в атаку за интересы рабочих и крестьян, стойко защищал свои убеждения...

Майдана... Его имя стало легендой. Девятнадцать долгих лет в самых бесчеловечных условиях провел он в тюрьмах и концлагерях. Простые люди земли боролись за его жизнь, за его освобождение. Не счесть прошедших на планете митингов в защиту парагвайских политзаключенных! Имя Майданы сделалось боевым паролем солидарности. И под давлением мировой общественности диктатор Парагвая генерал Стресснер вынужден был освободить из тюрьмы Антонио Майдану и двух его соратников — Хулио Рохаса и Альфредо Алькорта, которые также были в заключении девятнадцать лет. Это произошло в 1977 году. А вскоре бывшие узники приехали в Страну Советов.

Через некоторое время состоялась моя первая встреча с Антонио Майданой. Естественно, я очень волновался: ведь предстояла беседа с необыкновенным человеком, героем не только парагвайского народа, но и всей Латинской Америки, коммунистом, который не склонил головы перед палачами, выдержал все тяжкие испытания. «Как внешне выглядит Майдана?» — думал я. У меня хранилась его фотография, сделанная незадолго до ареста Майданы в 1958 году. Тогда ему было 42 года. Обрел же он свободу лишь

Антонио Майдана во Дворце пионеров в Москве.

на 61-м году жизни. Только вдумайтесь в это! Самые лучшие годы — период физического и умственного расцвета — компаньеро Антонио провел в тюремных стенах, в камере, которую сами узники называли «могилой для живых».

И вот я вижу товарища Майдану, ощущаю его крепкое рукопожатие. Он выше среднего роста, светлые посеребренные сединами волосы гладко зачесаны назад. Лицо бледное, усталое... Я знал, что у Майданы часто болело горло — результат варварского обращения полицейских при аресте. От этого Антонио задыхался, терял сознание...

Что больше всего запомнилось при первой встрече — это необыкновенный оптимизм, тот самый, который вдохновлял других узников, впадавших в отчаяние. Парагвайских патриотов окружили в Москве трогательной заботой, было сделано все, чтобы они поправили свое здоровье. Их лечили лучшие врачи.

...Когда в 1980 году из Буэнос-Айреса пришла тревожная весть о похищении Антонио Майданы, некоторые совершенно искренне говорили:

— И зачем он только поехал в Аргентину? Там же его поджидала опасность на каждом шагу.

Что можно ответить на это? Компаньеро Майдана, как никто другой, прекрасно понимал, какой он подвергает себя опасности, направляясь в соседнюю с Парагваем Аргентину. Но, человек действия, он не мог поступить иначе. Антонио хотел быть ближе к своей родине, к своим соотечественникам, чтобы на месте выполнять решения июньского пленума ЦК ПКП (1978 год), на

котором была разработана конкретная программа борьбы с продажным режимом Стресснера, создания антидиктаторского фронта, укрепления рядов компартии.

Сейчас невозможно дать полную картину похищения руководителя парагвайских коммунистов, — так оно было тщательно подготовлено. Но, несомненно, этот террористический акт — дело рук тех фашистских сил, против которых всю свою жизнь боролся Антонио Майдана.

Где сейчас находится товарищ Майдана? Жив ли он? Долгое время на эти вопросы нельзя было дать определенного ответа. На все запросы власти Аргентины и Парагвая или хранили молчание, или отвечали не по существу. И только недавно стало известно, что Антонио Майдана содержится в казематах концлагеря «Эмбоскада» на территории Парагвая. Над его жизнью нависла смертельная опасность. Вот почему, как и в былые годы, прогрессивная общественность выступает в защиту руководителя парагвайских коммунистов.

На одной из встреч товарищ Майдана подробно мне рассказал о тех условиях, в которых содержались политзаключенные. Камера расположена в подвелье. Свежий воздух туда не проникает. Всегда душно. Летом температура поднимается до 40 градусов. Долгое время политзаключенным не давали читать и писать, запрещали встречаться с родственниками.

— Создавая такие невыносимые условия, — говорил Антонио Майдана, — тюремщики преследовали вполне определенную цель. Они хотели, чтобы узники потеря-

ли человеческий облик, превратились в полузверей, чтобы между нами происходили драки, ссоры...

Не правда ли, знакомый почерк гитлеровцев! Кстати, их немало скрывается в Парагвае. Среди них, по многим данным, живет и врач-садист Менгеле. Они свили себе уютные гнездышки под крылом Стресснера. Вот эти-то палачи и делятся кровавым опытом со своими парагвайскими коллегами.

— Но в седьмом комиссариате, где содержались руководители компартии, — вступил в разговор Рохас, — тюремщики не добились своего. Среди узников царила товарищеская атмосфера, каждый помогал друг другу. В этом огромная заслуга Майданы. А дело это было очень трудное. Ведь в камере находились не только коммунисты, но и члены других партий. Бывали дни, когда от тоски по свободе и родным хоть на стенку лезь. И некоторые узники впадали в отчаяние... Но Майдана добился, казалось, невозможного. Он сплотил политзаключенных, к сердцу каждого нашел ключик. Ему самому было порой очень тяжело, когда обострялась болезнь, но он наперекор всему держался бодро, мужественно.

Не достигнув своих целей, власти прибегали — и не один раз! — к провокациям. В камеру подсаживали переодетых агентов, изображавших из себя жертв террора. Они подговаривали истосковавшихся по свободе людей совершить побег. Поддавшихся на эту провокацию ждал бы расстрел. Предлог для расправы — попытка к бегству. Благодаря Майдане «подсадные утки» были разоблачены, вскоре их убрали из камеры.

В 1971 году против политзаключенных была совершена еще одна провокация. 9 мая в камеру ворвался пьяный сын Стресснера. Он размахивал пистолетом, поносил узников, особенно коммунистов, приставал к Майдане, всячески старался вызвать ссору, которая могла бы закончиться кровавой расправой. Но узники во главе с Антонио Майданой проявили хладнокровие, и Стресснеру-младшему пришлось убраться восвояси.

Поднятию духа политзаключенных очень способствовала интернациональная солидарность с борьбой парагвайских патриотов.

— Вы не можете себе представить, — говорил мне Антонио Майдана, — как мы радовались, когда разными путями узнавали, что за наши жизни борются простые люди земли. Это вселяло в нас новые силы. Даже самые пессимистически настроенные узники приободрялись. Мы чувствовали, что не одиноки... Мы знали, что в нашу защиту постоянно выступают советские люди, и наши сердца переполнялись любовью к стране Ленина. Все это помогло нам выжить, выстоять в борьбе с коварным врагом.

Еще не оправившись как следует от болезни, Антонио Майдана рвался в бой с антинародным режимом Стресснера. Для этого-то он и поехал в Буэнос-Айрес.

...Больно писать эти строчки. Еще живы в памяти незабываемые встречи с этим удивительным человеком, патриотом Парагвая и верным интернационалистом. Но нужно боль превратить в силу и сделать все, чтобы освободить мужественных борцов.

К. Тельжанов. Род. 1927. ЗАПЕВАЛА. 1967.

Г. Исмаилова. Род. 1929. КАЗАХСКИЙ ВАЛЬС, 1958.

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XIX

С того дня, как мы с Жуликом вернулись из Малой Екатериновки, мать как-то сразу пала духом; все чаще усаживалась на лавку и бессильно опускала руки на колени себе; глаза ее вроде бы обрезались, глубже утонули в орбитах и, сухие, смотрели перед собой в одну точку неподвижно и скорбно; по утрам, когда затапливала печь, в них шевелились отблески пламени, и тогда уже глаза казались горячечными, больными. Приготовив нам еду, сама за стол не садилась, сунет что-то в рот, пожует нехотя, пошевелит сморщенными губами и опять сидит неподвижно, уронив на колени безвольные руки — те самые, которые никогда не оставались без дела, шевелились, перебирали что-то даже во сне; сейчас, судя по тому, как они лежали, рукам этим ничего не хотелось делать, и, ежели они все-таки делали что-то, то делали через силу, — не было в них ни бывлой проворности, ни ловкости, ни тем более азарта. Это пугало меня, я старался расшевелить ее:

— Мам, чего это ты?

— А? — Она вздрагивала, глядела на меня вопросительно, будто проснувшись от чьего-то толчка.

— Чего за стол не садишься?

— Я уж поела, сынок. Ешь, ешь, милый.

Слышал я, как мать жаловалась соседке, доброй тетеньке Анне, бывавшей у нас чаще других, потому что мать нет-нет да и сунет ей под фартук то половинку тыквы, то свеклину, то пару картофелин, а когда отелилась Рыжонка, то и кружку молока, жаловалась, значит, ей:

— Сердечушко чтой-то у меня побаливать стало, кума.

— Настрадалась, намучилась ты, Фросинья, с хабагином своим, а сердце, оно, милая, не камень. Да ты плюнула бы на него — не стоит он твоих слез. Вон за младшеньким гляди, как бы не сбросил его кто с караульной-то вышки и не придушил, как кутенка. Нашли сторожей, окаанный бы их побрал совсем, таких начальников! — Тетенька Анна погрозила кому-то в окно. — А на Николая свою плюнь, Фросинья!

— Рада бы плюнуть, да не могу, — призналась мать.

— Плюнь, плюнь! — еще настойчивее повторила шабренка.

Мать и рада была воспользоваться ее советом, но это находилось за пределами ее власти над собой. Прямо на наших глазах она сперва начала таять, сохнуть, а затем мы увидели, что мамины ноги стали отекают, передвигалась она с трудом; синяя отечность появилась и на лице, выправила морщины, но лицо не сделалось от этого свежее и моложе. Дошло до того, что мать не могла уж подойти к корове, и за нее делала это тетенька Анна; надо сказать, что делала охотно, потому что кружка молока, которую соседка неизменно уносила и прежде, была теперь заработана ею и не казалась уж такой тяжелой, как тогда, когда она давалась ей как бы Христа ради.

Окончание. См. «Огонек» №№ 21—40.

Этими днями узнали, что отец наш арестован и привезен в Бalandу, где должен был состояться суд. Боясь за больную мать, мы с Санькой остались дома, а в районный центр отправился Ленька. Вернулся он уже по-темному, сообщил как о ком-то постороннем:

— Три года дали, — и сразу же полез на печку, чтобы укрыться там от материнных глаз.

Кровать, однако, молчала: сраженная этой новостью, мать не смогла обронить ни единого слова.

В канун Нового года на двор к нам вкатились три телеги, и братья Ефремовы, Егор и Федот, помогли Саньке и Леньке перетаскать в сени и в заднюю избу более десятка мешков с пшеницей и рожью: на Санькины и Ленькины трудодни (а их заработано было очень много) выдали — шутка сказать! — по три килограмма на трудодень сразу, да авансом до этого получено по одному кило.

— Мама, мам! — прокричал я, ворвавшись в избу, — ты только глянь, мам!

Мать лежала на кровати, с которой она уже не могла вставать, раскрыла глаза, повела ими, поморщилась, хотя пыталась, видно, улыбнуться. Сказала тихо, но довольно отчетливо:

— Слава богу. Живы теперь будем.

Она подняла, простерла кверху обе руки, и я понял, что должен положить в них свою голову: мама захотела поласкать, пожалеть меня. Слово «жалеть» употреблялось ею вместо «любить», и в те редкие дни, когда отец смягчался, переставал «дурить» и между ним и нашей матерью водворялся мир, мама, озаряясь тихой, светлой улыбкой, хвалилась тетеньке Анне, своей подруге и душеприказнице: «Мой-то жалест меня».

Теперь ей захотелось пожалеть меня. Боясь расплакаться, я поскорее уронил голову на ее грудь так, что затылком уперся в ее подбородок.

— Сиротинушка мой, — услышал я ее горячий, прорывающийся сквозь слезы голос.

— Не надо, мам! Роденькая, не надо!.. Я скоро вырасту, выучусь, стану всесторонне развитой личностью! — бормотал я, не зная, как это вырвались из меня эти чужие, много раз слышанные в школе слова о «всесторонне развитой личности». — Не плачь, мам!..

Новый год принес лютую стужу, снега в одну неделю намело столько, что он сравнял дворы с плетнями, которые обозначались лишь торчавшими из них кольями. Медленно угасающую нашу мать кто-то недоумил (не тетенька ли Анна, слышавшая на селе знахаркой?) попробовать хориного мяса; хоть оно страсть как вонюче, втолковывала она страдальце, да, слышь, очень полезно. Мать вбила это в свою голову и стала просить, требовать, чтобы я изловил хоря и сварил его для нее. Одна мысль о хорином мясе вызвала у меня крайнее отвращение, и всего аж передернуло. Видя это, больная заплакала:

— Не жалко тебе, знать, родную-то мамку.

— Да поймаю я тебе его. Обязательно поймаю. Не плачь, мама!

— Спаси те Христос, сыночка... Глядишь, подымешь меня на ноги, оклемаюсь, можа...

И она затихла, успокоенная.

С вечера выпал еще снег, но потом все стихло. Утром, встав на самодельные ши-

рокие лыжи, доставшиеся мне в наследство от дяди Сергея Звонарева, волчатника, я направился в сторону Малых гумен, от которых уцелело каким-то чудом несколько риг. Мне повезло: в полуверсте от дома, на иссиня-белом, переливающимся, мерцающем на солнце, ослепляющем глаза снегу сразу же увидел хориный след; его парные отпечатки четкой строчкой прошивали пушистое полотно, убегали от меня все дальше и дальше, но по прежним опытам я хорошо знал, что очень-то далеко они все равно не убегают — оборвутся скоро у свежей, уходящей наискосок сначала под снежный покров, а потом уж и под землю норы. Случилось так, что нора эта оказалась возле бывшей нашей риги, и, видя, что след зверька прервался тут, не уходил никуда больше от норы, я поставил заячий капкан так, что при всем его желании хорь не смог бы обмануть, обойти его при ночном выходе на очередную охоту. Вернувшись домой, сообщил матери твердо:

— Завтра утром принесу хоря, мам.

Она опять всплакнула, но, видать, от радостного волнения и благодарности. Молвила:

— Спаси те Христос, сыночка.

С рассветом следующего дня взял с собой Жулика; прошлым утром он напрашивался тоже в спутники ко мне, но я его грубо отогнал, потому что пес своим повышенным усердием мог бы помешать мне. Теперь он был мне нужен: хорек — маленький зверь, но очень уж агрессивный, так просто в мои руки он бы не дался, мог бы и укусить; пускай уж, думал я, Жулик порезвится, повоюет с ним немного, проявит смелость и сноровку.

Пойманный зверь находился в нескольких вершках от своей норы; завидя устремившуюся к нему собаку, он пружинисто подпрыгнул, выгнул спину, поднял белогрудую головку с крохотными, как бы подрезанными ушами, оскалится, зашипел и начал делать прыжки в сторону опешившего и явно перетрусившего Жулика.

— Взять, взять его, Жулик! — поощрял я повелительным голосом.

Подстегнутый им, пес попытался схватить хоря, но тот изловчился и больно укусил собаку за нос. Жулик взвыл, отпрянул назад и залился плаксивым лаем, глядя то на меня, то на зверя. Пришлось мне прийти Жулику на помощь. Припасенной на такой случай палкой угодил хоря прямо в голову, тот вытянулся, и тогда-то Жулик, расхрабравшись, запустил в мягкое, теплое его тело свои клыки: очень уж хотелось оправдаться передо мною за свою минутную растерянность и трусливый скулеж.

Показав дома убитого зверька матери, сняв затем с него шкуру, саму тушку я выбросил подальше на зады, а для мамы сварил крольчиху, укрывавшуюся под нашим амбаром, которую я приберегал на развод. Но мама не отведала и крольчатины; поднесла кусочек к губам и выронила его на пол.

Ночью мать померла.

Позванная мною тетенька Анна, спровадив нас в переднюю комнату, нагрела воды, обмыла сделавшееся опять легким до невесомости тело, пришла затем в переднюю, сама открыла большой, синий, оплетенный железными ремнями мамин сундук, отыскала на его дне все, что полагалось покойнице (умирающая успела сообщить ей, где хранилось «смертное»), достала последнюю эту справу, облачила в нее нашу мать и уже с помощью Саньки и Леньки подняла, положила на стол головою к образам.

Я не видел, как они это сделали, потому что забился в самый угол на печи, где и стучался, не чувствуя боли, головою о прирубку, корчась в беззвучном, не могущем никак вырваться наружу рыдании.

Часом позже привел учителя по труду, и Петр Ксенофонович на скорую руку сколотил из сохранившейся в конюшне колоды гроб.

Свирепые морозы так сковали глинистую землю, что Федот Михайлович и мы, три брата, смогли вырубить в ней топорами и ломками лишь неглубокую ямину; весною, придя проведать материну могилу, я увидел торчавшие из-под земли углы ее гроба. Умываясь не то потом, не то слезами — может, тем и другим одновременно, — я подкопал глины, сделал невысокий холмик, обложил его плитками дерна, а в изголовье вбил живой ветляный колышек, который скоро выбросил побеги, и теперь, много-много лет спустя, я нахожу мамину могилу по старой ветле, разбросившей широко во все стороны руки-сучья, прикрывши прохладной тенью чуть приметный ныне бугорок, — склоняю низко голову и говорю неслышно:

— Прости, родимая, что у твоих сыновей не хватило сил на то, чтобы твое последнее пристанище было и поглубже и попросторнее.

Сивый полынок на том бугорке шепчется о чем-то с красноголовым татарником, источая тонкий, пощипливающий глаза и ноздри запах. А над малиновой головой татарника туго гудит шмель, готовый погрузить свое мохнатое тельце в пушистую, пахнущую медом перину. А в воздухе, прямо над моей головой, висит, трепеща радужными крылами, пустельга, унося меня в невозвратную, щемяще сладкую пору детства — к Ваньке Жукову, ко всему, что было с ним и со мною и чего уж никогда не будет.

XX

Весною тридцать четвертого Саньку призывали в Красную Армию, Ленька уехал в Саратов на курсы тракторных механиков, и я остался в доме один, быстро овладевший всеми делами, которые делала, бывало, мать: доил корову (поначалу молоко почему-то попадало мне в рукав рубахи), пек хлебы, блины и лепешки, сам вскапывал огород, для разрыхления земли Алексей Иванович Климов отковал для меня небольшую железную борону, и прохожие останавливались, наблюдая, как маленький, двуногий Сивка влачит ее по отливающим синевой гребням чернозема; сам сажал картофель, тыквы, огурцы, капусту и осенью все это производил в дело — убирал в погреб, засаливал. Занятый множеством дел, первое время я даже не находил времени на то, чтобы тосковать, но потом тоска все-таки подобралась к моему сердцу, и я начал искать общения.

На Хуторе бывал у Васьки Мягкова, тоже оставшегося без отца и матери, Федьки Пчелинцева, потерявшего отца еще задолго до тридцать третьего года. Вместе мы заглянули на заброшенный двор Жуковых, не сожженный соседями. Не знаю почему, но зашел я и в сарай и остановился при входе: в дальнем затемненном углу мне померещился Полкан, я окликнул его, но свернувшийся в клубок пес не ответил. Я сделал несколько шагов в глубь сарая, освоился с темнотой и понял, что передо мной не Полкан, а его шкура.

Пробкою вылетел из сарая и, ничего не говоря товарищам, убежал от Ванькиного дома, оставив Ваську и Федьку в крайнем недоумении.

— Мишка, ты куда-а? — крикнул кто-то из них мне вдогонку, но я не оглянулся.

Но теперь знал, что одному мне в доме не усидеть, и я включился во все дела, какие только поручались ребятишкам в те беспокойные годы.

Тридцать четвертый и тридцать пятый отпечатались в моей памяти тремя событиями, взвихренными именами Павки Корчагина, Чапаева, челюскинцев и их спасителей.

Ночи напролет мы, то есть я, Васька Мягков, Федька Пчелинцев, Минька Архипов, Колька Маслов, Петенька Денисов-Утопленник (Гриньки Музыкина не было среди нас, исчез куда-то вместе с братьями Жуковыми), от зари до зари сидели за большим нашим столом и по очереди читали страницы удивительной книги; некоторые главы перечитывали по нескольку раз и знали их наизусть, знали теперь хорошо и то, что самое главное у человека — это жизнь и ее надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за мелочное прошлое, чтоб, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...

В этом месте нетерпеливый Федька Пчелинцев обычно перебивал чтеца:

— А мы... вот я, вот ты, Васька, все мы — живем бесцельно?

Озадаченные, мы умолкали и, не найдя, что сказать в ответ, шикали на товарища:

— Не мешай, Федька!.. Завсегда ты болтнешь что-нибудь такое...

— Правда, Федь, помолчи лучше. Надежда Николаевна дала нам книжку толчико на три дня. Завтра заберет, она ведь одна на все село.

О челюскинцах и их спасителях мы узнали в поле, где сражались с осотом, молочаем и другим злющим сорняком, и орали «ура» до хрипоты, когда последний челюскинец был снят со льдины и вывезен не то Водопьяновым, не то Леваневским, не то Каманиным, не то Ляпиловским или Молоковым на «Большую землю». От великой радости мы не слышали даже зуда в ладонях, не чувствовали и усталости, просили бригадира, чтобы оставил нас на поле и ночью. Поздней осенью, когда Кочки покрылись достаточно прочным льдом, разбили там лагерь и назвали его челюскинским; в течение всего дня спасали девчонок, исполнявших по нашему настоянию роль пасажира с утонувшего «корабля», — ребята были, конечно, летчиками; поскольку идея этой серьезной игры принадлежала мне, то мне и предоставлено право первым выбрать для себя имя героя-летчика. Не знаю уж почему, но выбор мой пал на Водопьянова, — потому, может быть, что он оказался моим тезкой.

Потом в черной своей бурке, точно демонов крылья летевшей по ветру, ворвался в наши души и навсегда покорил их Василий Иванович Чапаев. Для того, чтобы посмотреть фильм о нем и легендарных чапаевцах, мы всеми классами под командой Михаила Федотовича пришли в район и расположились бивуаком на площади против нового и пока что единственного кинотеатра, сооруженного из нескольких разобранных церквей, в том числе одной нашей, монастырской. Картину «крутили» днем и ночью, делая короткие перерывы лишь на то, чтобы вышел один поток зрителей и ему на смену шумно влился другой, да еще на то, чтобы немного проветрить зал. Наша школа ожидала своей очереди остаток дня и всю следующую ночь прямо на площади, благо был май и на улице тепло.

В полдень следующего дня возвращались домой. Кое-где в толпе ребятишек и девчат срывались короткие вскрипывания, а носами шмыгали почти все. Шагавший рядом со мною мой племянник и ровесник Колька Маслов шепнул мне на ухо:

— Давай вернемся!

— Зачем?

— Поглядим еще раз. Может, он все-таки не утонул.

Мы отошли в сторонку, пропустили мимо себя остальных, отделились от толпы и, никем не замеченные, во весь дух побежали обратно, в Баланду. «Может, и вправду не утонул», — думал и я с горячею надеждой.

ЭПИЛОГ

Июнь. Год 1980-й. Теплый солнечный день. Медленно иду по улице, которую, очевидно, надобно было бы назвать Центральной, но у нее, как и у других улиц, нет названия: старые стерлись в памяти моих

земляков, а новые еще не придуманы. Та, что в центре села, была единственной, а другие находились в стороне от этой, вились, повторяя очертания реки, по ее берегам, а также по-над лесом и по-над лугами, где примыкавшие ко дворам огороды заливались по весне полою водой и самоудобрялись наносным илом и черноземом. Соломенных крыш не осталось, разве что на хлевушке или над курятником, — избы же покрыты либо шифером, либо оцинкованной жестью. Над новым, облицованным белыми плитами зданием сельсовета, как водится, полощется красный флаг, еще не порванный по краям ветрами и не слинявший, а чуть подале, между моей школой и клубом, на широкой площади, образовавшейся на месте исчезнувших в тридцатых годах изб, возвышается обелиск, стрелой вонзившийся в синее небо. К нему я и иду, убаюкая шаг.

Приблизясь вплотную, останавливаюсь, снимаю кепку, — рука сделала это сама, я даже не заметил как. Читаю сверху вниз длинный список, выделяя про себя имена тех, о которых больно обжигалось сердце:

Алексеев А. Н.
Архипов П. А.
Архипов М. П.
Бармасов М. М.
Бучков С. Н.
Горохов Ф. Ф.
Горохов П. Ф.
Горохов И. С.
Горохов Н. С.
Горохов П. С.
Горохов П. П.
Горохов Н. А.
Дмитриев Г. К.
Дмитриев Е. К.
Дмитриев И. И.
Денисов А. М.
Денисов Н. В.
Денисов А. В.
Денисов Г. Н.
Дурнов И. М.
Земсков Н. Ф.
Климов Г. И.
Коротин Я. И.
Коротин Ф. Б.
Крутяков Д. О.
Крутяков И. О.
Крутяков Ф. Н.
Крутяков Н. Н.
Козлов М. И.
Козлов В. И.
Маслов Н. В.
Мягков И. М.
Мачильский И. Ф.
Пчелинцев Ф. М.
Пахомов П. И.
Петров М. Г.
Полежаев В. В.
Правиков Н. Н.
Правиков К. А.
Правиков В. А.
Ряпин П. И.
Рычков Г. Я.
Ружейников И. З.
Тверсков С. С.
Тверсков К. Я.
Федоров П. В.

Выделяю тут лишь те имена, которые так или иначе промелькнули в настоящем повествовании.

Алексеев Алексей, покоившийся на Смоленщине, близ Ельни, в братской могиле у деревни Леоново, прости великодушно: изъездивший полсвета, я до сих пор так и не нашел времени, чтобы съездить в эту деревню и поклониться твоему праху; Минька Архипов стоит в этом скорбно-торжественном столбце рядом со своим отцом, — его мать, красавица Дашуха, удержалась еще как-то, получивши похоронку на мужа, но не вынесла второй страшной бумаги, известившей ее о гибели Миньки, единственного сына, надломилась, сердечная, тронулась разумом, слонялась по селу долго еще после войны, с неизменной улыбкой на безумном лице; Гриша Дмитриев, хоть и не упоминается в нашем рассказе, но и он был большим моим другом, веселый балалаечник, прозванный нами Гринькой Синим за

небесный цвет глаз и за прозрачную, вроде бы тоже подсиненную слегка кожу на узком лице; Колька Маслов, с которым прятались мы под стульями кинотеатра, чтобы вновь и вновь смотреть «Чапаева» и ждать с трепетною надеждой, что вслед за словами «Врешь, не возьмешь...» Василий Иванович все-таки выберется на противоположный берег Урала и еще даст чертей проклятушим белякам; Иван Мягков, друг моего брата Ленки, один из первых трактористов в нашем селе, — где, на своей, на чужой ли стороне, оборвался его след, одна мать сыра земля знает про то; Федя Пчелинцев, — теперь уж никто не посмеет сказать, что ты напрасно, бесцельно прожил свои недолгие годы, Павка Корчагин был бы доволен тобой; отцы и братья Гороховы, отзовитесь, подайте весточку, скажите нам, живущим, чью землю засеяли вы собою, где, когда и кому собирать урожай?..

Раз, другой, десятый раз пробегаю глазами по именам павших, — не пропустил ли, не обнаружу ли, наконец, Ваньку Жукова.

Нет, нету Ваньки. Пропал без вести мой дружище еще до войны. Не замурован ли заживо в чьем-либо погребе, — ведь в тяжкую годину голода он любил наведываться в чужие дворы...

Тугой, шершавый и горячий ком протискивается к горлу откуда-то снизу, из-под самого, кажется, сердца, заслоняет дыхание. И, молчаливый, слышу накатывающийся издали взволнованный, захлебывающийся Ванькин голос:

«— Миш... Миша... Михаил! И зачем только люди дерутся?.. Давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!»

Чувствую, как дергается кожа на скулах, а глаза скользят и скользят по длинному столбцу имен. Они ищут теперь Михаила Федотовича Панчехина, ищут, покуда я не спохватился и не вспомнил, что видел его мельком живого на Баландинской рыночной

площади в сорок седьмом году, когда впервые после войны вновь приехал в родные края, — с трудом узнал в обросшем черной щетиной, придерживающем обеими руками правый бок инвалиде своего директора-песенника; ужаснувшись перемене в его обличье, не решился подойти к нему; позже кто-то из близко знавших Михаила Федотовича рассказал мне, что осколок немецкого снаряда вынес у него справа сразу несколько ребер, искривив, изуродовав до неузнаваемости богатырски прекрасного, отлично скроенного и исполненного природой, величественно-гордого, уверенного в себе человека.

И теперь на смену первой из тех же далеких лет докатилась другая горячая волна, поднятая мощным панчехинским гласом, докатилась и захлестнула душу:

Лейся вдаль, наш напев,
мчись кругом!
Над миром наше знамя реет,
оно горит и ярко рдеет, —
то наша кровь горит огнем...

Не помню, как отошел от обелиска, как по новому бетонированному мосту вышел на лесную дорогу и оказался на месте дедушкиного сада, давно исчезнувшего, угадываемого лишь по неистребимому, живущему, умеющему постоять за себя терновому кустарнику. Соловьи где-то допевали свою свадебную песню, чтобы днями приступить к безмолвным заботам о потомстве; квакали в Вишневом омуте лягушки; у ног моих, высоко подняв золоченую головку и высунувши жальца раздвоенного языка, куда-то озабоченно спешил уж; где-то вверху плакала горлянка; как бы утешая ее, весело и звонко прокричал угод: «добро тут, добро тут»; возле самых глаз, задевая кончик носа и щекоца его, порхали, играя, две белые с черными крапинками бабочки; над водой,

устроившись на острие осочкины, замерла стрекоза; под нею паучок-водомер короткими саженьками раскраивал водное полотно; зеленая лягушка притихла, затаилась на большом, таком же зеленом и хорошо маскирующем ее листе кувшинки, ожидая момента, когда паук окажется поблизости и его можно будет поймать ртом и проглотить; от Панциревки с удачной охоты возвращалась сорока, в клюве своем она держала куриное яйцо...

На противоположном берегу Бalandы бормотал транзистор, елозя по голому пузу светловолосого парня, который в такт этому бормотанию пританцовывал. Потом парень перестал приплясывать: по «Маяку» начали передавать последние известия. Знакомый диктор опять говорил о разрядке, о разоружении, об империалистах, противящихся всему этому; под конец шло сообщение о новостях науки, об очередной неудачной попытке ученых с помощью сверхкоротких радиоволн, запускаемых с разных точек планеты, обнаружить другие миры, внеземные цивилизации, где были бы другие разумные существа, — Вселенная, однако, помалкивает: то ли она не желает открывать людям своих тайн, то ли их вовсе и нету, иных-то цивилизаций.

Парень между тем принялся вращать барабан транзистора, нашаривая нужную ему мелодию, и, найдя, снова принялся радостно пританцовывать, подпрыгивать, скакать, изгибаться, строить глупо-счастливые рожи, гримасничать, вилять задом, туго обтянутым зелеными, обтертыми до блеска джинсами.

Колхозные телята, за которыми надглядывал этот малый, спокойно бродили по Клину, пощипывая сочную июньскую травку.

1977—1981 гг

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О СТРАНЕ СОВЕТОВ

Недавно в редакции журнала «Огонек» побывал известный палестинский поэт Моин БСISY. Его стихи — пламенные, написанные болью сердца, зовущие к победе — хорошо знают во многих странах мира. Эти стихи носят в карманах своих полевых курток бойцы Палестинского движения сопротивления, потому что строки, написанные Моином БСISY, — надежное и испытанное в борьбе оружие палестинского народа, не менее важное, чем автомат.

В беседе с сотрудниками редакции поэт поделился своими творческими планами на ближайшее будущее, рассказал о намерении написать книгу о Советском Союзе. Книга будет иллюстрирована фотографиями А. Маслова.

Моин Бсису.

— Я часто думаю, как начался Советский Союз? Как написать о вашей великой стране?

Вы знаете прекрасную книгу о вашей Родине — «Десять дней, которые потрясли мир». После нее были написаны сотни и тысячи других книг о вашей стране. Но мне бы хотелось рассказать арабскому читателю что-нибудь новое. И не только арабскому читателю, но и советскому. И это самое сложное. Это сверхзадача. Ведь книга будет одновременно издана на двух языках: на арабском и на русском.

Недавно я побывал в Ленинграде. Это не первая моя поездка в этот город. Но тем не менее я узнал много нового для себя. И, может быть, то, что я узнал, непосредственно связано с делом коммунистического преобразования мира.

Известно, что социалистическая революция совершилась не по объявлению или по какому-нибудь изолированному приказу. И ком-

мунизм, социалистическая революция не могут прыгнуть на землю с парашютом или подняться из морских пучин на подводной лодке. Думаю, что великая русская классическая литература много сделала для того, чтобы именно в вашей стране произошла победоносная революция. И совершенно не случайно, что на календаре, на стене кабинета Владимира Ильича Ленина в Доме-музее в Горках изображен портрет А. П. Чехова. Я также увидел в кабинете Владимира Ильича книгу Джека Лондона с рассказом «Любовь к жизни», который читали В. И. Ленину в его последние дни, «Мои университеты» Максима Горького... Думаю, это не случайно.

В Ленинграде я побывал на мемориале защитникам города в Великой Отечественной войне. А в Петропавловской крепости мне рассказали удивительную историю о том, как простой мастеровой сумел отремонтировать ангела, который находится на вершине шпиля Петропавловской крепости. Он проделал почти невозможное — взобрался на вершину шпиля при помощи им же самим заброшенных туда веревок. Что помогло ему в работе, связанной со смертельным риском? Гордость за Россию, тот дух, который, как я теперь понимаю, всегда жил в русском народе. Я думаю, что этот дух помогал и защитникам города

Ленина в годы Великой Отечественной войны.

Когда я ходил по Дому-музею Ленина в Горках, то очень многие вещи воспринимал иначе, чем другие посетители. Я увидел лодку, на которой иногда катался Ленин по пруду. И мне тогда в голову пришла мысль, что и я мог бы прокатиться на этой лодке и на ней достичь своего родного города — Газы, который сейчас находится под игом оккупации. Когда мы поднимались по лестнице в Ленинских Горках, я, несмотря на запрещение, коснулся пальцами священных перил, которых раньше касался своими руками Владимир Ильич Ленин. Мне показалось, что эти перила все еще хранят тепло его ладоней.

Первоначальный проект моего пребывания здесь предусматривал поездку в Волгоград. Однажды я уже был в этом городе. Тогда я взял горсть земли с Мамаева кургана — горсть земли, насыщенной кровью советских бойцов, эта кровь до сих пор находится в этой земле, она не может испариться! Сейчас горсть этой священной земли находится в музее Палестины в Дамаске.

Но вместо Волгограда я поехал в Брест. Один из наших товарищей рассказал удивительную и волнующую историю о защитниках Брестской крепости, о памятнике им. В Бресте, как вы

знаете, есть такой памятник защитникам города — ползущий к реке солдат с протянутой по направлению к воде каской. И вот удивительная вещь. Эта каска всегда наполнена водой, но эта вода не дождевая, ее каждое утро приносят пионеры, приносят и наливают в каску. Вот эта каска простого солдата, она и заставила меня изменить свой маршрут. Если бы можно было писать книги водой, то свою книгу я начал бы писать той священной водой, которая находилась в этой каске.

Я собираюсь побывать на электростанциях. Ленин, как известно, мечтал о полной электрификации в России. И его мечта осуществилась.

Вы, конечно, понимаете, месяца или двух совершенно недостаточно для того, чтобы написать книгу. Нельзя прибегать к каким-то уловкам или условностям при написании подобной книги. Я еще раз приеду в СССР весной будущего года для того, чтобы поехать в Сибирь, потому что, когда я приезжаю в какое-то новое для меня место в вашей стране, мне открываются новые стороны вашей жизни, которые наверняка станут главами книги.

Возможно, в книге будут стихотворные строчки. Но я хочу, чтобы эта книга была далека от каких-нибудь поэтических «игрушек». Мне бы хотелось, чтобы читатель, взяв эту книгу, сразу бы почувствовал биение ее горячей крови.

Я часто думаю о том, что связывает советский и палестинский народы. Есть очевидные вещи, и одна из них — это та помощь и поддержка, которую оказывают нам советские люди в нашей борьбе за создание собственного независимого государства. Главное — та дружба, которая связывает наши народы на протяжении многих лет, та дружба, которая крепче стали. Мы маленький народ. Около половины палестинцев живет за пределами своей родины. И что мы можем дать взамен вашей дружбы, вашей солидарности с нами?.. Ваша солидарность еще раз подтверждает высокую честь и достоинство гражданина Советского Союза.

Большое место в книге будет отведено рассказу о литературе и искусстве СССР. Я планирую ряд интервью с поэтами, с артистами театра, с художниками, с писателями-романистами.

Я много думал о леснике, задача которого — охрана леса, и о лесорубе. И вот почему. Лесник охраняет лесные массивы, а лесоруб срубает деревья, которые затем превращаются в бумагу. Все мы, кто имеет дело с печатными словами, являемся должниками этих людей — лесорубов и лесников. Ведь превращение дерева в книгу — это сложный процесс. Однако деревья порой превращаются в плохие книги. Это происходит в тех странах, где читателя обманывают, где ему говорят неправду. Я же считаю, что лесоруб в Советском Союзе срубает деревья, которые потом превращаются в великолепные книги. Меня охватывает волнение, когда я думаю об этой книге. Но не потому, что у меня нет решимости ее написать, а потому, что, как говорится в одном старинном изречении, «если ты хочешь что-нибудь начать, окупись сначала в морскую волну». Вот почему я приехал сейчас в Советский Союз.

В Шахматове создается Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник Александра Блока.

«СТАРЫЙ ДОМ ГЛЯНЕТ В СЕРДЦЕ МОЕ...»

земля родная

Совет Министров РСФСР совсем недавно принял постановление «О мерах по восстановлению памятных мест Подмосковья, связанных с жизнью и творчеством поэта А. А. Блока».

«В целях восстановления памятных мест Подмосковья, связанных с жизнью и творчеством поэта А. А. Блока, Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Московскому облисполкому совместно с Министерством культуры РСФСР обеспечить в 1982—1987 годах восстановление усадьбы А. А. Блока в деревне Шахматово и объектов, связанных с памятью о нем, в деревне Тараканово Солнечногорского района Московской области. Создать на этой основе Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А. А. Блока.

2. Министерству культуры РСФСР утвердить в установленном порядке структуру и штаты Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока и оказать этому музею-заповеднику научно-методическую помощь в создании экспозиций.

3. Московскому облисполкому: разработать и по согласованию с Министерством культуры РСФСР утвердить положение о Государственном историко-литературном и природном музее-заповеднике А. А. Блока;

утвердить до 1 января 1982 года в установленном порядке охранные зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока;

принять дополнительные меры по дальнейшему благоустройству деревни Тараканово и прилегающей к ней территории, создать необходимые условия для приема и обслуживания посетителей Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока;

разработать в 1982 году проектно-сметную документацию на восстановление памятных мест Подмосковья, связанных с жизнью и творчеством А. А. Блока, и осуществить в одиннадцатой пятилетке строительство в деревне Тараканово 12-квартирного жилого дома для сотрудников Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока;

Госплану РСФСР выделить Московскому облисполкому на указанные цели лимиты проектно-изыскательских работ, а также предусматривать в проектах планов выделения необходимых капитальных вложений.

4. Министерству автомобильных дорог РСФСР осуществить в 1983 году строительство автомобильной подъездной дороги с усовершенствованным облегченным покрытием от деревни Тараканово до деревни Шахматово протяженностью 2,5 километра и строительство автостоянки в деревне Тараканово.

5. Принять к сведению сообщение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры о том, что оно примет доле-

вое участие в финансировании реставрационных работ по объектам Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока.

* * *

В течение нескольких лет «Огонек» не раз публиковал материалы о судьбе подмосковной усадьбы Александра Блока Шахматово. В ответ на статьи «Восстановить Шахматово!», «Пока лишь на бумаге», «Александр Блок. Звенья памяти», «Шахматово поэтическое» редакция получила большое количество писем, в которых читатели высказывались за скорейшее возрождение Шахматова, за создание там музея-заповедника по примеру Михайловского, Тархан, Ясной Поляны.

О том, чем было Шахматово для Блока, говорит писатель Владимир Солоухин:

— В летнее тепло с его синим небом и белыми облаками, с его розовым клевером и ярко-зелеными полями ржи (шестимесячный возраст мальчика приходится на вторую половину мая), с купами столетней сирени и куртинами шиповника, в вечерние зори и душную тишину, в гуденье пчел и порхание бабочек — во все это Блок был погружен в центре России, как в купель, это и было его как бы второе крещение — крещение Россией, русской природой, русской деревней. Русью. Крещение было чисто символическим, ибо мало что мог увидеть, почувствовать и понять полугодовалый ребенок, но ведь потом каждый год привозили его вновь и вновь сюда, в этот райский уголок («угол рая неподалеку от Москвы», по позднейшему, предсмертному уже определению самого Блока), и вот уж ему год шесть месяцев, три года шесть месяцев...

Погружался я в море клевера, Окруженный сказками пчел. Но ветер, зовущий с севера, Мое детское сердце нашел.

Это стихи 1903 года. Блоку уже 23. Он уже прекрасный поэт. Но ведь это свидетельство из первых рук, что если бывает такой момент, когда в сердце, в душе человека первоначально вспыхивает, как говорится, искра божия, когда бьет в него небесная стрела, молния таланта и призвания, то ударила эта молния, вспыхнула эта искра именно там, в Шахматове, когда погружался он «в море клевера, окруженный сказками пчел». Без натяжек говорим теперь, что если Блок-человек родился в Петербурге в ректорском доме, то Блок-поэт родился в Шахматове.

Меньше всего для Блока Шахматово ограничивается усадьбой. В доме он жил в узком смысле этого слова: ел, спал, писал стихи, письма, сажал деревья, розы, носил, стучал молотком, пилил, вырубал деревья. Обиталищем же его души было — назовем его так — Большое Шахматово, то есть Шахматово со всем его окрестным ландшафтом от села Подсолнечного до Рогачева, от Боблова до Тараканова, от Руновского камня до аладинской высоты, от горизонта до горизонта...

Ведь когда белые изобильные туманы вечером поднимались от Лутосни, расплзались, заполняя собой, как озером, все низины между лесистыми холмами, и плыла над этими туманами красноватая луна, именно тогда молодой, сильный, красивый Блок, возвращаясь просто с прогулки, а позже

из Боблова, мог оказаться в одиночестве в лесных затуманенных дебрях...

Кругами, все более удаляясь от дома и сада, осваивал Блок окрестные поля и леса. Многочисленные холмы позволяли взгляды на землю под разными многочисленными ракурсами, так что все новые и новые виды открывались перед восхищенной душой... Плоскости холмов под разными углами подставлены к свету. Иные ярко освещены, иные полутенены, иные совсем в тени. Все это усложняет ландшафт, делает его симфонически сложным (при участии облаков, туч, просветов в небе, мечеобразных лучей, бьющих из этих просветов, ветра, треплющего листву), тревожным и могучим, почти как музыка. Или почти как блоковские стихи...

Впервые пределы усадьбы раздвинулись для Блока с помощью деда — Андрея Николаевича Бенетова. Прекрасный ботаник, он таскал мальчишку по лесам и болотам, по холмам и ручьям. Они собирали цветы, растения, но уже не для букета, а для познания мира... Впечатления детства — самые яркие и прочные впечатления. Фундамент будущей духовной жизни, золотой фонд. В детстве посеяны семена. Не все прорастут, не все расцветут. Их не заметишь в дальнейшей повседневной жизни, но они есть. Биография человеческой души — это постепенное прорастание семян, посеянных в детстве.

Ярким цветком, который медленно, на протяжении десятилетий расцветал и распускался в душе Блока, было чувство Родины,

ощущение России как Родины и полное духовное слияние с ней... А семечко — шахматовское...

Шахматово Блок любил беззаветно... Блок жил Шахматовым до последнего вздоха, до последнего удара сердца...

* * *

Перед создателями заповедника встает множество проблем — это и точное возрождение усадьбы, и сохранение окружающего ландшафта, и, конечно, подготовка экспозиции. Еще сейчас могут быть собраны воедино многие рассеянные по частным собраниям уникальные материалы: книги, автографы, картины, мемориальные предметы, связанные с Блоком и близкими ему людьми. Существует картотека этих реликвий — это та основа, на которой может родиться будущий музей. В Шахматове можно сосредоточить архивы и библиотеки некоторых литераторов — современников Блока, чтобы стал этот заповедник научным центром по изучению огромного пласта русской литературы конца XIX — начала XX века. Словом, предстоит очень большая организационная, научная, поисковая работа, о которой мы будем рассказывать читателям журнала.

Дом в Шахматове. Фотография 1894 года. В окне мезонина Александр Блок.

Такой будет после реставрации церковь XVIII века в деревне Тараканово.

Ирина ВОЛОБУЕВА

ВСХОДЫ

1
Подумать,
двадцать с лишним лет назад
Была я здесь...
Высь оглушая громом,
Пыл реактивный вдруг пошел
на спад,
И «ТУ» — трусцою по аэродрому.

Ну, а тогда, в той непогоды стынть,
Сквозь толщу туч, намешанную
круто,
Пробился «Ан»,
и прямо — в степь, в полынь,
Как лунник в твердь неведомого
грунта.

И грузовая вышла к нам на связь,
Не то, что эта новенькая «Волга»;
А грязь была!
Раскормленная грязь
Нещадностью дождей, идущих
долго.

Шофер. Сережа, степь исколеса,
Как видно, грязь считал обычным
фактом
И лихо гнал! Не зря его друзья
Наземным называли космонавтом.

Рассказывая про свои дела,
Он вспоминал и первые палатки
И как для прибывающих была
Тогда еще жилплощади нехватка.

Он вспоминал и кладку кирпича,
Ее сверхсрочность — до седьмого
пота,
Фонарь, светящий жидко, как
свеча,—
Маяк для комариного налета.

И как спросонок, в рань, когда
темно,
Бывало трудно ехать по заданью.
Он вспоминал и первое письмо,
Написанное им на чемодане.

В тот март, я помню, был он
очень горд
Тем, что привез в грузовике
поэтов.
В дождь из палаток выбегал
народ,
Прикрывшись кто плащом, а кто
газетой.

Кто вброд по вязким лужам
целины,
Кто по доске — через ручей
торопкий
В тот клуб, где не было пока
одной стены,
К тому ж и электрической
проводки.

Темнела степь.
И он пообещал,
И тут в своей энергии неистов:
«Сейчас устрою вам
Колонный зал!» —
И шоферов созвал условным
свистом.

И вскорости под хохот,
под смешки
И под ладоней дружные удары
Вдоль будущей стены грузовики

Фрагменты из поэмы.

В ряд стали тесно и включили
фары...
А что за рай в гостиничном уюте!
Я в нем плыву, как будто
в люкс-каюте,
По волнам прошлого... Как много
тусклых лет
К степной глуши примерзшее
безлюдье
Встречало свой безрадостный
рассвет.
А в зной, заросший злостным
сорняком,
То там, то здесь, сквозь пыльных
бурь заносы,
В степи вскипала соль
солончаков —
Ее тоска, ее сухие слезы.

Когда же Труд озвучил, разбудив
Немую глушь, в первопроходцев
пору,
Воспряла степь!
...За бархатною шторой
Густых огней не то что перелив,
А шествие рядов их златоглавых.
И вроде весь сияньем озарен
Край, выросший в Целинную
державу.
Шофер Сережа...
Как теперь здесь он?

2
— Сережа? Что вы!
Тот давно сбежал.
— Кто б мог подумать! —
...Но моей досаде
Сосредоточиться целинный день
мешал:
Он, в хлопотах, судьбой хлебов
дышал,
Звонил, вез грузы, механизмы
ладил.

А путь мой, далью суженный
в стрелу,
Все расширялся, километры
множа.
...За много лет привыкла я к теплу
При мысли, что вот есть такой —
Сережа.
И умерло тепло.
Что за беда?
Потеря, как пролитая вода,
Для сердца ничего не означала,
Но холод разоренного гнезда
Оно в пути невольно ощущало.

И думалось: а может, пустослов,
Казавшийся надежным человеком,
Сережа чью-то девичью любовь,
И ту не пощадил своим побегом.
Иль другу этим он удар нанес...
И вдруг, и вдруг в пейзаж
целинный врос
Строений комплекс. И,
на удивление,
Как в мираже оазис, полный роз,
Бордово-сочных лепестков
кипенье.

Гигант-совхоз, сверкающий
стеклом
Высокой школы, шумной, как
скворечня,
С кафе, с киоском, с клубом,
с парком вешним,

В степи, меж городом и меж
селом,
По всем статьям, стирает грань
успешно.

Директор мне: — Давно живем
здесь так! —
Мол, нет для удивления причины.
И с гордостью: — Вы загляните
в парк,
Он наш что ни на есть
первоцелинный!
Ну, а хлеба...
Теперь целинный край
У нас в Союзе вроде как
штурвальный.
Видали б вы наш первый
урожай —
Челе сплошное, завалил
буквально!

В горячке, накаляясь от жары,
Аж пыль столбом, — машины
грузовые!
Дома, вагоны, крытые дворы —
И те пошли под склады зерновые.

И бабы — нам на помощь, чем
могли,
Казашки, украинки, белоруски —
Таскали воду, стряпали, пекли
И за детьми, а также на погрузке

И за рулем! Ни отдыха, ни сна,
Выкладывался каждый до предела!
Да, требует большого целина:
Отбросит, если не горишь ты
делом!

А коль вращаешь корнями
в целину,
То степь твоя. Не только на аврале
Людей надежных, как зерно
к зерну,
Мы с целиною вместе отбирали.

И результаты налицо видны.
А духа созиданья у страны
С времен отцовских больше, чем
в избытке!
Не зря в одном ряду: «Мы —
с целины!»,
«Мы — с Днепрогэса!», «Мы —
с Магнитки!»..

А нам вослед — энтузиасты
в строй
КамАЗа, БАМа и Нечерноземья.
...В лицо нам ветер ударял
степной,
Даль колыхалась в мареве
весеннем.

И в тенях озомлевших облаков,
Размах первоцелинный умножая,
Гектарным маршем молодняк
хлебов
Шагал достойной сменой урожая.

3
Герой Труда... В одном музее
Он — фезеушный паренек —
Застыл, на черный хлеб глаза —
Блокадный немощный паек.

Хлеб вроде вовсе никудышный,
Из глины слепленный на взгляд,
Но все же выстоял, все ж выжил
С его поддержкой Ленинград.

Знать — сила каждый колос
хлебный!
...А в год, как весть о целине,
Жгла мысль: святое дело, мне бы
Пуды хлебов давать стране!

И в степь решился с пареньками.
Морока с техникой, нет слов!
Но в срок прослыл меж
знатоками
Как спец по части тракторов.
...Ну, а земля,
земля, что камень,
Вовек не знавшая плугов!

Ведь столько лет, томясь напрасно,
Как ждет лучей рассвет ненастный,
Ждала земля зарю труда.
Но как она была прекрасна,
Той первой пашни борозда!

И, словно первый в мире пахарь,
Черпнул он землю, сам не свой,
И в пальцах мял...
Она так пахла
Родным селеньем и весной!

Знамена.
Речи.
Лиц сиянье.
Шум. Интервью среди суеты.
И фотокор. И на баяне —
Басами туш в честь борозды!

И в пору жатв стал труд ударный
Давать богатый обмолот.
...Но кто бы знать мог наперед,
Как солнце может быть коварно:
Такой вдруг выпал знойный год!

Поблекнув, небо опустело.
И, словно карлица, мала,
Иссушенно и пустотело
Пшеница жестко шелестела
И душу шелестом рвала.

Мрачнел и падал духом кто-то...
Казалось, зной бесповоротно
Людей надежды иссушил.
Но дух целинных патриотов
По-большевистски стойким был.

И взялись — с лета в пик нагрева
Готовить все, стуча, пыля,
Плацдарм для нового посева,
Кирпич для нового жилья.

И выстояли зной всем миром.
...А ты, беглец, был в стороне —
Первоцелинным дезертиром.
А если б, если б на войне...

Где шли на смерти!
Где в пекле ночи
Мой друг разлукою бессрочной
Настигнут был в разгар весны...
Останься среди живых, он точно
Стал бы героем целины.

Призыву долга дав присягу,
Шагнув из школы — прямо в бой,
Навечно юный, он отвагу
Нам завещал своей судьбой.

А ты,
а ты свой долг нарушив,
Пусть не в бою, пусть не в строю,
Но юность жалким малодушьем
Навечно запятнал свою.

4
Секретарь райкома мне любезно
Предложил с утра в поездку
с ним:
— Вам такая вылазка полезна:
На пшеницу нашу поглядим.

Ей бы дождь да солнце
потеплее! —
Сел. И, вроде закурить не смея,
Тут же спрятал пачку сигарет.
— Знаете, бывает, я жалею,
Что не делал записей тех лет.

Здесь тогда ни кустика,
ни крова!
Глянешь — всюду голая земля.
Трудности? Куда там! Не то слово,
Мы же с комсомолом все с нуля!

Летом хоть теплом был обеспечен,
А когда буранов хлесткий снег!..
Знаете, по-разному был встречен
Первого целинника побег.

Кто за ним вослед.
А кто в сомненье:
Не сбежать ли? Тяжко как-никак!
Все ж остался, устыдясь презренья
К беглецам целинных работяг.

Ох, и зло обида в нас горела!
Но побег трусливых тех кланя,
Вкалывали все остервенело
Так, что даже не хватало дня!

И не только на подобном факте,
А на многих фактах, в те года
Вызревал целинника характер,
Словно знак, что выстоял ветра.

Тянет край наш. Кто здесь только
не был!
Иностранцев уйма к нам с весны.

Было, с ними я на вертолете —
в небо,
Показать масштабы целины.

Красота! Дороги безупречны,
Солнце злаков — прямо бьет
в глаза!
В ряд — электромачт стальные
плечи,
Элеваторов громады-корпуса!..

И мелькают нивы, рощи, кровли...
Я гляжу, и вдруг над целиной,
Над мечтами, песнями, любовью,
Вражеской опасности гнездовья
Крупным планом всплыли предо
мной.

И не даль лазорево дымится,
А как будто снова наяву
Черный дым обугленной пшеницы.
Разъедает неба синеву.

...Люди, люди, в наших силах
с вами
Отаратить нацеленность беды!
Зачерпните вашими сердцами
Плач земли над павшими бойцами,
Ран ее дымящие следы.

Накалите боль свою до гнева,
Волей сцементируйте,
тогда
Будет всюду под спокойным
небом
Золотиться солнечно страда.

...А хлеба шумят в целинной шири,
Подвигом народным возвращены.
Дух героизма...
Он раскат волны
От декретов о земле и мире —
До расцвета хлебной целины.

И сдается: в синеве погоды,
Вновь проходят все былые годы
По родной земле из края в край,
На которой, что ни год,
то всходы,
На которой, что ни день,
то всходы —
Ленинской эпохи урожай.

Урожай всех замыслов отважных
Нивы дерзновенного пути.
И как это дорого, как важно
Человеку в ней себя найти.

Быть ей нужным...
И как думать гордо,
Что весь свет багряно озаря,
Родина — страна великих
всходов —
В шестии веков нашла себя.

«Огонек» на БАМе

ШТРАФ ПОД РЕЛЬСЫ НЕ ПОЛОЖИШЬ

Из открытых люков, окутанных густым дымом, паровозик вытаскивает маленькие платформы, на которых лежат готовые шпалы, и сразу же доставляет их к месту, где высятся целые штабеля шпал, ждущих очереди на отправку. Тут платформы быстро разгружаются, и тот же паровозик заталкивает в пышущие жаром люки новую порцию шпал, которые нужно пропитать специальным раствором...

— Производство у нас нехитрое, — рассказывает директор Тайшетского шпалопропиточного завода Лев Николаевич Люберцев. — Шпалу, поступающую к нам с лесоперевалочных баз, мы сушим, как правило, десять месяцев. Потом вот в этих люках пропитываем специальным раствором под давлением и отправляем строителям БАМа. Ничего хитрого нет. Да, все просто, очень просто. Весь технологический процесс состоит из нескольких несложных операций.

А вот если это прочитает кто-то из бамовских снабженцев, то, наверное, с горечью скажет: «Кабы и достать шпалы было так же просто!» Действительно, получить столько шпал, сколько требуется, почти невозможно. Ничего не помогает: ни грозные телеграммы с внушительными подписями, ни целый отряд толкачей, разосланных по шпалопропиточным заводам, ни хитроумные обходные маневры. На БАМе обыкновенная железнодорожная шпала в списке строительного дефицита значится под номером один. На некоторых участках из-за ее нехватки под угрозу поставлено выполнение социалистических обязательств.

Тайшетский шпалопропиточный завод — один из должников.

— А ведь мы можем не только выполнять план, но и перевыполнять его. Все у нас для этого есть. Материально-техническая база, хороший коллектив. Да что тут перечислять... Можем лучше работать.

Подтвердим: директор прав. Завод мог бы поставлять гораздо больше шпал, если бы его не подводили поставщики. Лесоперевалочные базы, леспромхозы Иркутской области — все поставщики расположились в пределах областных границ — из месяца в месяц, из квартала в квартал срывают планы поставок древесины. За второй квартал, так же, впрочем, как и за прочие, больше всего задолжали Плехановская и Ангарская лесоперевалочные базы, Новочунский леспромхоз. В общей сложности они недопоставили заводу свыше 122 тысяч шпал. Еще хуже обстоит дело с переводным и мостовым брусом. В июне, например, Квитковский леспромхоз из 285 кубометров мостового бруса поставил только 47.

Думается, этих цифр достаточно, чтобы убедиться: Тайшетский шпалопропиточный завод постоянно сидит на голодном пайке, хотя заводу оказывают всемерную помощь и городской комитет партии и областные организации. Второй секретарь Тайшетского горкома КПСС В. В. Агеев рассказывал:

— Если случается затор, мы, со своей стороны, делаем все, чтобы его разобрать.

И Агеев привел немало примеров, когда заводу помогли получить сырье, достать вагоны для отправки готовых шпал... Все это так. Но ведь заторы следуют один за другим, они стали, так сказать, хроническими. А что значит один такой затор, можно пояснить на конкретном примере. Каждый день завод должен выдавать нагорá восемь тысяч готовых шпал. Но случилось, и не раз, что он вынужден был прерывать производство на сутки и более. Причем не только из-за нехватки сырья. Бывает и по-другому: нет вагонов. День за днем растут штабеля готовых шпал, а отправить их не на чем. Пока идет переписка, пока трещат телефоны, штабеля все увеличиваются и в конце концов перерастают нормативную отметку. Тогда приходят работники пожарной охраны и закрывают производство. В целях противопожарной безопасности. Ясно, какие отсюда потери...

По вине железнодорожников в подобном положении нередко оказываются и поставщики. Так, в середине июня на Ангарской лесоперевалочной базе скопилось пятьдесят тысяч шпал, предназначенных для Тайшетского завода. Не было вагонов. Снова толкачам срочно выписывали командировки. И не только в Тайшете, но и на БАМе. Да-да, не удивляйтесь. Сначала бамовцы приезжали прямо на завод, но видя, что причины затора надо искать не здесь, едут теперь на лесоперевалочные базы, на железнодорожные станции. Едва успевают пробить одну пробку, как назревает другая.

Я беседовал с начальником погрузо-разгрузочных работ Тайшетского завода В. В. Соболевым.

— Валентин Васильевич, вам часто приходится выполнять роль... Тут я замялся, подыскивая слово помягче.

— ...толкача, чего уж тут, не стесняйтесь. Где я только не бывал! И чем только не приходится заниматься, чтобы доставить шпалы. Вот приезжаю в Новочунский леспромхоз, — он был одним из самых больших должников. Приезжаю, вижу — горы шпал! Все то

же: нет вагонов. От одного начальника к другому, из леспромхоза — к железнодорожникам, всякими правдами и неправдами получил вагоны. А в следующий раз железнодорожники подали вагоны, но уже леспромхозу или лесоперевалочной базе нечем их загружать. У меня сложилось такое мнение: похоже, что в этой цепочке — леспромхоз — железная дорога — завод — железная дорога — БАМ — у всех интересы разные. Никак не могут договориться. И это в масштабах одной области!

К словам Валентина Васильевича остается добавить: не могут договориться и три министерства: путей сообщения, транспортного строительства и лесного хозяйства. Взаимосвязь этих высоких учреждений такова: завод в Тайшете подчиняется Министерству путей сообщения, БАМ строит Министерство транспортного строительства, которое является и заказчиком шпал. Оно же от Министерства лесного хозяйства получает фонды древесины. А Министерство лесного хозяйства удовлетворить запросы полностью не торопится. И вот уже на стол директора Тайшетского завода Л. Н. Люберцева ложатся такие телеграммы из МПС. Привожу дословно: «Отгрузка пропитанных шпал организациям Минтрансстроя на третий квартал устанавливается на уровне 86 процентов, что соответствует объему поставляемого сырья по фондам Минтрансстроя... «Отгрузка пропитанных переводных брусков организациям Минтрансстроя на третий квартал устанавливается на уровне 75 процентов, что соответствует объему поставляемого сырья по фондам Минтрансстроя».

Коротко, четко и ясно. Завод оказывается посередине. С одной стороны — указание МПС, с другой — требование строителей.

Где же выход? В самом естественном — в четком взаимодействии всех звеньев цепочки. Давно, очень давно пора министерствам найти общий язык, установить жесткий контроль за соблюдением договорных обязательств. Особенно это касается Министерства лесного хозяйства. Тайшетский шпалопропиточный завод да и целый ряд других предприятий снова сидят на голодном пайке.

А на БАМе снова ждут шпалы. Ведь, по словам одного из моих собеседников, договоры и штрафы под рельсы не положишь...

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

ОТ РЕДАКЦИИ: По последним данным, заводы МПС за девять месяцев недопоставили Главбамстрою около 200 тысяч шпал — их хватило бы примерно на сто километров пути.

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька»

Фото автора

ЛИЦОМ К ОГНЮ

Доменная печь показалась Тюлегену огромной и непонятной. Он думал — печь, а это целый завод. Вверх посмотришь — шапка сваливается. Десятки толстых и тонких труб опоясывали ее, металлические лестницы уводили куда-то в темное чрево. Они долго шли по ним, пока не очутились на литейном дворе. Так объяснил им обер-мастер Шатилин. Тут же стояли известные магнитогорские горновы Синецын, Денисов, Губенко, у которых им, восьмерым казахам, предстояло учиться доменному делу. Ждали очередную плавку. «Ну и двор, — подумал про себя Тюлеген, близко ощущая жаркое дыхание домны, гудевшей тревожно и грозно, — тут места не хватит даже для половины отары овец». Вспомнился родной поселок Уштобе на краю талдыкурганской степи, трактор, на котором пахал землю, желтую пшеницу под ветром, табуны коней... Что ищет он здесь, на Урале?

Ослепительный сноп искр вдруг вырвался из печи, все вокруг залило красным светом, в лицо ударило горячим воздухом. Это из пробитой доменщиками летки пошел металл. От неожиданности Тюлеген зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел — прямо на него, как ему показалось, несется ручей раскаленного чугуна. Он отшатнулся в испуге, и тут же ощутил на плече крепкую, уверенную руку. Оглянулся — Шатилин.

— Испугался? — спросил тот спокойно. В голосе его было участие. — Это пройдет, но запомни — металл надо встречать лицом к лицу, он не прощает тем, кто спиной к нему поворачивается. Не любит...

Тюлеген успокоился и теперь с любопытством следил, как стекал расплавленный чугун в огромный ковш. Чудеса! В Уштобе расскажешь, что чугун может как вода бежать по арыкам, не поверят. Он с восхищением следил за спокойными, уверенными действиями горновых и вдруг представил себя на их месте. Сумеет ли? Он понял, что никуда не уедет... Что, он не мужчина?

На четвертый день Тюлеген облачился в войлочный костюм горнового и заступил на смену вместе с опытным доменщиком Денисовым. Никому бы он не признался, что все-таки боится, что не очень-то хочется ему подходить близко к огненной реке. Но уральские горновы понимали состояние новичков и вводили их в тайны профессии постепенно. В тот день выпуск чугуна начался, когда Тюлеген уже сменился. Новички работали у печи только четыре часа и еще четыре изучали теорию. Метод простой: сначала рассказывали о процессе, потом показывали на практике. На следующий день плавка опять прошла без участия Тюлегена, и тут понял Тюлеген хитрость горновых и применил свою — попросился работать по восемь часов. «А учиться когда?» — невинно спросил Денисов. «После работы». «Молодец, это по-нашему», — поощрил тот. Так он и поступал все шесть месяцев учения, до самого отъезда в Темиртау. Зато себя проверил и убедился, что дело нашел по силам.

— В Магнитогорске я понял главное, — рассказывал старший горновой Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Тюлеген Дюсембаевич Адам-Юсупов, — уральские мастера работают на совесть. Тому и нас учили. Там я понял, что с огнем и раскаленным металлом лукавить нельзя. В нашей профессии удерживаются лишь настоящие лю-

ди. Перед отъездом мастер Синецын говорил нам: «Вы первые горновы своей республики, основатели новой рабочей профессии в Казахстане. Помните об этом. Опыту наберетесь — посоревнуемся». Приехали мы в Темиртау как раз к пуску первой доменной печи. Я работал в ночную смену, участвовал в задувке домны, а утром 3 июля 1960 года смотрел, как шел первый казахстанский чугун. Красивое зрелище. Люди бросали в огненную реку цветы, лепки, косынки, обнимались и что-то кричали, но все заглушал голос домны. Чувство было необыкновенное. Подумать только, впервые в своей истории земля казахская, моя родная земля, варит собственный чугун! И я, Тюлеген, сын скотовода, один из первых на Карагандинском металлургическом комбинате — Казахстанской Магниткой — мы его назвали. Теперь ежегодно выплавляем почти пять миллионов тонн. А в прошлом году наш цех в своей отрасли занял второе место после магнитогорцев. Так что учителей догоняем.

— Вы и другие домны пускали?

— Правильнее сказать, участвовал в пуске трех из четырех наших доменных печей. Пуск — труд огромного коллектива.

— Какие качества нужны доменщику?

— Выдержка, умение не впадать в панику. Бывают ситуации, когда решение принимается в считанные секунды. Тут уж не суетись...

— У вас, вероятно, есть ученики. Кто из них был первым?

— Учеников хватает. Сергей Чечулин на первой домне, Володя Пузанов на третьей, Зинур Мурсалимов на четвертой... Всех за двадцать с лишним лет не упомянешь, но первого помню, — рассмеялся Тюлеген, — потому что это был мой старший сын Бекен. Второй сын, Булат, тоже работал у горна, сейчас он в армии и пишет, что ему снится наша домна. Тут же, на комбинате, мои жена и брат. Надеюсь, и внук, который появился недавно, поддержит традицию. Будет династия доменщиков Адам-Юсуповых!

КАЗАХСКИЙ СОЛОВЕЙ

Письмо принесли перед началом спектакля. Она гримировалась. Взглянула на обратный адрес — фамилия незнакомая, хотя в Волгограде приходилось бывать с концертами. «Какой-нибудь почитатель оперы», — она отодвинула конверт на край столика. Прозвонел первый звонок — пора на сцену. Она встала, шагнула к двери, но неожиданно для себя взяла конверт. Письмо оказалось коротким...

Второго звонка она не слышала. Сидела в гримерной, плакала и при этом улыбалась — слезы, как дождик сквозз солнце. Такой и стал ее помощник режиссера.

— Бибигуль Ахметовна! — начал он. И осекся: — Что с вами?

— Ничего, голубчик. В детстве соседка предсказала, что я буду много плакать. Кажется, сбывается, — пошутила она и легко поднялась. Оркестр начинал увертюру...

Сколько себя помнит — пела Бибигуль всегда. За детскими играми, за стирней, за стиркой и позже, работая в цеху. Пела, как поют птицы, — легко, естественно. И когда ей советовали: «Тебе бы учиться пению надо, Бибигуль», — она наивно спрашивала, зачем же учиться? Она умела петь!.. Ах, эта самонадеянная молодость. Она не предполагала тогда, какой это тяжелый труд — пение. Не знала, что отважится повторить эти слова — я умею петь — лишь десятилетия спустя, когда станет народной артисткой СССР.

В их семье пели все, а семья, как у многих казахов, не маленькая — семь детей. Хор! Пели народные песни — казахские, украинские, русские. О них так и говорили: «Хор Тюлеговых поет». Заводилой был отец, он самостоятельно научился играть на домбре, гитаре, скрипке, гармони. Бибигуль тоже училась играть по слуху. Отец шутил: «Эта средняя моя дочка станет знаменитой певицей, помяните мое слово». В хоре Тюлеговых Бибигуль действительно выделялась, но отец так и не увидел ее триумфа...

Великая Отечественная подкатывалась к стенам Москвы. После школьных уроков Бибигуль бежала в семипалатинский госпиталь петь для раненых «Катюшу» и «Синенький скромный

платочек». Поселок мясокомбината был наслышан о талантах Бибигуль. И когда последний мужчина-гармонист ушел на фронт, ее стали приглашать играть на свадьбах. Странные это были праздники, где радость подсаживалась слезами. Но Бибигуль, не задумываясь о тяжести подобных праздников, играла веселую «Барыню», а следом могучую «Славное море, священный Байкал» и подпевала вместе со всеми... Петь стало для нее естественным состоянием. Вот тогда-то соседка тетка Вера и сказала ей: «Очень ты много поешь, Галя (так звали ее на русский лад), знать, в жизни придется много плакать...»

...Увертюра закончилась. Зрители поощрили оркестр аплодисментами, и вот уже пошел занавес, обнажая на оперной сцене жизнь прошлых веков. «Риголетто» Джузеппе Верди. Сейчас появится Джильда, дочь придворного шута, и начнет арию голосом Бибигуль Тюлеговой. Этот голос ни с каким другим не спутать. Недаром ее называют казахский соловей...

Партия Джильды считается одной из труднейших. С нее Бибигуль Тюлегова начала путь к мастерству. Впрочем, нет, началом следует считать другое... После войны она работала на мясокомбинате — в тарном цехе; потом телефонисткой, киномехаником и активно участвовала в художественной самодеятельности.

— Примадонна в масштабе мясокомбината! — с юмором рассказывала о себе Бибигуль Ахметовна. — Без песни шагу ступить не могла. Поставлю на барабан рулон жести и пою перед ним, и кружусь, и танцую, что-то изображаю. И не вижу, что жест режется вкривь и вкось, банки летят не туда, куда следует. Начальник цеха Игорь Анатольевич Лебедев, добрейшей души человек, посмотрит, рукой махнет и в профком: «Ну, пошлите вы Галку в музыкальную школу, невозможно смотреть, что она творит». Потом я, конечно, серьезнее стала, в комсомол меня приняли, фотография на Доске почета... Мольбам Лебедева все же вняли и послали меня в Алма-Ату показаться специалистам. В дороге я простудилась, была не в голосе и кое-как «прокаркала» перед комиссией «Казахский вальс». Была решительно забракована. Как все огорчились, когда я вернулась ни с чем. Больше, чем я. Я думала, что певицей мне никогда не быть. Но вскоре произошла встреча, которая буквально перевернула мою жизнь. Однажды после самодеятельного концерта ко мне подошла писательница Галина Иосифовна Серебрякова и пригласила в свою студию, где обучала молодежь пению. Потом занятия продолжались у нее дома. В общении с ней я впервые поняла, что пение — дело серьезное, узнала о выдающихся певцах прошлого, начала постигать азы техники пения... Серебрякова сама мечтала когда-то стать певицей, стажировалась в Риме и Лондоне, занималась в Москве у Неждановой. А как пела! У меня слезы выпалили из глаз, когда я услышала в ее исполнении русскую народную песню «Что так сердце тревожно заныло». Что говорить, такая встреча — подарок судьбы.

Отработав в цеху, Бибигуль бежала к Иртышу, переправлялась лодкой на другой берег и несколько километров шла к городу. За желанным порогом ее ждала Галина Иосифовна, усаживала пить чай.

— Передохни, уйми одышку, пением с разбега заниматься бесполезно...

А Бибигуль не терпелось. Наконец, за пианино усаживалась мать Серебряковой и начинался урок: дикция, артикуляция, правильное дыхание. Премудрости певческого искусства

Новый район Алма-Аты * Старший горновой Карагандинского металлургического комбината Герой Социалистического Труда Тюлеген Адам-Юсупов и горновой Геннадий Мещеряков * Первый секретарь Кустанайского райкома КПСС, Герой Социалистического Труда В. В. Сидорова и трактористка Турсун Омарова * Поет народная артистка СССР Бибигуль Тюлегова.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На Карагандинском металлургическом комбинате. Металл — стране!

открывались перед Бибигуль, и никогда ей не было в том до-е скучно. Она чувствовала, что ее голос как бы заново рождается, становится богаче оттенками, что ему начинают покоряться такие высоты, о которых она и не помышляла.

Дни шли за днями. Через несколько месяцев в Алма-Ате началась республиканская олимпиада художественной самодеятельности. Бибигуль великолепно спела там «Казахский вальс» Хамиди и «Весенние голоса» Штрауса, повергнув в изумление то самое жюри, которое отвергло ее чуть раньше. «Просто чудо какое-то с девочкой случилось, не узнать...» Композитор Ахмет Жубанов пригласил ее в консерваторию на подготовительный курс.

Первый курс консерватории Бибигуль закончила с блеском. Потом — замужество, рождение ребенка, затем второго. Учиться стало трудно, но угнетало ее другое — стал пропадать голос. Теперь она пела тяжело, словно груженую телегу (по ее словам) тащила по бульвару. Минутами подступало отчаяние, из консерватории собирались исключить. И тут, словно луч солнца в ненастный день, — встреча с великодушным педагогом, народной артисткой Казахской ССР Надеждой Николаевной Самышиной. «Что с тобой, дитя мое, где твой чудный голос?» Стала расспрашивать и причину недуга распознала сразу. Оказывается, начиная с пятого месяца беременности петь нельзя. А она пела...

— И стала Самышина со мной заниматься. Терпеливо, настойчиво, изо дня в день, — рассказывала Бибигуль Ахметовна. — К пятому курсу голос вернулся, а в момент окончания консерватории в 1954 году Самышина повезла меня в Ленинград. Там я пела Рахманинова «Здесь хорошо», казахскую народную песню «Бул-бул» и арию Джильды из «Риголетто». Публика в зале — сплошь знаменитости! Когда я окончила арию, то сидевшие в ложе народные артисты СССР Гольденвейзер, Барсова, Козловский и еще кто-то встали и так, стоя, начали аплодировать. Я убежала за кулисы в слезах...

Это было первое и по-настоящему серьезное испытание молодой певицы. Потом были годы работы в Казахском государственном театре оперы и балета. И годы, посвященные концертной деятельности. И снова возвращение на оперную сцену. С концертами она объездила весь Советский Союз и многие страны мира. Трудно представить, что в репертуаре народной артистки СССР Бибигуль Тулегеновой свыше тысячи произведений. Причем он непрерывно пополняется: из каждой поездки певица обязательно привозит новую песню. На вьетнамском языке она поет «Рисовый барабан» и «Я на мостик шла», на армянском «Ласточку», на румынском «О мурэша», поет на английском, французском, испанском, итальянском...

Оперное действие подходило к концу. Джильда умирала. В ее характере, как правило, подчеркивают хрупкость, иногда даже надломленность. Бибигуль Тулегенова увидела этот образ по-своему, показав превращение наивной, робкой девушки в сильную духом женщину, способную пожертвовать собой ради спасения своего неверного возлюбленного... Истаяли последние звуки музыки, но в зале словно продолжали витать серебряный тембр голоса артистки, ее колоратурные рулады и трели. И когда занавес медленно стал закрываться, тишина лопнула от грома рукоплесканий. Скандировали: «Джильда! Джильда!» Словно хотели убедиться, что там, на сцене, она действительно умерла понарошку.

...Потом, усталая, она сидела в гримерной и вновь перечитывала письмо. Оно было коротким: «Уважаемая Бибигуль Тулегенова! Извините, что отрываю у вас время. Вследствие кровоизлияния в мозг я был полностью парализован. До этого работал инженером. Три с половиной года нахожусь в четырех стенах, работаю над собой, чтобы вернуться к жизни. Тяжело не общаться с людьми. Постепенно восстанавливались зрение, слух, речь, руки, а ноги... По заключению врачей я мог бы остаться без ног — и вот... 20 декабря в 13 часов 50 минут вы выступали по телевидению. Ваш чудный голос заставил меня подняться и потянуться к телевизору, чтобы усилить звук. Такая сила была в вашем голосе, такое могучее притягательное звучание и такое желание услышать его громче, что я... сделал первый шаг. Первый благодаря вам. Спасибо вам. Благодарим вас всей семьей. С искренним

Алма-Ата украсилась еще одной площадью *
Когда расцветают тюльпаны * На Медео в вос-
кресенье * Сын чабана * Алма-Ата вечерняя.

уважением Браиловский Петр Афанасьевич, г. Волгоград».

Она закрыла глаза и подумала: «Ради одного такого письма стоило стать певицей».

ПО КОМПАСУ ЦЕЛИНЫ

Начинало светать. Далеко на горизонте играли зарницы, обещая дождь, который сейчас, в пору уборки, был совсем не кстати. Месяцем бы раньше — в самый раз. Я ехал в дальний совхоз Кустанайского района на партийное собрание, назначенное на шесть часов утра: время-то горячее! Первый секретарь райкома партии Герой Социалистического Труда Вера Васильевна Сидорова должна была там выступить, и я напросился в попутчики. Уборочная складывалась нелегко. Днем раньше вместе с Верой Васильевной я побывал на таком же собрании в другом хозяйстве. Выступавшие говорили вроде бы правильные слова, но чего-то в них не хватало... Сидорова сидела непроницаемая, вглядываясь в зал, в лица людей. Встала и начала говорить:

— Не знаю, как вам, товарищи коммунисты, а мне ваши выступления не понравились. Нам не нужно общих слов, нам нужны дела. И не время сейчас вспоминать прошлые заслуги. Вы говорите: «Отдадим все силы!» А косите в сутки только по двести гектаров вместо тысячи... Вы не хуже моего знаете, что будет, если затянется уборка. У вас впереди вечер и ночь. Подумайте, как лучше расставить людей, организовать ремонт, где вести прямое комбайнирование, где на свал... Об этом никто из вас ни словечка не молвил...

Я много слышал о Сидоровой. Мы ехали по ночной степи, запах спелых колосьев врывается в окна машины. Я знал, что вчера вернулась она домой за полночь (и так почти каждый день), сегодня встала в четыре — раньше обычного. По моде и со вкусом шитый костюм, в тон глазам сережки, гладкая прическа с узлом волос на затылке.

Почти совсем рассвело. На горизонте появился краешек солнца. Сидорова остановила машину у кромки поля и вошла в пшеницу. Легко наклонилась, быстро пересчитала продуктивные стебли, количество зерен в колосе, сказала:

— Тут центнеров восемнадцать на круг выйдет... — И добавила: — Когда-то здесь рос ковыль...

Мы отправились дальше, и Вера Васильевна продолжила свою мысль:

— Я о ковыле вот к чему. Мы как-то стесняемся иногда исторических параллелей, но здесь они оправданы. Ведь освоение целины сопоставимо с заселением новых континентов. Это подвиг человеческого духа, подвиг дружбы и сотрудничества народов нашей страны. Подвиг, протяженный во времени, требующий неустанной, повседневной работы. На такое способны сильные личности — Жансултан Демеев, Амангельды Искаков, Александр Казачонок, Камшат Доненбаева, Петр Бреусов, Сапар Ергалиев... Можно назвать и других, я называю друзей, у которых многому научилась.

...Приехали они с подругой Амуханы Аухадиевой в Кустанай по комсомольским путевкам весной 1958 года, после защиты диплома в Казанском сельскохозяйственном институте. Белые босоножки, светлые платочки. В областном управлении сельского хозяйства ее направили в Карасуский район. Летела туда — впервые в жизни — на самолете. Под крылом ковыль да ковыль. Обрадовалась: сколько еще работы впереди, — боялась опоздать. И пошла ее жизнь по компасу целины. В совхозе «Джамбулский», где она стала агрономом отделения, ей повезло на директора. Юрий Владимирович Всеволоцкий учил ее такту в человеческих отношениях и железной твердости в делах, партийной непримиримости к недостаткам. Своим примером показывал, что в большом деле мелочей не бывает.

За год работы стала своим человеком в совхозе. Все его дела принимала близко к сердцу. Почему стенгазета с ошибками? Почему ДОСААФ существует только на бумаге, а парни стреляют в домашних уток и гусей? Почему заглохла самодеятельность? Драмкружок? Почему бездействуют курсы молодых механизаторов? Она не просто спрашивала, а предпринимала деятельные шаги к разрешению своих «почему». Сама не заметила, как набрала больше десятка общественных нагрузок, но себя не жалела... Дотошного агронома перевели... в плановый отдел — экономистом. Вместо полей лежали теперь перед ней поля бумажные с колонками цифр, и самый тихий до той поры кабинет экономиста превратился в самую горячую точку совхозной конторы. Дверь к Вере не закрывалась: то вечер отдыха надо организовать, то рисунки в газету потребовались,

то хлеб на току горит. Главный экономист Назар Ахметович Ахметов смотрел, смотрел на все это, бросил карандаш и говорит: «Ох, Вера, будет из тебя общественник!» Как в воду глядел Назар Ахметович.

Однажды райком комсомола объявил через газету конкурс на лучшее звено кукурузоводов. Победителям назначались премии и путевки на ВДНХ. Вера организовала звено и всех убедила, что они могут стать первыми. Кукурузу вырастили действительно на славу. Образцы отправили в длинном ящике (и все равно верхушки пришлось загнать) в Москву. Вот уж зима наступила, а из райкома ни премий, ни путевок. Приехала Вера туда с газеткой: «Вы писали?» — «Мы». — «Почему же обещаний не выполняете?» — «Разберемся». — И газетку в стол. Неделя прошла, другая — молчит райком, Вера снова туда и сразу — к первому секретарю. Выяснила все ему: о том, как парни буквально ползали по той кукурузе, выхаживая ее, о равнодушии и черствости. «Так работать нельзя», — закончила она. «А как нужно?» — «Ответственно». «Ну что же, — рассмеялся секретарь, — поработай в райкоме, покажи, как надо. А премию твои ребята получат».

Секретарь не шутил, как она думала. Ее утвердили инструктором райкома комсомола. Живому делу Вера всегда отдавала предпочтение, всегда была легка на подъем. И любила дороги. Потому что дороги — это встречи с людьми, а ей почему-то всегда везло на хороших людей. Может быть, секрет в ней самой, в ее таланте быть человеческой? Этот талант просматривался уже на комсомольской работе, особенно когда она стала первым секретарем райкома, а затем — и обкома комсомола. К тому времени она давно уже была коммунистом. Вскоре ее направили в Тарановский райком партии секретарем по идеологии. Быть пропагандистом, идеологом — дело тонкое. Сомневалась в себе, но, когда вникла в суть, стало ей интересно. Не успела, как она считает, показать себя как следует, как узнала ошеломляющую новость: ее рекомендуют первым секретарем райкома партии. Она отказывалась: молода (этот недостаток со временем проходит, возражали ей), маленький ребенок на руках (вырастет), мало опыта (дело наживное).

— В общем, доводов моих не приняли...

Солнце уже светило всю. Недалеко от дороги косили хлеб три комбайна. Один из них остановился. Из бункера сурком торчал комбайнер, видно, машину ждал, чтобы разгрузиться. «Подъедем», — коротко сказала Сидорова, и «Волга» запрыгала по стерне. Поздоровавшись, Вера Васильевна прошла по следу комбайна и обнаружила несрезанные колосья.

— За гектарами гонитесь? На большой скорости молотите, — жестко сказала комбайнеру. Тот неуверенно возражал. — Вы за обедом сколько хлеба берете? — неожиданно в упор спросила она.

— Чтобы не оставалось.

— Почему тут оставляете? — тихо, но с каким-то особым нажимом сказала она и, повернувшись, пошла к машине.

...На целине жатва легкой не бывает. Это знают все. Но осень семьдесят третьего выдалась особенно тяжелой. Она проверила молодого секретаря на прочность и как партийного руководителя и как человека. Хлеб урода богатый, но как его убирать? Комбайнеры почернели от ожидания, но с полей не уходили.

— Моталась я по полям с утра до ночи, — рассказывала Вера Васильевна, — коляску с трехмесячной дочкой в машину — и вперед. В машине и кормила ее. А что делать? Не могла я остаться тогда в стороне... И вот бюро обкома. На бюро присутствовал второй секретарь ЦК партии Казахстана. Сажу, готовлюсь к отчету. За окном дождь, коляска с чадом в машине, рядом с дочкой моя мама. Доходит очередь до нашего района, но ведущий бюро вызывает не меня... Я догадалась, что мне решили сделать послабление — кормящая, мол, мать! Но я не из тех, кто отсиживается. Пошла сама к трибуне. Прошу, мол, снисхождения не делать, говорю, а не доверяете, тогда я сяду... «Верим, верим!» Ну отчиталась я.

А на другой день приехал в наш район смотреть уборку сам секретарь ЦК. А мы действительно проделали огромную работу... И хлеб мы тогда спасли.

— Вы ни о чем не жалели все эти годы? — спросил я напоследок.

— Только об одном, — ответила Вера Васильевна, — приехала на целину не в первом эшелоне...

У Р А Г А Н

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Командир дивизии генерал-лейтенант Шварцкопф встретил их подчеркнуто вежливо. Он после доклада «обер-лейтенанта Шумахера» и получения доставленного им пакета особой важности от генерал-полковника фон Хорна пригласил их сесть за стол, велел подать кофе и бутерброды, а сам взял с письменного стола длинные ножницы, вскрыл пакет, надел очки, стал читать. Бондаренко внимательно за ним наблюдал. Закончив читать, генерал вызвал к себе начальника штаба и, вручая ему пакет, сказал:

— Подготовьте ответ фон Хорну к 10.00.

— Господин генерал-лейтенант! Нам приказано ответ получить немедленно и сразу же возвращаться.

Генерал улыбнулся, закурил сигару.

— Ночью вы вместе с моим пакетом можете наскочить на партизанскую засаду. До утра я вас никуда не пушу. Вы с дороги устали. Отдохните у нас, а завтра я выделю вам бронетранспортер, и мои асы вас быстро доставят в штаб армии.

— Большое спасибо за заботу, но я имею приказ и обязан его исполнять, — настаивал на своем «обер-лейтенант Шумахер».

— Не волнуйтесь, я сейчас при вас позвоню фон Хорну и доложу о вашем прибытии.

Бондаренко похолодел. Шварцкопф снял трубку, вызвал «Рур» и, услышав голос телефонистки, проговорил:

— Соедините меня с командующим фон Хорном.

— Он занят, разговаривает с Берлином.

— Тогда дайте генерал-лейтенанта Кемпе.

— Сию минуточку, соединяю.

Услышав голос Кемпе, Шварцкопф заискивающе доложил:

— Господин Кемпе! Сегодня в 21.45 ваш офицер связи обер-лейтенант Шумахер доставил приказ командующего особой важности. Завтра в 10.00 мы приступаем к его выполнению.

— Почему он к вам прибыл так поздно? Где он три дня болтался? Он же выехал к вам на броневике.

— Они прибыли к нам на лыжах.

— А где броневик?

— Господин Кемпе! На этот вопрос вам, вероятно, лучше ответит сам обер-лейтенант, он рядом со мной.

— Пожалуйста, передайте ему трубку.

— Господин Шумахер, вас к телефону, будете разговаривать с Кемпе.

Бондаренко заволновался, пытаясь вспомнить, какое положение занимает Кемпе в армии. Он медленно встал, озабоченно взглянул на ефрейтора Шольца, как бы угадывая его мысли, сказал:

— О, вам оказана большая честь. Обер-лейтенантам нечасто приходится разговаривать с начальником штаба ударной армии генерал-лейтенантом Кемпе.

Бондаренко быстро подошел к столу, взял лежавшую на зеленом сукне трубку, четко доложил:

— Господин генерал-лейтенант! Задание командующего ударной армией генерал-полковника фон Хорна выполнено. Пакет особой важности сегодня в 22.00 вручен командиру дивизии генерал-лейтенанту Шварцкопфу. Докладывает обер-лейтенант Шумахер. Хайль Гитлер!

— У вас что-то изменился голос, я вас почти не узнаю.

— Я порядком застудился, здесь очень холодно, мы шли на лыжах при шквальном северном ветре, и потом телефон искажает.

— Возможно, возможно, — согласился Кемпе и тут же спросил: — А почему на лыжах? Вы же выехали на броневике.

— Он наскочил на мину и подорвался, водитель погиб, ефрейтора Шольца слегка оглушило, но он остался в строю.

— Где вы находились ночью?

— Обогревались у полицейских, охранявших туннель и мост через реку.

— Оставайтесь в штабе до утра, вернетесь, обо всем доложите мне лично.

— Связь оборвалась. — Бондаренко в растерянности положил на рычаг трубку.

— Я не закончил с ним разговор, — недовольно произнес Шварцкопф и протянул к трубке руку, но, посмотрев на Шумахера, сказал: — Пожалуй, я сделаю это позже. — Перевел взгляд на сопровождающего: — Господин гауптман! Распорядитесь разместить группу обер-лейтенанта Шумахера на ночлег, накормить и выдать двойную норму шнапса. К 10.00 подготовить бронетранспортер и отправить их с моим пакетом в штаб армии фон Хорна.

— Слушаюсь, господин командующий, — отчеканил гауптман, круто повернулся и вышел из штаба.

Бондаренко, Тумак и ефрейтор пошли следом.

Гауптман привел их обратно в комендатуру, открыл две комнаты, сказал:

— Господа офицеры! Располагайтесь здесь, ефрейтор — в комнате напротив. Ужин вам подадут через 30 минут, я уже послал солдата на кухню. Я приду за вами утром. Если у вас возникнут какие-либо просьбы, обратитесь к дежурному коменданту лейтенанту Мильбаху. Можете спать спокойно, комендатура надежно охраняется.

Бондаренко вынул лист бумаги, написал: «Положение наше трудное, но небезнадежное, будем действовать по варианту номер два», — дал прочитать Тумаку и Шольцу. Те молча кивнули. Затем, закулив сигарету, он вышел в туалет, сжег записку, пепел бросил в унитаз, спустил воду. Старомодные, в деревянном футляре часы, стоявшие в углу, пробили 12.00. Раздался стук в дверь, солдат принес ужин, поставил на стол флягу со шнапсом и термос с кофе, сказал:

— Ужинайте, господа, утром я принесу завтрак и заберу посуду.

Бондаренко вышел из комнаты, пригласил дежурного офицера поужинать, выпить чашечку кофе.

— Спасибо, я уже ужинал, а вот стопку шнапсу с вами пропущу с удовольствием. Зайду минут через пять, как только переключу телефоны и сигнализацию на взвод, охраняющий штаб по периметру с внутренней стороны.

— А не могут ли партизаны подойти с внешней? — спросил Бондаренко.

— Не беспокойтесь, обер-лейтенант. Шварцкопф позаботился об этом заблаговременно. По его указанию вся территория штаба обнесена двумя рядами колючей проволоки. Помимо внешней охраны, которая осуществляется подвижными нарядами с овчарками, мы теперь на расстоянии одного километра от штаба, на всех дорогах ночью выставяем секретные по-

сты, которые немедленно докладывают обстановку по телефону или радио. И потом партизаны не такие дураки, чтоб лезть на нашу дивизию, можно обломать зубы.

— Так мы ждем вас, лейтенант. — Бондаренко направился к себе.

После ухода Шумахера Шварцкопф вызвал к себе начальника службы СД подполковника Краузе и, вручая ему полученный пакет, сказал:

— Поручите проверить, не вскрывался ли этот пакет ранее. Я не совсем доверяю обер-лейтенанту Шумахеру. Вся эта история с броневиком, лыжами, ночлегом у полицейских, по-моему, очень подозрительная. Она нуждается в проверке, но у нас нет времени. Мои подозрения усилились, когда в разговоре с Шумахером Кемпе сказал, что не узнает его голос.

— Может, их задержать, пока все не проверим?

— Но если все будет в порядке, фон Хорн может на нас обидеться. Я не хотел бы с ним конфликтовать. Вы, видимо, еще не знаете, что у него очень строптивый характер и непомерно влиятельные связи в Берлине. Лучше поручите ночью присмотреть за ними. А утром дадим им броневик и с группой автоматчиков отправим их в штаб армии. Пусть там с ними разбираются. Думаю, так будет лучше для нас.

— Я полностью поддерживаю это единственно правильное решение в нашем положении. Насчет присмотра — не беспокойтесь, я уже дал коменданту на сей счет распоряжение. И потом они будут у меня спать, как мертвые. Я приказал подсыпать им в шнапс снотворного.

— Соблюдайте меру, а то они утром не проснутся.

— Господин генерал-лейтенант! Все сделано как надо. Вы же нашу службу знаете.

Шварцкопф в знак согласия кивнул головой и отправился спать. Подполковник вышел из штаба, поправил на поясе пистолет и зашагал к комендатуре.

В комендатуре в это время ужин уже закончился. Дежурный лейтенант Мильбах, раскинувшись на диване, крепко спал.

Бондаренко и Тумак тщательно осматривали здание комендатуры. Они открыли взятыми у Мильбаха ключами железный шкаф и достали свое оружие. Бондаренко зашел в кабинет коменданта, переключил на себя телефоны охраны. Посмотрев на часы, сказал:

— Если с группой Млынского не случилось ничего непредвиденного, через 15 минут начнется операция. Наша задача в соответствии с вариантом номер два сковать охрану, обеспечить нашим проход на территорию и провести к штабу.

— Надо отключить сигнализацию.

— Я хотел это сделать, но здесь устройство такое замысловатое, боюсь, как бы вместо этого не поднять тревогу.

У парадного входа раздался звонок.

— Сюда идут. Что будем делать? — забеспокоился ефрейтор.

— Задерживать, — твердо ответил Бондаренко. Снова тишину разрезал длинный звонок. Бондаренко открыл дверь из кабинета в коридор, направил дуло автомата на вход, тихо сказал:

— Алеша, оставайся у телефонов, в случае звонков зови меня, а вы, Шольц, быстро откройте дверь. И как войдут, захлопните ее.

— Яволь! — Ефрейтор тут же распахнул дверь. В коридор с шумом влетел Краузе.

— Лейтенант Мильбах, вы оглохли или спите, как свинья?! — И остолбенел, увидев стоявшего с автоматом Бондаренко. Не успел он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—40.

выхватить из кобуры пистолет, как Шольц ударил его по голове рукояткой пистолета. Краузе закачался и упал на пол. Выскочивший в коридор Бондаренко быстро обезоружил его. Приподнял голову — он был мертв. В ту же минуту в кабинете раздался длинный телефонный звонок. Тумак снял трубку, после шипения услышал тревожный голос:

— Господин гауптман!

— Сейчас позову, — ответил Тумак и передал трубку Бондаренко.

— Вас слушаю.

— Господин гауптман! Докладывает начальник поста № 5. В обход дороги из-за рощи реки Калушки в направлении штаба на лыжах движется группа вооруженных людей. В темноте трудно различить, кто это. Какие будут указания?

— Продолжайте вести наблюдение, огня не открывать. По всей вероятности, это наши отступающие части.

— Возможно, — ответили на том конце провода и положили трубку.

— Наши через пять минут будут здесь. Пора снимать часовых, — сказал Бондаренко.

Совсем рядом с комендатурой послышались крики: «Хенде хох!» Залаляли овчарки, раздался выстрел. Бондаренко с товарищами выскочил из комендатуры. Короткими автоматными очередями они сняли часовых с внутренней стороны ворот и распахнули их. В ту же минуту во двор штаба ворвалась разведрота во главе с Млынским. За ней спешили пулеметчики, подрывники, истребители танков.

Группа Алиева, сделав небольшой круг че-

рез лес и кустарник, в 23 часа 30 минут сосредоточилась в молодом ельнике с восточной стороны складов.

В 24.00 Алиев в сопровождении лейтенанта Гонцы с группой автоматчиков прибыл на место встречи с партизанами. Из кустарника вышел коренастый человек в полушубке, затянутый крест-накрест ремнями, в генеральской папаше с красной ленточкой наискосок. Сопровождали его пять партизан.

— Дед, командир партизанского отряда имени Чапаева, настоящая фамилия — Козлов Петр Степанович.

— Комиссар отряда, особого назначения Красной Армии Алиев Гасан Алиевич.

— Рад встрече с вами, представителем нашей доблестной армии. Вот уже месяц, как наш приемник вышел из строя, и мы фактически лишены возможности знать, что делается на фронтах. Так что встреча с вами для нас подарок — расскажите нам обо всем по-подробнее, а может быть, у вас найдется лишний приемник или запчасти к нашему?

— Мы вам поможем.

— Ловлю на слове, — шутя, сказал Дед.

— В нашем отряде сейчас 520 партизан, из них 350 местных жителей, остальные — красноармейцы, выходившие из окружения и бежавшие из плена, есть два летчика. Так что можем вам помочь силами, у нас есть отличные стрелки, минометчики, подрывники, связисты. Жаль, что нет артиллеристов, а то мы в лесу три сорокапятимиллиметровые противотанковые пушки со снарядами подобрали, а стрелять некому. Минометчики пробовали,

но у них не очень-то получается. А против танков мы применяем связки гранат да бутылки с бензином. Вот такая история, правда, и этим дедовским способом мы подбили 7 танков и бронемашин, но потеряли с полсотни партизан.

— Мы дадим вам замечательные средства против танков — ружья «ПТР» и противотанковые гранаты.

— Что-то я не слыхал про них!

— Это оружие поступило в армию уже во время войны.

— Добро, думаю, что ваши люди научат нас им пользоваться.

— Обязательно. — Алиев взглянул на часы.

Заметив это, Дед спросил:

— Вы спешите?

— Да, мы готовим операцию по уничтожению этой ночью важного объекта.

— Этих складов? — показал рукой Дед.

— Угадали.

— Мы тоже вокруг них ходим уже две недели. До войны на этой территории был деревообделочный завод. Как началась война, станки эвакуировали на восток. Немцы превратили цеха завода в склады боеприпасов. Мы случайно обнаружили проложенный под землей двухметровый железобетонный лаз, ведущий из леса в бывшее машинное отделение. Во время воздушной тревоги рабочие завода по нему выходили в лес. Наши разведчики прошли по лазу до машинного отделения, но проникнуть в него не сумели. Возможно, выход забит боеприпасами. Мы планировали поднести туда взрывчатку и рвануть. Если там боеприпасы, то они взорвутся, а от детонации и в

других помещениях все взлетит на воздух. Как вам нравится наш план? — спросил Дед.

— План неплохой. Если действительно там будет взрывчатка, но если там окажется обмундирование или продовольствие, то взрыв в машинном отделении нанесет немцам лишь небольшой ущерб, а склады с боеприпасами останутся. Немцы же после этого так усилят охрану, что до складов добраться будет невозможно.

— Давайте будем действовать вместе и на верняка.

— Согласен. Предлагаю следующее: сегодня в 03 часа ночи мы с восточной стороны объекта сделаем проходы в заборе, снимем часовых и ворвемся на территорию объекта, отсечем охрану от складов и заминировать их. А вы через известный вам лаз минировать бывшее машинное отделение, провода выводите в лес, на наш совместный с вами командный пункт. По сигналу «Зеленая ракета» все отходят в лес, и мы взрываем склады.

— Предложение принимаем. Но мы хотели бы, чтобы часть партизан участвовала в операции вместе с вами.

— Хорошо. Только разбейте их на две группы. Первую — вместе с нашей ротой автоматчиков направим для блокировки и уничтожения охраны. Вторую группу будем держать в резерве и используем ее для отражения возможных подкреплений.

— Добро. Я отлучусь минут на 30, дам необходимые распоряжения. Без четверти три я буду у вас на командном пункте.

— Буду ждать.

Бондаренко, увидев Млынського, подбежал к нему:

— Товарищ майор, разрешите доложить!

— Семен! Живой! Доложишь потом, а сейчас быстрее к штабу.

Над штабом и комендатурой завывали сирены. Охрана, выскакивая из казарм, открыла огонь. Укрываясь за кустарниками, пулеметчики Млынського прижали охрану к земле. Взревев моторами, лязгая гусеницами, из-под навесов выскочили три танка и, стреляя на ходу, стали обходить роту Бондаренко, пытаясь отрезать ее от штаба.

— Пэтэровцы! Танки! — выкрикнул Млынський. Тут же прогремел залп. Два танка остановились, а третий круто развернулся, придавив пулеметный расчет, и, увеличивая скорость, понесся на атакующих штаб бойцов. Они забросали его гранатами. Раздалось несколько взрывов. Танк остановился, с колес слетели перебитые гусеницы. Открылся люк, из него выскочили два немца, но тут же повалились на землю, скошенные автоматчиками.

Подрывники быстро заминировали и взорвали стоящие в сарае еще два танка. В окна штаба полетели гранаты, охрана на минуту замолкла. Воспользовавшись паузой, в здание ворвались автоматчики. Поливая свинцовым дождем коридор, Млынський и Бондаренко со взводом лейтенанта Каримова ворвались в приемную Шварцкопфа. Млынський, укрываясь за полустенкой, сильным ударом ногой высадил дверь в кабинет командующего. В ту же секунду Шварцкопф дал длинную очередь в открытую дверь. Два красноармейца замертво свалились на пол. Млынський по-немецки крикнул:

— Господин генерал! Бросайте оружие, руки вверх!

Шварцкопф снова дал короткую автоматную очередь. Тумак, выскочивший из-за двери, упал. Млынський, сжав губы до боли, снова крикнул:

— Немедленно бросайте оружие, стреляю!

Адъютант Шварцкопфа бросил на пол автомат, поднял руки вверх. Лицо Шварцкопфа посинело от злости, он выкрикнул: — Изменник! — И выстрелил в него. Млынський разрядил обойму в генерала, Шварцкопф мешком рухнул на ковер возле стола.

Уцелевшие офицеры штаба, пытаясь спастись, стали выпрыгивать из окон, но их уничтожали подошедшие к штабу пулеметчики. Охрана, оправившись после шока, бросилась на них. Млынський, выглянув в окно и быстро оценив обстановку, скомандовал:

— Семен! Быстрее вскрывайте сейфы, забирайте документацию, в лесу разберемся, а я займусь фрицами. — С автоматом наперевес выскочил во двор. — В атаку! За мной!

За ним бежали автоматчики Бондаренко и красноармейцы других подразделений. Немцы дрогнули. Небольшая группа солдат, вскочив в грузовик и стреляя во все стороны, уходила в обход сараев через запасные ворота. Развивая скорость, машина устремилась на запад. Штаб был очищен от немцев. Млынський приказал быстро подобрать своих раненых и убитых и отходить. Шофер подогнал трофейный вездеход, взял у Бондаренко мешок с документами, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, быстрее садитесь, до леса доведу, а там на перекладных.

Бондаренко подхватил другой мешок, бросил в кузов. Туда же по указанию капитана медслужбы посадили раненых, в другую машину положили трупы погибших товарищей, накрыли плащ-накидкой. К вездеходу подошел Млынський и, взглянув на сидевшего за рулем шофера, воскликнул:

— А, Вася, старый знакомый! Ну, здравствуй.

— Здравия желаю, товарищ майор!

— Как первое крещение?

— Для начала неплохо, трех фрицев угрохал, заимел вездеход и сам живой остался.

— Молодец, так держать! Не теряй времени, двигайтесь к лесу по лыжне в обход оврагов. Мы всей колонной на лыжах пойдем за вами. Если засядете в снегу, поможем выбраться.

— Есть двигаться. — Шофер нажал на газ, вездеход, обдав стоявших едким дымом, лязгая гусеницами, рванул вперед, за ними шла вторая машина. В небо взвилась ракета. Группа, став на лыжи, выслал вперед боевое охранение и прикрыв хвост колонны, двинулась в обратный путь к лесу.

Все небо заволокли низкие, тяжелые, серые тучи, из которых падал на землю крупными хлопьями снег. Объезжая Млынського, спешила к раненым медчасть — доктор Ирина Быстрова и медсестра Зина. Докторша, обернувшись к майору, спросила:

— Как вам нравится погодка, Иван Петрович?

— Отличная погодка! Немцы скажут, что сам господь бог помогает большевикам. Фрицы не летают в такую погоду. Да и нам с вами легче ноги уносить, не так далеко видно.

— Это точно, — подтвердила Ирина.

— Я-то думала, что хуже не бывает, — встала Зина, и они, рассмеявшись, вырвались вперед.

Связной Млынського, посмотрев женщинам вслед, сказал:

— Иван Петрович! Вы заметили, какая красивая у нас докторша? Отличная женушка будет. Жаль, что я староват, а то сделал бы ей предложение.

— А ты в женщинах знаешь толк. Видно, в молодости был первый парень на селе, — улыбнулся Млынський.

— Первый не первый, но, скажу откровенно, они тянулись ко мне, как мухи на мед, а почему — сам не знаю. — И, вздохнув, добавил: — Да, было времечко, не простое, золотое! Да по молодости его не ценили. А теперь рад бы в рай, да грехи не пускают. Или, как горцы говорят: мясо есть, зубов нету!

— Не грехи, Ерофеич, небось, сам заметил, как на тебя Катя Ярцева засматривается.

— Она-то, правда, ко мне неравнодушна, тянется, заботу проявляет, но я же стар для нее, разница годков двадцать, не меньше.

— Есть русская пословица: старый конь борозды не испортит, — пошутил Млынський.

— Но и не глубоко пашет.

Разговор прервал гул моторов, постепенно нарастающий справа от шоссе. Дороги.

— Колонне идти быстрее! — распорядился Млынський, попросил Ерофеича: — Передай пэтэровцам: быть готовым к отражению танков.

— Есть передать! — ответил сержант и скрылся в снежной мгле.

К Млынському спешил Бондаренко.

— Товарищ майор! Свыше роты фашистов при поддержке десяти танков обходят нас с левого фланга, пытаюсь отрезать от Баркарыского леса.

— На каком они расстоянии от нас? — спросил Млынський.

— Километра два-три, не больше.

Млынський вынул планшет, взглянул на карту, приказал:

— Всей колонне, за исключением твоей, Семен, роты и пэтэровцев, немедленно развернуться и в обход оврага как можно быстрее двигаться в Сижельский лес, расстояние до него по карте около пяти-семи километров. Передайте личному составу, что от быстроты движения зависит их жизнь. Лес — это наше спасение. А я с автоматчиками займу оборону на правой стороне оврага и постараюсь их задержать, пока вы от них оторветесь подальше.

— План ваш, товарищ майор, хороший, только я с ним не согласен. Вы командир батальона, у вас впереди большие дела, а это, вы же сами говорили, попутная операция. Разрешите мне остаться с группой прикрытия, а вы идите с колонной.

— Приказы не обсуждают, а исполняют, — сухо повторил Млынський употребляемую им в подобных случаях фразу.

— Раз так, то я от вас никуда не уйду, тем более здесь остается моя рота. Пусть колонну возглавит старший лейтенант Соколов.

— Исполняйте приказ, — строго проговорил Млынський, повернулся к подошедшему Ерофеичу: — Сержант, передайте старшему лейтенанту Соколову, пусть немедленно выводит из колонны пэтэровцев с автоматчиками и занимает оборону на правой стороне оврага, и по возможности быстрее зарывается в землю. Я сейчас подойду.

— Не успеют, земля мерзлая.

— Тогда хотя бы в снег! — крикнул вслед удаляющемуся Ерофеичу Млынський и вышел из колонны.

Бондаренко потоптался на месте и поспешил в голову колонны, на ходу перестраивая ее.

Серо-коричневые, с черными жирными свастиками на боках танки, как огромные чудовища, вынырнули из снежной мглы, направляясь к оврагу. Автоматчики, подпустив фашистов к середине оврага, ударили по ним короткими прицельными очередями.

— Давите гадов гранатами! — крикнул Млынський и одну за другой бросил две гранаты в овраг. За ними полетели десятки. Немцы стали пятиться, видя, что танкам преодолеть овраг не удастся. Танки стали разворачиваться, чтобы зайти в овраг со стороны леса, но в бок им ударили пэтэровцы, четыре танка загорелись, пятый взорвался, остальные развернулись, взяли на броню автоматчиков и устремились к лесу. Млынський, оценив обстановку, развернул отряд, преграждая им путь. У леса танки сменили курс, и, поднимая снежную пыль, шли прямо по равнине на группу Млынського.

— Приготовить противотанковые гранаты! Бросать только с близкого расстояния! — приказал Млынський, загнал патрон в патронник противотанкового ружья, оставшегося от погибшего расчета, прирос к земле и стал ждать.

Танки и автоматчики, приближаясь к позициям защитников, не стреляли. Только пододвигались вплотную, они открыли огонь. Группа Млынського не отвечала. Когда расстояние между ними сократилось до 150—200 метров, майор скомандовал:

— Огонь! — И сам нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел, приклад больно ударил в плечо. Танк, в который он целился, закрутился на месте, из него вырвался столб дыма. Слева выскочил новый танк, рванул на лежавших в снегу автоматчиков. Из снега будто вырос солдат с противотанковой миной, привязанной к поясному ремню. Крикнул: «За Родину!» — бросаясь под танк. Раздался оглушительный взрыв, танк зашатался, замер на месте. Выскочившего из танка капитана срезала автоматная очередь. Падая, он прокричал: «Муттер, муттер!».

— Ишь, сукин сын, маму вспомнил, — произнес Ерофеич, — когда наших убивал, не думал, что их тоже дожидаются мамы. Фашист не опасен только в могиле, — добавил он, снова дав длинную очередь по врагу.

Когда был подбит еще один танк, оставшиеся два, спасаясь, понеслись к лесу. За ними бежали уцелевшие автоматчики.

Снег идти перестал; на белую окровавленную, изуродованную взрывами землю спускалась тишина. Млынський поднялся с земли, отряхнул полушубок, скомандовал:

— Подобрать раненых, убитых, трофейное оружие. Через двадцать минут уходим.

Продолжение следует.

МАСТЕР И НЕМЕЗИДА

ФЕЛЬЕТОН

Немезида — в древнегреческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления.

В этой жутко запутанной истории я всем так надоел, что мое дальнейшее пребывание в городе стало рискованным.

Суровый мужчина, один из представителей свободного предпринимательства на базе райпищекомбината, испуганно засопел и подвел меня к окну:

— Видишь горы?

— Вижу, — ответил я, — но какое это имеет отношение к делу?

— А то отношение, — ответил он, — что еще одно слово, и родная мама тебя здесь не найдет...

Взглянув на суровый скалистый бедлам за окном, я представил себе, как моя бедная, немолодая уже мама бродит среди зловещего хаоса, тщетно зовет меня, и ее дрожащий голос тонет в грохоте горных потоков.

И, действительно, как можно найти человека (какие-нибудь 80—90 килограммов белков и углеводов!) там, где бесследно исчезали эшелоны фруктов, цистерны спирта и тысячи центнеров всякого другого добра? Что может сделать одна слабая женщина, когда целые экспедиции из представителей ОБХСС, уголовного розыска и других компетентных и уважаемых органов бессильно опускали руки?!

Если вы раскроете подробную географическую карту нашей страны, то на территории Чечено-Ингушской АССР с трудом отыщете поселок Шали. Именно там, в конторе райпищекомбината, развернулись удивительные события.

Например, бывший директор комбината Лепиев с артистической непринужденностью завалил работу своего предприятия и принес ему ущерб на сумму 34 452 рубля и 48 копеек.

Так же, с одного подхода (если пользоваться терминологией тяжелоатлета), заготовитель Исраилов присвоил 12 тонн и 606 килограммов яблок ровно на 3881 рубль и 80 коп.

И как бы шутя и играя, с необычайной легкостью, мастер-технорук райпищекомбината Гаургаев занялся пересортицей, составлением фиктивных актов и других подложных документов на десятки тысяч рублей.

Будучи к тому же правой рукой Лепиева, Гаургаев со всем усердием и преданностью способствовал оголтелым хищениям, сам вооружая центнерами фрукты, соки и спирт и проделывая все это с блестящим мастерством: незря же в этих делишках он считался мастером.

— Мои глаза полны слез, а сердце разрывается на куски при виде этих безобразий! — кричал старший бухгалтер комбината Абдул-Баки Амерхаджиев. — Прекратите немедленно! Руки прочь от

райпищекомбината! Верните нам родные деньги!

Но Лепиев, Исраилов и Гаургаев, обаятельно улыбаясь, еще глубже погружали руки в комбинатское добро. Более того, не иначе, как назло, чтобы специально причинить боль бдительному бухгалтеру, они купили на далекой Украине эшелон первосортных яблок, поставили у забора шалинского фруктового сада и... списали как гнилье.

И тогда бухгалтер купил пачку бумаги (250 листов за 40 копеек) и начал писать жалобы и заявления во все инстанции, какие он только знал, в том числе судебные.

Бухгалтер Амерхаджиев, кстати говоря, и сам не был ангельски безгрешен — имел выговор «за несвоевременное принятие мер к пресечению нарушений финансовой дисциплины должностными лицами». Но, жертвуя собой, затрубил во все трубы для привлечения виновных к ответственности: он будил богиню правосудия Немезиду, дабы свершилось справедливое возмездие.

Дремавшая над своими аптекарскими весами богиня встрепенулась, вытерла запывшийся меч о складки классической одежды и обрушила его на голову... Кого? «Конечно же, главного преступника!» — воскликнет догадливый читатель.

Нет! Не отгадали! На буйную голову правдолюбца Амерхаджиева...

Но это было лишь первое из чудес, которые вдруг начали демонстрировать коллективы должностных лиц, представляющих различные департаменты Грозненско-Шалинского ареала. Так, например, Министерство пищевой промышленности республики ог-

раничилось всего лишь освобождением от занимаемой должности директора Шалинского райпищекомбината Д. С. Лепиева. А в «активе» Лепиева числились незаконные выплаты, брак выпущенной продукции, искажение в учете и отчетности, излишки товарных ценностей и устройство на материально ответственные должности лиц, ранее судимых за хищение. По этому поводу были переданы материалы в прокуратуру и заведено уголовное дело. Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власов в статье «Грани авторитета» (газета «Социалистическая индустрия», 15 марта 1979 г.) писал о Лепиеве, что он, начиная свою руководящую работу, прежде всего «окружил себя людьми, нечистыми на руку»... Но Лепиев остался на свободе. Он смеется и шлет красотке Немезиде свой привет горячий. Чем не чудо?

А вот еще одно: в постановлении (а их было немало) комитета народного контроля ЧИ АССР черным по белому написано: «Гаургаев Т. М., используя свое служебное положение, стал на путь обмана государства и принудил зав. складом выдать Веденскому потребительскому обществу сохранную расписку на невыбранную продукцию и заверил ее печатью Шалинского райпищекомбината».

Проще говоря, когда Гаургаев исполнял обязанности директора, были выписаны документы на отпуск готовой продукции на сумму 59 379 рублей, получен чек от Веденского потребительского общества, но фактически никакой продукции по этим документам не отпускалось.

Дальнейшая практика оставшегося безнаказанным Гаургаева

ознаменовалась бурными проявлениями его «творческой» инициативы, которая распространилась на самые разнообразные области работы райпищекомбината, закручивая в свои смерчи все, что плохо лежало.

18 апреля 1978 года на коллегии Минпищеторга ЧИ АССР тогдашний министр Исмаилов заявила, что акты на недостачу яблок в количестве 13 671 килограмм, составленные Гаургаевым, являются фиктивными.

На той же коллегии было решено передать материал в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности виновных в нанесении ущерба комбинату.

Казалось, что на сей раз гроза неотвратимо разразится над Гаургаевым, но... снова произошло чудо: Немезида заговорщицки подмигнула мастеру Гаургаеву, и он радостно пошел пить свой любимый растворимый кофе, ибо дело было прекращено «в связи с отсутствием состава преступления в действиях лиц, проходящих по делу Шалинского райпищекомбината».

Однако в исполнении следователя Хайдарханова этот фокус с прекращением дела выглядел так грубо, что прокурору республики пришлось данное решение отменить и передать дело на новое рассмотрение, другому следователю.

И вновь начались различные мелкие чудеса. Выяснилось, что из дела исчезли кое-какие документы. Возможно, кто-то вырвал их исключительно ради приобретения дефицитных изданий за счет макулатуры. Однако нельзя ручаться за правильность этих предположений.

Короче говоря, в данном случае пути юриспруденции оказались неисповедимы. Всем известно, что кое-кем кое-где время от времени совершаются преступления. С ними ведется борьба беспощадная и бескомпромиссная. Но, к сожалению, известно также, что иногда в некоторых отдельных случаях на скамью подсудимых садятся не те, для которых эта скамья сколачивалась.

Так чем же кончилось дело с главными героями нашего повествования?

Исраилов безболезненно выбыл из игры.

Правдоборец — бухгалтер Амерхаджиев (видимо, за то, чтоб не выносил сора из избы и в дальнейшем смотрел на все махинации мастеров сквозь пальцы) был осужден на год принудработ по месту службы с удержанием двадцати процентов зарплаты.

И точно такой же мини-приговор вынесен хитроумному директору Лепиеву. А Гаургаев? Что стало с ним?

Сдав веса и карающий меч в камеру хранения, богиня Немезида подняла тост «За отсутствие состава преступления в действиях Гаургаева!». То есть полностью оправдала его!

Погодите, еще минутку внимания!

В тот миг, когда ставилась последняя точка в этой печальной повести, пришло сообщение о том, что на днях ответственные деятели Минторга ЧИ АССР лично представили Гаургаева изумленным работникам Урусмартановского райпищекомбината в качестве их нового директора.

Кто теперь посмеет говорить, что чудес нынче не бывает?!

П И С Ь М О ИЗ IX ВЕКА

**Б. ЛАБУТИН,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

...С высокой белокаменной башни дозорный заметил на горизонте всадников в остроконечных шлемах. Тревожная весть облетела поселок: приближается враг. И умолк веселый перезвон в кузне, остановились мельничные жернова, замер гончарный круг. Скрип удалявшихся повозок растаял в степи... Люди покинули свои жилища.

Произошло это тысячу лет назад. Иду по бывшей площади замка. За его мощными крепостными стенами селилась знать. У подножия стен в полуземлянках жил простой люд. Искусные мастера умели делать железные топоры и ножи, серебряные и бронзовые украшения, керамическую посуду.

Шестой полевой сезон здесь, на Маяцком городище в Воронежской области, у слияния Дона и Тихой Сосны, ведет раскопки советско-болгаро-венгерская археологическая экспедиция.

Первое упоминание о Маяцком городище встречается в 1648 году. В одной из грамот говорится, что здешним казакам отведены земли «вверх по реке Тихой Сосне до Маяцкого старинного городища». В 1906 году сюда впервые пришли археологи. Они увидели остатки каменных стен из гладко обтесанных блоков, раскопали часть жилищ, обнаружили могильник. Аналогичный был найден у села Верхнее Салтово в Харьковской области. Находки свидетельствовали о высокой и своеобразной культуре народов, населявших эти места в VIII—IX веках. Она получила название салтово-маяцкой. Сейчас известно свыше двухсот памятников этой культуры — остатков кочевий, замков, городов. Маяцкое городище — одно из наиболее сохранившихся.

— Это было довольно крупное поселение — около двух тысяч жителей. Здесь жили аланы, предки нынешних осетин, и болгары, — рассказывает руководитель экспедиции доктор исторических наук Светлана Александровна Плетнева, заведующая сектором славяно-русской археологии Института археологии Академии наук СССР. — Маяцкое городище интересно тем, что показывает, как переходили к оседлости бывшие кочевники. Это позволило алано-болгарам создать высокую культуру. Мы нашли мотыги и лемехи, следы возделанных полей, куски шлака из древнего горна, где выплавлялся металл, гончарную мастерскую. Памятники салтово-маяцкой культуры находят от Камы до предгорий Кавказа, от Волги до Дуная, в Болгарии и Венгрии. В истории наших народов еще много неизвестных страниц. Чтобы прочитать их, и была организована совместная экспедиция академий наук трех стран — СССР, Болгарии и Венгрии.

...Лагерь просыпается рано, когда над Доном только занимается прохладное утро. Завтрак в походной столовой — и на раскоп. Вместе с учеными работают студенты, будущие историки из Воронежа, Калинина, Ворошиловграда, Москвы. И вот уже в полевых дневниках появляются первые записи.

«Маяцкое городище-81. Катакомба 103. Кольчужная сумочка с прикипевшими к ней серебряной бляшкой и стеклянными бусами», — помечает в дневнике Марина Лылова, второкурсница Воронежского университета. Сумочка из мелких железных колечек переходит из рук в руки. Такие носили древние модницы. Высоко было искусство здешних кузнецов и ювелиров. А вот стеклянные бусы попали сюда издалека, откуда-то из Азии.

Для Дмитрия Данышина, студента МГУ, день тоже оказался удачным. «Квадрат Ф-18. При прохождении неглубокой лощины обнаружено пятно могильной ямы. Форма прямоугольная с закругленными короткими сторонами. По южной стенке на глубине 30—32 см уступ шириной 10—14 см. Погребен мужчина, возраст не старше 30 лет. В грунте два фрагмента керамики». Погребение IX века!

— Погребение болгарское, — определяет софийский археолог Дафина Василева-Христова. — Такие погребения найдены и в Болгарии. Как болгары оказались здесь? На этот вопрос мы, историки, и пытаемся ответить. По всей вероятности, они пришли из Приазовья, из существовавшей там Великой Болгарии, и остановились на Дону, у самой границы со славянами.

Соседство было мирным. Во многих постройках на Маяцком городище вместо распространенных тогда очагов раскопаны каменные печи, появившиеся здесь под влиянием славян.

«Квадрат Г-3, глубина 40 см. Кружка тонкостенная с массивной ручкой. Ручка двойная. Дно широкое, на дне клеймо», — заносит в полевой дневник Лена Сухова, студентка Калининского университета. Гончарное ремесло достигло здесь особенного расцвета. Найдены керамические изделия различных форм — горшки и кувшины, кубышки и пифосы. Глиняные черепки промывают, сушат, сортируют по цвету и «тесту». И под руками реставратора из Эрмитажа Натальи Кириевской на моих глазах возрождается кувшин — с узким высоким горлом, украшенный мелкой насечкой по бокам — излюбленным орнаментом местных мастеров.

Иштван Эрдели, археолог из Будапешта, возвращается в лагерь сияющий. Он бережно кладет на стол глиняный черепок.

— Это обломок котла, — счастливо улыбается он. — Видите, с внутренней стороны ушко, с помощью которого котел вешали на огонь. Такие котлы найдены и на территории Венгрии. Как известно, на Дунай наши предки пришли из-за Волги. Путь их пролегал, видимо, здесь, по донским просторам.

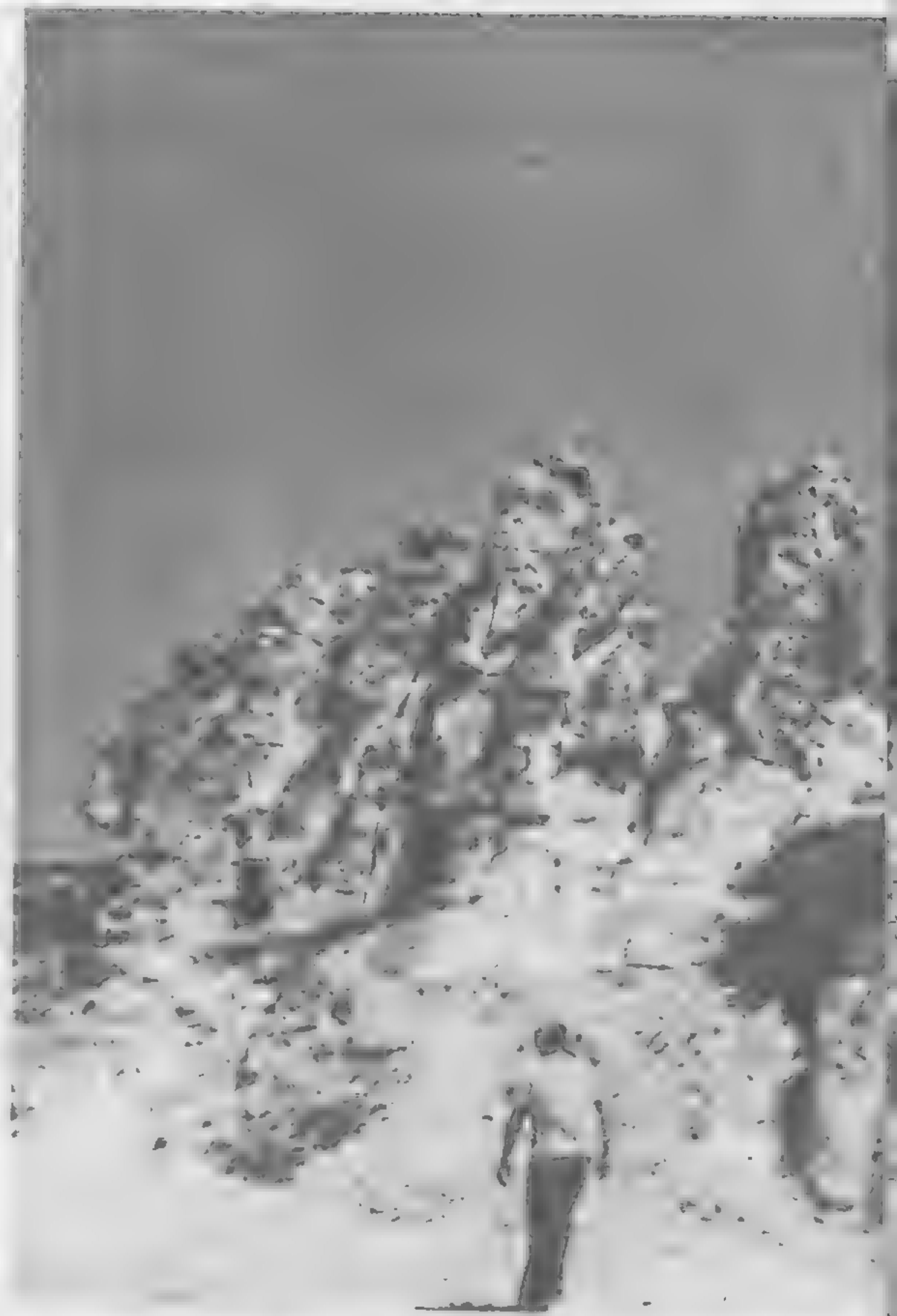
Иштван рассказывает, как три года назад на одном из камней городища была обнаружена уникальная надпись. Рисунки на стене, отдельные знаки здесь находили и раньше. А тут — три строки древним руническим шрифтом! Камень отсырел и грозил рассыпаться, с великой осторожностью его просушили и отправили в Эрмитаж. Руническим шрифтом пользовались тогда многие народы. Может быть, это письмо из IX века написано на древневенгерском? Археологи ждут ответа лингвистов и надеются, что эта самая длинная руническая надпись, найденная в Восточной Европе, поможет разгадать тайну Маяцкого городища.

1.
Раскопки Маяцкой крепости.

2.
Рядом с Маяцким городищем в XVI веке был вырублен в скале монастырь.

3:
Участники международной экспедиции (слева направо): Дафина Василева-Христова (Болгария), Иштван Эрдели (Венгрия), руководитель экспедиции С. А. Плетнева и антрополог Т. С. Кондукторова (СССР).

4.
Археолог Валентина Нахаметян (слева) и студентка Марина Лылова при вскрытии катакомб обнаружили погребение VIII—IX веков.

4

ИСТОЧНИК ПАМЯТИ

Светлана САМСОНОВА

Эта небольшая книга издана сорок лет назад, в начале Великой Отечественной войны. На сероватой обложке надпись: «Летчики-истребители в боях за Ленинград. Фронтовой альбом командира-художника Анатолия Яр-Кравченко. Издание газеты «Атака» Н-ского авиасоединения. 1941». Один из двухсот экземпляров — выразительных документов времени, документов образных, художественных. В альбоме графические портреты летчиков, принявших на себя первые воздушные удары врага. Открытые лица, прямые, честные взгляды. Вечно молодыми и живыми оставил их своим искусством художник. Этот альбом и семь других, содержащих пятьсот сорок портретных рисунков, созданы в боевых условиях.

Двадцать первого июня, накануне рокового дня начала войны, художнику исполнилось тридцать лет. Пора осознания своих творческих устремлений, которое пришло через годы работы в ленинградских газетах, учебы в Академии художеств, личностного и творческого становления. И вот — курсы воздушных стрелков-радиостов, Ленинградский фронт, Карельский перешеек, сотрудничество во фронтовой

ПИСАТЕЛЬ ФЕДОР ПАНФЕРОВ.

А. Яр-Кравченко. ЮРИЙ ГАГАРИН.

печати. Возвращаясь к тем огненным годам, к истории, родившей сегодняшний день, люди откроют фронтовые альбомы художника и снова увидят П. Харитонову, чье имя стоит в первом военном указе о присвоении звания Героя Советского Союза, летчиков Т. Антонова, А. Слонова, Н. Губина и многих, многих других.

Для А. Н. Яр-Кравченко война была не только суровой жизненной школой, но и творческим университетом. Он окончательно сформировался как художник, и прежде всего как художник графического портрета.

Пройдут годы, и первый космонавт мира Ю. А. Гагарин на портрете, сделанном мастером, напишет: «Анатолию Яр-Кравченко, который так хорошо изображает человеческие лица и сильные характеры летчиков. Гагарин».

Изображать человеческие характеры... Как точно и верно сказал Юрий Алексеевич о труде художника-портретиста!

От ленинградских летчиков времен Великой Отечественной войны протянулась «воздушная», но очень крепкая нить дальше и «выше»: художник писал и космонавтов, портреты которых составили альбом «Герои космоса».

В начале 30-х годов вышел из печати сборник стихов А. Прокофьева, и на титуле был напечатан его портрет работы Яр-Кравченко. В то время он входил в круг ленинградских художников, артистов, литераторов. Подружился с Н. Клюевым и сделал несколько портретов этого своеобразного поэта, писал Горького; тогда же началась дружба с Ал. Толстым, Фе. Шмелевым, Шишковым. А после войны работа над образами советских писателей и поэтов продолжилась. М. Пришвин, К. Симонов, Г. Тихонов, П. Тычина: любой из портретов — это десятки встреч, разговоров, мыслей, воспринятых чутко и переданных с вдохновени-

ем, отчего на холстах словно оживают углубленная мудрость П. Бажова, тонкая ирония М. Светлова, живой ум В. Кочетова.

В мастерской Анатолия Никифоровича в Москве, на улице Горького, много интересного. Но, пожалуй, первое, на чем останавливаешь взгляд и к чему постоянно возвращаешься, — большой картон, на котором изображена встреча литераторов с Горьким на его квартире накануне I съезда советских писателей. Идея написания такого группового портрета давно зародилась у А. Яр-Кравченко. Один эскиз сменялся другим, одновременно писались натурные этюды, но ни одна композиция не казалась художнику достаточно хорошей. Шло время, а он все писал, думал, переделывал. И восьмилетняя работа дала искомый результат. Сейчас большая картина «Ответственность на вас!», созданная в соавторстве с А. Зарубиным, но в основу которой лег последний вариант эскиза, находится в Государственном литературном музее.

В обширном творческом труде художника, посвященном писателям, есть такой волнующий момент — работа над портретом Н. Островского, фоторепродукция с которого вклеена вместо фотографии в партийный билет писателя. Яр-Кравченко пришел к нему на тихую, зеленую улицу в Сочи в 1935 году и увидел молодого бледного человека лет тридцати, лежащего на кровати в красноармейской гимнастерке. Н. Островский был уже тяжело больным, слепым, но Яр-Кравченко вспоминал, что с трудом замечал его слепоту. Глаза смотрели прямо и выразительно. Он шутил, преодолевая боли, заботился, чтобы художнику было удобно писать, расспрашивал об искусстве, о нем самом. Человечность, мужество и всепоглощающая любовь к жизни — передать, выразить все это было непросто. Художник делал наброски, писал. Теперь этот портрет стал хрестоматийным.

Много качеств должен сочетать в себе художник-портретист, помимо чисто профессиональных. Он обязан быть и психологом.

Вот как написал сам А. Яр-Кравченко в своих воспоминаниях о работе над портретом В. А. Кочетова: «Я не мог начинать работу над портретом, пока не изучу человеческую суть моей модели».

Теперь А. Яр-Кравченко сделана еще одна серия работ — «Вечная слава».

Для людей, прошедших Великую Отечественную, война — вечный источник памяти. Нет, эти листы не показывают военные действия, мы видим на них школу, дом, плетень, колодец, старую женщину, юношеские лица. Это места, где жила и живет под Краснодаром семья Степановых. Большая была семья — пятнадцать человек. Из них девять парней — все, сколько было, — ушли на фронт и погибли смертью героев. И художник через искусство отдал часть своего сердца не гаснущей о них памяти.

Недавно Анатолию Никифоровичу исполнилось семьдесят... Но он не отказывается ни от какого дела, будь то рисунок в газету или очередная поездка, где надо сделать серию зарисовок. Вероятно, в этой неустойчивости и есть подлинная молодость. А если к этому добавить огромную общественную работу, которую ведет живописец, являясь членом ряда комиссий, редколлежий, то остается только удивляться, как ему на все хватает времени. Художник энергичен, полон творческих планов, вот-вот он собирается уезжать в очередную творческую командировку.

Анатолий Яр-Кравченко всегда в пути.

А. Яр-Кравченко. Род. 1911. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1956.

А. Яр-Кравченко. ВРАЧ-КАРДИОЛОГ, КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК Н. П. МОСКАЛЕНКО, 1971.

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

В октябре 1981 года нашей страной и другими странами широко отмечается 840-летие со дня рождения великого азербайджанского классика, поэта-гуманиста Низами Гянджеви.

Статья лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Мариэтты Сергеевны Шагинян рассказывает о Низами как о представителе раннего восточного Ренессанса.

I

Мне выпало большое счастье переложить на русский язык одну из пяти поэм великого азербайджанского классика, самую сложную, самую трудную — и самую мудрую — «Сокровищницу Тайн» (Махсан уль Асрар).

В отличие от остальных эта поэма бессюжетна. В нее Низами Гянджеви вложил весь нравственный опыт своей жизни, все суждения о своих современниках и своей эпохе, ее достоинствах и пороках, а также заветы и заповеди, какие хотел бы оставить человечеству.

Он жил в двенадцатом веке, мы живем в двадцатом. Чтоб добраться до понимания его мыслей, мне пришлось пробираться сквозь заросли невероятно сложного и непонятного, но исключительно точного научного подстрочника, сделанного одним из лучших наших иранистов, покойным профессором Ромаскевичем. Это были для меня «джунгли» неведомых мифологических образов, имен, названий, завитков пышного восточного синтаксиса Низами.

За короткое время до назначенного в 1941 году юбилея сделать все это не было никакой возможности. Но из-за Отечественной войны юбилей был перенесен на 1947 год. И все семь лет до него, при огромной загруженности литературной работой на оборону, я продолжала изучение Низами каждую свободную минуту.

Чтобы осилить трудности упомянутых «джунглей», я ознакомилась со всей имевшейся научной литературой о Низами на русском и европейских языках; советовалась с крупнейшими нашими учеными-востоковедами и с поэтом, знавшим фарси, — покойным таджикским поэтом Лахути и его женой Бану; специально ездила в Лондон, чтоб там, в знаменитой библиотеке Британского музея, прочитать первый в мире перевод «Сокровищницы Тайн», сделанный англичанином Хиндлеем и хранящийся там в рукописи.

И, наконец, брала уроки у бакинского моллы, посвящавшего меня в тонкости Корана. У меня часто спрашивали, кстати сказать, не без улыбки, что же мог дать бакинский молла для перевода поэмы Низами? Он оказал мне не только огромную помощь, но научил и особому подходу к прочтению древних текстов. Что, например, могла я извлечь из сложнейшего подстрочника профессора Ромаскевича о путешествии Магомета на Седьмое Небо, о крылатом коне Магомета, о бесконечном обсуждении такого пустякового факта, как утрата Магометом в сражении зуба, — этому зубу посвящено у Низами немало стихов. Казалось бы, сказочные мифы, традиции восточной мусульманской поэзии не только у Низами, но и у других поэтов с их обязательными «восхвалениями» в начале каждой поэмы. Дань ничему не значащей для нас традиции. Но молла не читал, а рассказывал, он пропускал все эти мифологемы через свой религиозный пыл, и в его рассказах бывали минуты необыкновенного воодушевления, когда речь его почти вспыхивала от внутреннего огня, глаза сверкали, руки тянулись к жестикляции. И в такие минуты для меня внезапно разрывались тысячелетия народных сказаний, и «Путешествие на Седьмое Небо»

вдруг оказывалось вершиной высочайшего человеческого вдохновения, подобной античному образу Парнаса, греческой горы поэзии, обители Аполлона и муз. «Крылатый конь Магомета» превращался в греческого Пегаса. Тысячелетние восточные мифы сливались в единый поток эпосов всего человечества. Даже «Зуб Магомета», приводивший меня в отчаяние и к многократной бессоннице, когда я пыталась проникнуть в его внутренний смысл, привел меня, наконец, к пониманию какой-то духовной утраты на войне, может быть, к гибели кого-нибудь близкого Магомету, может быть, к утрате жестокосердия.

Несколько лет труда понадобилось мне, куда чистый, как родник, мир мышления Низами не обнажился передо мной во всей его кристальной ясности. И наконец...

читала. Он хотел привести ее в своем докладе, но не помнил целиком и только сказал: «Та самая, где «безделье гони». Это — следующая цитата из Низами, говорящая о высоком значении труда:

«Царапай хоть лист, но безделье гони.
Не поешь — так перья чужие чини»¹.

В другом месте:

«Колючкой вовремя руки стегни,
Чтоб брались за дело без лени они».

Эта цитата прозвучала в его докладе очень назидательно для некоторой части писателей. Есть о труде еще цитата, как бы предвещающая труд рабочих в коллективе:

ГОВОРИТ НИЗАМИ

...Наконец — исчезли столетия, отделяющие двенадцатый век от двадцатого. Глубокие мудрые мысли, словно человеческие очи нашего современника, взглянули в глаза двадцатому веку. И оказались они необычайно близкими нам, нашему времени, нашему отношению ко многим моральным ценностям. Какие же это моральные ценности?

II

В подготовке юбилея Низами Саша Фадеев (мы его звали просто Сашей) принимал очень близкое участие. У меня сохранилась в архиве одна из его тогдашних записок:

«Дорогая Мариэтта Сергеевна!

С тобой ли цитаты из Низами, свидетельствующие о его народных корнях? Цитата о русских, которую ты мне показывала, из кого она, из Хагани? Есть ли она у тебя? Не могла ли бы ты принести это к 6 часам.

Ал. Фадеев».

Как-то утром раздался телефонный звонок. Это звонил мне Фадеев перед своим очередным докладом на писательском собрании. Ему срочно нужна была одна цитата из «Сокровищницы Тайн», которую я ему как-то про-

«Найти себе друга ты можешь везде,
Но лучший — когда он помощник в труде!»

Но прежде чем полностью раскрыть отношение Низами к труду, одному из самых важных звеньев его гуманистической идеологии, скажу несколько слов о времени и среде, в которых создавалась его «Сокровищница Тайн». В числе пяти поэм Низами — Хамсэ (Пятерицы) — «Сокровищница Тайн» числится первой, то есть самой ранней работой. Но ее глубоко философское содержание, ее мудрость говорят о духовном опыте многих лет и, во всяком случае, о большой духовной зрелости. Он начинает, как и его современники, с традиционных восхвалений Аллаха и шаха, но тут же переходит к очень реалистическому описанию того, что фактически происходит в его стране. Властители, разоряющие свою землю; продажные поэты, восхваляющие их; отчаяние от пороков, беззакония и насилия; вероломство друзей; и в ответ рост общественного мнения; слияние в критику, — угроза шаху народным восстанием. Гневное осуждение обмана, лжи и фальши, похвала нравственной силе труда низших классов населения (образы крестьянина и городского рабочего),

¹ Все стихи Низами даны в переводе Мариэтты Шагинян.

и, наконец, высокая сила правды и ее победа над ложью. Все это мелькает отдельными двустушиями в его размышлениях («Макалэ») и с особой поэтической выразительностью высказывается в приложенных к «Макалэ» баснях. Это внутреннее содержание «Сокровищницы Тайн» делает ее одним из ярчайших документов восточного гуманизма.

Перехожу к примерам всего перечисленного из самой поэмы «Сокровищница Тайн».

III

Эти примеры горстью жемчужин рассыпаны в его «Макалэ» (речах) и как бы собраны в букеты в каждой басне, иллюстрирующей речь в ее заключении. «Бейты» (двустушия), из которых состоит отдельная речь, иногда содержат в своем предельном лаконизме глубокие нравственные поучения, разъяснить которые займет больше места, чем оно само: для понимания его нужен не только разум —

«Без сердца ты в нем не поймешь ничего!
Объяснение его — многословней его».

Но слово имеет могучую власть, оно облетает весь мир:

«Для слова открыты замки и пути,
Где слову есть доступ, — ноге не пройти!»

«Пусть смелый за речи в оковах сидит,
Речам его путь всего мира открыт», —

и поэтому оно должно быть свежим, мудрым, должно духовно одарять человека; оно ценнее золота:

«Вот свежее слово, а вот — золотой.
Что лучше?» — «О, слово, друг, слово раз
в сто!»

Но придворные поэты бесчестят его, гоняясь за золотом:

«Толпой во дворцы, где владыкою шах,
Поэты-льстецы с восхваленьем спешат...
Продажная братия эта, — она —
Вне чести, хоть почестью вознесена».

Но опасен путь угожденья, пресмыкательства, фальши, лживости: возвышение грозит немилостью и плахой. Лстец не избежит страшных сторон восточного деспотизма, ужасающей судьбы — погони за золотом:

«Лишь тот, кто пред златом как ртуть
не дрожал,
Железных Санджара¹ тисков избежал».

Настоящий поэт — не с этой «продажной» братией:

«Кто мыслью подняться до истины мог, —
Главы не кладет на дворцовый порог».

Он не связывает патриотизм с прославлением своего шаха, он связывает его с любовью и состраданием к народу своей страны. Он видит патриотизм в правде, которую нужно говорить своему властителю.

Больше столетия назад в западноевропейских хрестоматиях для детей появилась басня Низами, переведенная учеными (рассказывает немецкий востоковед прошлого века Хаммер). Она заучивалась детьми наизусть. Вот эта басня, без сокращений:

РАССКАЗ О НУШИРВАНЕ И ЕГО ВЕЗИРЕ

Однажды, оставив охотничий стан,
С охоты вперед ускакал Нуширван.

Но верный везир догоняет его.
Хосров и везир — и вокруг никого.

И видят: развалины без очага,
Селенье пустое, как сердце врага.

И видят: две птицы сидят на жерди.
И тесно меж ними, как в шаха груди.

Спросил он везира: «О чем у них речь?
Что можно из этого свиста извлечь?»

¹ Историческое лицо, известное своей жестокостью.

Везир отвечает: «О царь наших дней!
Скажу, коль ответить приказано мне.

В их щебете смысл затаенный укрыт, —
Про свадебный договор он говорит.

Одна — это мать, что просватала дочь,
Ей надобен выкуп за брачную ночь.

«Развалины эти оставь нам, — свистит, —
А к ним ты таких же прибавь нам», — свистит.

Другая в ответ ей: «О чем говорить!
Взгляни, сколько шах наш успел разорить!»

С его притеснениями — долго ли ждать?
Сто тысяч развалин смогу тебе дать!»

Замолкнул везир, и пристыжен Хосров.
От скорби он стон испускает без слов.

Бьет в лоб себя, слез проливает поток, —
Ведь что, кроме плача, насилью итог?

Свой палец зубами в стыде прикусил.
«До птиц разрушенья дошло! — возгласил.

Сегодня, как зрелище, вижу свой гнет.
О горе, он завтра в позор перейдет!»

Богатства, которым числа не найду,
Забрал ли в могилу с собой Феридун?

От царских приказов, судов, где сужу,
В конце концов, что же в руках я держу?»

И так стал горяч в покаянье Хосров,
Что гвозди коню растопил у подков.

Обратно к войскам поскакал на коне, —
И новым повеяло ветром в стране.

«Калам»¹, что поборам вел счет, — он убрал,
Дурной свой обычай и гнет он убрал,

Дал кров правосудью, насилье свернул,
Берег до последнего вздоха страну,

Когда ж, испытав всех превратностей бег,
Ушел он, — то слава осталась навек.

И знаком закона для множества стран —
Стал имени этого шаха чекан.

Везир — это самый приближенный к шаху министр; предполагается, что он, как в сказке, знает птичий язык. Элемент сказочности и сделал эту басню своего рода классикой для детских хрестоматий. Таково было вступление Низами Гянджеви в западноевропейскую литературу. Но для нас в этой басне нет сказочности, есть удивительно мудрое «иносказание», примененное везиром, и психологический реализм в отклике на него у шаха. Поставьте себя, читатель, на его место. Вообразите себя «в его шкуре» — взбешенным, посрамленным, до некоторой степени отчаявшимся, но держащим себя в руках перед приближенным к нему министром, — а гнев рвется наружу и его надо сдержать — что бы вы сами сделали?

«Шах бьет себя в лоб», «свой палец в стыде прикусил» (так иногда люди бьют себя по голове), — и ответил с претензией на сарказм, на юмор, в том же духе иносказания: «до птиц разрушенья дошло»...

Есть еще одна басня, где жестокость и бездарность в управлении страной еще ярче показываются поэтом и осуждаются в шахе. Восточных деспотов Низами вообще не щадит и приводит много имен исторических и неисторических. Но стихи о них удивительно реальны и в поэтическом, и в психологическом, и в историческом смысле. Необыкновенным мужеством отличаются простые горожане в обличении сильных мира сего:

РАССКАЗ О ЦАРЕ-ПРИТЕСНИТЕЛЕ И ПРАВДИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил некий правитель, поправший закон,
В искусстве придинок — хаджаджем² был он.

¹ Калам — в данном случае налог.

² Хаджадж — тип крайнего жестокосердечия.

О тайнах, которыми ночь тяжела,
На крыльях заря ему шепот несла.

И как-то приходит к царю клеветник,
Кто в тайны людские без спросу проник.

Из тех, что должают ночной темноте,
А утром свой долг отдают клевете.

«Такой-то тут старец, — царю он донес, —
Сказал — ты убийца, ты див-кровосос!»

И злоба в царе поднялась, горяча.
Вскричал он: «Сейчас же позвать палача!»

Вот казни ковер посыпают песком,
Сам див устрашится при гневном таком.

А к старцу спешит горожанин один:
«Шах казнь для твоих замышляет седин!»

И старец омылся, и саван берет,
И к шаху с бесстрашной речью идет.

А шах в нетерпенье ладони потер,
К ногам опускает прищуренный взор:

«Ты, — слышал я, — «дивом» меня называл?
Твердил, что бессмысленно я убивал?

Ты с царством моим справедливым знаком,
Чего же порочишь меня языком?»

И старец ответил царю: «Я не спал.
И больше, чем эти слова, я сказал.

Пред старым и малым, не зная стыда,
Ты грабишь деревни, соседей города.

Я только пороки твои подсчитал,
В дурном и благом тебе зеркалом стал.

Ты в нем отразился таким, каков есть, —
Разбить это зеркало — малая честь!»

Правдив я, пойми правоту моих слов.
А хочешь казнить меня — к смерти готов».

Бесстрашным признанием речь старика
Царя потрясла, правотой велика.

Он вскинул глаза, устремил их вперед, —
И в правде — неправду свою узнает.

Сказал он: «Тотчас с него саван совлечь!
В почетное платье и в амбру облечь!»

И стал, беззаконья оставя пути,
В заботе о людях законность блюсти.

Правдивое слово в стране поощрил,
За правду ущерба нигде не чинил.

Правдивая речь да пребудет крепка!
Ах, горько нам, горько, ведь правда — горька!

Окончания этих басен — единственный сказочный элемент в них. Возможно, он ими отводил душу и пытался внушить деспотам своего времени преимущества законности и справедливости при управлении страной.

И опять поразительный реализм деталей. Яростный в своем бешенстве, восточный деспот проявляет это бешенство в ряде психофизиологических движений. Он в нетерпенье потирает ладони, прячет глаза, опуская их вниз, говорит со своей жертвой, не глядя на нее, но, когда kloкочущая в нем ненависть сменяется новым чувством, он «поднимает глаза, устремляет вперед», словно прозрев, открывает их навстречу правде...

Не всегда Низами борется с деспотизмом путем воздействия добрых слов, и сказочные окончания басен его совсем нечасты. Гораздо внушительнее их прямая угроза шаху вспыхивающей народной восстания. Вот изумительные строки, где начинается звучать угроза шаху и предостережение:

«В ответ притязаньям твоим над страной —
Два-три мыслью смелых — сольются в одной.

Страшись их суда, правосудье верши
И бойся народного гнева в тиши!

НИЗАМИ.
Художник
Г. Халыков.

Высокие мысли — внушеньем сильны,
Их действие ведь не пустяк для страны!

В дыхании многих — слит помысл один.
Смотри, — он не стал бы тебе господин!

IV

Но главною силой поэзии Низами является его удивительное отношение к человеческому труду. С почти современным интернационализмом он одинаково смотрит на все человеческие расы и утверждает право каждого человека на труд, а землю нашей планеты считает обширной человеческой мастерской:

«И белый, и черный — все дети земли
В ее мастерской себе место нашли».

Он в своем двенадцатом веке разделяет людей по роду занятий, дает незабываемые образы трудящихся — сельского работника и городского рабочего — в их отношении к труду. Вот две такие басни:

РАССКАЗ О СОЛОМОНЕ И ПОСЕЛЯНИНЕ

Минутой досуга от дел откреплен,
Спешит из дворца на простор Соломон.

Он в степь государство свое перенес
И трон в лучезарное небо вознес.

Глядит, — состраданьем душа стеснена, —
Старик земледелец, чья нива скудна,

Последние зерна в дому собирая,
Бросает их скудной земле пустыря.

Сажает их в каждый земли уголок,
Надеясь, что вырастет колос высок.

Но птичий открыт Соломону язык.
Он в путь созреванья тех зерен проник

И молвил: «О старец, напрасен твой труд —
Ты бросил свое пропитание тут.

Мы сеяли в тучную землю зерно,
И много ль, скажи, нам взрастило оно?

А с этой иссохшей — напрасны труды.
Что, жаждущий, снимешь с нее без воды?»

Ответил старик: «О, прости мой ответ,
Не думаю, есть ли вода или нет;

Водою мне — видишь — мой пот на спине,
Концы моих пальцев лопатою мне,

Великим мне счастьем бывает зерно,
Когда получаю семьсот на одно.

Не сей никогда с сатаной на устах —
И ты с одного будешь при семистах!»

РАССКАЗ О СТАРИКЕ КИРПИЧНИКЕ

Раз жил в стране Шама кирпичник-старик.
Как призрак, людей сторониться привык.

Из трав ему плащ одеяньем служил,
Кирпич обжигал он и выручкой жил.

Бойцам, что роняют щиты и мечи,
Щитом были в склепах его кирпичи.

И всех, кто в могилу сходил непокрыт,
От кар за грехи укрывал этот щит.

Успех обеспечен в работе такой.
И спорилось дело под старца рукой.

Однажды случилось — к нему подошел
Прекраснейший отрок и слово завел:

«О, стыд и бессилье — твое ремесло!
Пусть возится с глиной погонщик ослов!

Вставай и лопатою землю не бей, —
Ведь в хлебце никто не откажет тебе!

Брось эту отливку, что формой стара, —
По-новому новое делать пора.

С твоей сединою тебе ли с руки
Мять глину с водой в земляные комки?

Ты стар, и покой тебе необходим,
А труд молодых — предоставь молодым».

Старик ему: «Пыл этот угомони,
Уйди и помех мне в труде не чини!

Нам, старым, прилично знать толк в кирпичах,
А юношам — тяжесть таскать на плечах.

К труду потому и тянусь я рукой,
Чтоб не протянуть ее перед тобой.

Не нищий — пред кем-нибудь кланяться
дирхем, —
Тружусь и свой хлеб заработанный ем.

За этот кусок не терзай ты меня,
И коль я неправ — да не видеть мне дня!»

От слов старика порицатель его
Заплакал и плача пошел от него.

Старик с таким качеством видывал свет,
Одобрены дело его и ответ.

С каким высоким пафосом даны поэтом эти образы. Как бы за все человечество произносит он анонимное «одобрены слово его и ответ» в конце басни о старике кирпичнике. И какой верой в положительный результат подлинного и доброго труда полны последние слова пахаря в басне о поселянине и Соломоне:

«Не сей никогда с сатаной на устах —
И ты с одного будешь при семистах!»

Не зря эти два человека сельского и городского труда даны у Низами стариками. Глубокая привязанность к своему труду и чувство личного достоинства, вырабатывающиеся у трудящегося, обычно вырастают с годами. Замечательно, что Низами описал в «Сокровищнице Тайн» множество людей самых разных занятий. Есть у него рассказы и о придворных, и о духовенстве, и о торговцах, и даже о своеобразной «интеллигенции» того далекого времени, — в рассказе о двух мудрецах-спорщиках. Это, конечно, философия с нашей точки зрения теоретика восточной мудрости. Один из них — представитель темной силы, другой — представитель добра и света. Низами дает их опять «в иносказании», и в споре своем они состязаются оружием яда у одного и ароматом розы у другого. Вот, в заключение, и эта басня:

РАССКАЗ О ДВУХ МУДРЕЦАХ-СПОРЩИКАХ

В жилище одном жили два мудреца,
И спор отчужденье вселил в их сердца.
«Мое» там царило, с «твоим» не сживаясь,
Двойное с единым утратило связь.
Нет правды двойкой, а есть лишь одна!
Из двух голов чья-то быть снятой должна.
Ведь в ножны одни двум мечам не пролезть.
Главой на пиру — двум Джемшидам не сесть.
И каждый из них, себялюбьем влеком,
Владеть этим домом хотел целиком.
И каждый тянул в слепоте за свое,
Чтоб только собою украсить жилье.
Вот как-то, проспоров всю ночь напролет,
Придали раздору такой оборот:
Забыв несогласье, шербету сварить,
Чтоб каждому — чашу другого испить,
И вызнать — чья крепче пред ядом душа,
Чей яд смертоносней изводит, круша;
Две мысли в единое знание слить,
Два сердца — в одну оболочку вселить.
Тут первый мудрец, изготовивши яд,
Чьим мог бы зловоньем быть камень разъят,
Напиток подносит: «Попробуй вино, —
Не яд оно, — слаще, чем сахар, оно!»
Сосед его, дар смертоносный узрев, —
В честь сахара — выпил отраву, как лев.
И внутренним противоядием вмиг
Он действию яда преграду воздвиг.
Сгорел мотыльком — и как прежде крылат.
Свечой поспешил на собрание назад,
Дорогою розу срывает в саду,
Заклятье прочел и на розу подул,
И подал врагу ради взгляда его
Ту розу, что действительней яда его.
И, страхом пред этим цветком обуян,
Противник от розы упал бездыхан.
Так, мужество яда исторгнуло шип,
А схваченный страхом от розы погиб!

Я привожу из огромного духовного богатства «Сокровищницы Тайн» лишь несколько примеров философии восточного гуманизма. Очищающее и воспитывающее действие этого гуманизма очень велико, и с годами оно не стареет, а, как мне кажется, становится все нужнее для человечества.

Сентябрь
1981 г.

САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

Алим КЕШОКОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Рауф-бей встретил гостей стоя, почти у самых дверей.

— Как милостив аллах, что послал вас ко мне,— приговаривал премьер-министр после традиционных взаимных приветствий. Он усадил гостей на диван, сам сел в кресло напротив.— Давно я не имел радости видеть тебя, несравненная Халида-джаным, гордость наша. Извини, дорогая, заставил вас ждать, знал бы, что ты в приемной, сам бы вышел встречать...

— Ну, ну, Рауф. Так я и поверила тебе. Мог сам приехать, если так хотел видеть. Или позвал бы под каким-нибудь предлогом.— Халида сбавила тон, заговорила более миролюбиво: — Я понимаю, милый мой, ты очень занят, дел у тебя невпроворот. Мы и сейчас совершаем преступление — отнимаем у тебя драгоценное время. Но что поделаешь? И у нас дела. К нам приехал дорогой гость — князь Жираслан. Комитет черкесского сотрудничества принял решение оказать помощь нашим соплеменникам на Кавказе. Жираслан скоро возвращается назад. Хорошо бы с ним послать и караван. Черкесы, не только черкесы,— все кавказцы в беде, мы должны протянуть им руку помощи, бездействие сейчас — преступление.

Рауф-бей, плотный, среднего роста брюнет, был собран и сосредоточен, как бы готов в любую секунду к любой неожиданности. Черты его лица были правильны и нежны. Черные пышные усы аккуратно подстрижены, небольшие, но выразительные глаза внимательно смотрели на гостей, и взгляд тут же теплел, когда Рауф-бей взглядывал на Халиду.

«Ему, пожалуй, за сорок,— подумал Жираслан,— столько же, сколько и мне, но он уже премьер».

Рауф-бей был одет в черкеску добротного серого сукна, газыри на ней из слоновой кости с серебряными чеканными головками, соединенными цепочкой, концы которой тянутся к трем шестиугольным чеканным звездочкам, привинченным выше газырей; массивный кинжал, по всему видно, надет не ради формы, как и наган в сафьяновой кобуре. На голове невысокая каракулевая кубанка под цвет черкески и бешмета из плотной ткани со стоячим воротником, высоковатым для его короткой шеи.

— Аллах простит тебе это преступление, Халида-джаным,— улыбнулся Рауф-бей и коснулся слегка пальцем ее белой, красивой руки.— По крайней мере, я буду просить его об этом. Твой визит для меня радость, праздник, я благодарен и нашему дорогому гостю, тем более если он окажет нам такую услугу.— Он повернулся к Жираслану, озабоченному предстоящей ему непривычной ролью проводника или караван-баши: — Где вы остановились? В Анкаре бог знает что творится...

Халида Адиб ласково глянула на премьера.

— О, Рауф! Ты не изменился, все такой же, смотришь в лицо — видишь душу.

— Я угадал? Значит, нигде! С этого мы и начнем, тем более это у нас не отнимет времени, вы мои гости, у меня пять комнат, каждый из вас выбирает ту, что ему понравится. Первой выбирает Халида-джаным. Договорились?

Халида для виду возразила:

— Нет, нет, Рауф. Мы не хотим стеснять тебя. До вечера далеко, поищем, что-нибудь найдем с твоей помощью.

— В Анкаре? Анкара, дорогая Халида-джаным, не Стамбул, не спорь со мной, я премьер-министр. Вы мои гости, и все!

— Ты приказываешь?

— Приказываю.— Рауф-бей улыбнулся.

— О, ты далеко пойдешь.— Халида была благодарна Рауф-бею.— Князь Жираслан, чего молчишь? Ты разве не подчиняешься приказу турецкого правителя?

Жираслан ответил в тон:

— Признаться, от своего правительства я бегу, но здесь я гость. По обычаю нашему, если гость уходит от своего хозяина к другому, ему перерезают подпругу. Но моя хозяйка ты и ты со мной...

— Ну, коль князь сдается, что остается бедной женщине...— И Халида заключила деловито: — С первым вопросом покончено, мы долго стеснять тебя не будем, переночуем, и до свидания.

— Это последний вопрос, его мы пока не касаемся.— Рауф-бей снова повернулся к Жираслану, оперся о правый подлокотник кресла, приготовился слушать.— О решении комитета Халида мне говорила по телефону. Я кое-какие шаги предпринял. Сейчас я бы хотел знать, какова ситуация. До нас доходят только слухи, пока они коснутся наших ушей, превращаются в смесь кислого молока с пресным, ничего не поймешь.

Жираслан, стараясь не оплошать, выложил все, что знал, начав со свержения царя Николая.

— С того дня пошло — все стало временным,— говорил Жираслан, довольный впечатлением, какое производил его рассказ.— Нет ничего постоянного, одно сменяет другое, правительства рождаются и умирают раньше, чем народ узнает имя правителя, о переменах иной раз узнаешь по деньгам, которые новые власти выпускают.— Жираслан перечислил правительства, какие возникали на Северном Кавказе за последние полтора-два года.

— Сейчас кто правит?— спросил Рауф-бей.

— Деникин. Его ставленники. Он за единую и неделимую Россию... Против всякого самоуправления.

— Я не понимаю,— вмешалась в разговор Халида Адиб.— Мы послали депутации к великим державам, Англия горячо поддержала идею самоуправления черкесов, заявила: «Деникин не тронет горские автономии, если тронет, перестанем снабжать его оружием». На самом же деле Деникин душит в зародыше горскую государственность, это видит представитель английского командования — и хоть бы что!.. Это ли не лицемерие?..

— Чего ты хочешь от англичан? Как говорится, не верь глазам своим,— сделал попытку пошутить Рауф-бей.

— Чему же, если не глазам?

— Действиям.

— На словах одно, на деле другое. Я понимаю, политика, дипломатия, но честь, порядочность должны быть!

— На твое возмущение я отвечу одним любопытным документом.— Рауф-бей открыл ящик не очень массивного стола, достал оттуда лист бумаги, похожий на листовку.

— Вот вам фатва султана, призыв, с которым он обращается к черкесам... «Откройте глаза, чтобы увидеть заговоры, которые устраиваются против вас! Если вы не сделаете этого, окажетесь на бойне, подобно овцам, которые сами идут к месту своей гибели... Если вы не верите, вот вам пример: черкесские деревни, которые были сожжены в Бандырма и других местах. О, черкесы! Чего вы ждете? Берите оружие и собирайтесь под знаменем султана...»

— И теперь черкесские деревни сжигаются албанцами,— не дослушала до конца Халида.— А султан спокойно смотрит на это! Какое лицемерие! «Не верь глазам своим!»

— Об этом я и хочу сказать. Черкесы, во всяком случае, многие, во главе с Адхемом не остались глухи к зову султана, пошли под его знамена, ведь султан писал, послушайте, что он писал: «О, храбрые черкесы! Придите ко мне, чтобы я мог видеть вас! Служба, которую вы мне сослужите сегодня, не будет забыта. Весь мусульманский мир отблагодарит вас за нее! Я буду помнить вас, пока жив, а потом мои сыновья будут воздавать вам за ваши дела до конца своих дней. Да благословит вас бог и даст силу и остроту вашим саблям. И пусть он поможет вам благословениями милостивого пророка». Этот фатва султана вызвал междоусобицы, беспорядки, сверг страну в хаос, идет братоубийственная война.

— Султан спокойно греет руки у огня, когда горят черкесские деревни, подожженные бандитами,— возмущалась Халида.

— Вот именно, так султан благодарит за службу, вы думаете, он этим ограничится? Нет! Со всей ответственностью могу сообщить: замышляется план переселения черкесов из Турции...

— Куда, на Кавказ?

— На Кавказ?! Чего захотела! В противоположную сторону. На земли арабов, куда сами турки носа не сунут. Хотят при помощи черкесов держать в повиновении арабов, требующих самостоятельности, отделения от оттоманской империи. Вот как надо понимать слова «мои сыновья воздадут вам». Переселение — еще не самое худшее, кочевой образ жизни вели и наши предки. А помнишь, как поступили с армянами?

Халида закрыла лицо руками:

— О, это ужасно! Сколько горя и слез. Да уберет нас аллах. Иалис попутал мусульман, я до сих пор не понимаю этого безумия. Неужели это может повториться?

— Может. Все возможно, Халида-джаным.— Рауф-бей велел принести кофе и закурил, выпустив изо рта и ноздрей кольца дыма.

ЛЬВЫ НА АРЕНЕ

Не раз Халида бралась за перо, чтобы писать о трагедии армян, но откладывала повесть на будущее. Материалов суда, рассказов очевидцев, чудом спасшихся от ножа, было так много, что требовалось время для их осмысления. Халида понимала, что один человек не мог совершить такого чудовищного преступления, хотя во всем и винили министра внутренних дел. Все делалось по заранее намеченному плану: объявили мобилизацию всех мужчин, способных носить оружие, угнали в ополчение юношей и немолодых стариков из шести вилайетов, где проживали армяне, в пути колонны безоружных подстерегала засада. Покончив с мужчинами, фанатики бросились на беззащитных детей и женщин. Убивали, резали их, поджигали дома. Погибали целыми селами, городами, убитых некому было хоронить, собаки поеда-

Окончание. См. «Огонек» № 40.

ли трупы, одичалые кошки бродили по крышам. Лишь единицам удалось спастись в пещерах окрестных гор. Халида Адиб пыталась пробраться в армянские села, но власти объявили эти места опасной зоной, — могла вспыхнуть эпидемия. Когда пришла русская армия, на ее долю выпало захоронение останков, расчистка жилищ, спасение от голода детей и подростков, коим удалось избежать печальной участи...

— Судьбы народов решаются за спиной народов, — сказал Рауф-бей.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовалась Халида.

— Хотя бы большую четверку или совет четырех.

— Догадываюсь: четыре великие державы?

— Правильно. Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо, Орландо. Никто не знает, какие решения они принимают, заседания не стенографируются, но по их решению оккупирован Измир. В руках четверки судьбы народов, аллах дал им клыки, но не дал единства. Четырем волкам досталась туша барана, скажем, Палестина. Все наложили лапу, рычат друг на друга, не уступают; решили разыграть фарс: пошлем, мол, смешанную комиссию, выясним мнение арабов — кем они хотят быть съеденными?

— Боже мой! У арабов один выбор — чьи клыки острее. Что же выяснила смешанная комиссия?

— Не получилось смешанной, волки знали, что овца их по запаху узнает. Франция и Англия боялись, что выбор арабов падет не на них, и мешали посылке такой комиссии, этим воспользовался самый клыкастый — Вильсон, послал свою комиссию из одних американцев во главе с Кингом и Крейном. Она объехала Сирию, Палестину, Месопотамию, доложила своему правительству: арабы хотели бы само-

стоятельности, если это невозможно, то они отдадут предпочтение испытанным клыкам Вильсона. Иными словами — Америку в качестве единственного мандатария.

— Вильсон всех обскакал, — не выдержал Жираслан.

Рауф-бей знал тайны держав благодаря связям его в бытность морским министром, да и отец, председатель морского суда, передавал сыну сведения, которые узнавал при случае. Рауф-бей слыл отважным моряком, командовал лучшим крейсером турецкого флота «Хамидие», подавлял восстания в различных районах империи, и в конце концов на его долю выпало подписание Мудросского перемирия. Он принимал участие в движении младотуркистов, хотя не входил в союз «иттихадистов», был членом комитета Сивасского конгресса. Знание нескольких европейских языков помогало Рауф-бею поддерживать контакты с политическими деятелями разных стран, отсюда его осведомленность в тонкостях большой политики.

— Где же был русский царь, почему не захватил Босфор и Дарданеллы? — воскликнула Халида Адиб. — Я всегда ждала нападения с севера, верила султанской болтовне, кинжал всадили с юга, в спину, можно сказать...

— В игре государств, Халида-джаным, кто смел, тот и съел. Мешкать было нельзя, а русский император не удержался в седле, угодил под копыто. Ему раньше причиталась доля, а теперь и за его долю грызня идет.

— Ворота трех морей? — спросил Жираслан.

— Совершенно верно. Ворота трех морей, а стражу ворот — армию — загнали на острова в тюрьмы...

— Турция должна выбирать одного волка из четырех... Ума не приложу, как быть. Князь Жираслан, — Халида повернулась к гостю с мольбой в глазах, — подскажи, какому волку Турция должна отдать предпочтение?

Жираслан помедлил с ответом.

— Смертный выбирает смерть по своему мужеству. Есть такая адыгская поговорка. Окажись я перед четырьмя хищниками, я бы действовал по-волчьи, сам бы напал на одного, укусил бы, а у хищников закон: того, на ком показалась кровь, загрызть. Пока бы они между собой грызлись, может быть, мне удалось бы скрыться.

— Житейская мудрость, — Рауф-бей засмеялся, хлопнул ладонью по колену. — Князь прав, у хищников повадки не изменились, в одном они заодно, в другом готовы сожрать друг друга.

— Ох, как опрометчиво поступила Турция, отдав предпочтение самому сильному — американскому волку. Я-то считала, она поступает правильно, помнишь мое письмо Мустафе Кемалю?

— Как не помнить! Ты писала: Америка — единственная страна, считающаяся с психологией народов и могущая создать демократический режим. Была еще фраза: одна лишь Америка в состоянии создать за двадцать лет новую Турцию, интеллектуально и экономически независимую... Ты призывала участников конгресса использовать Америку в качестве мандатария, прикрываться ею от европейской опасности.

— Я была в Сирии во время пребывания там американской комиссии, говорила с некоторыми ее членами. А потом убеждала всех, что Америка согласна получить мандат над Турцией и только она сохранит довоенные границы Турции, иначе, мол, не обойтись без ампутаций, страну искромсают. Как я ошиблась! Какая глупость!

— Ты бывала в цирке? — Своим вопросом Рауф-бей привел в замешательство Халиду Адиб.

— При чем здесь цирк?— обиделась она. Ее красивое матовое лицо залилось краской.— Бывала, конечно, меня отец водил...

— Ты не сердись, в мире «львы», то есть сильные мира сего, действуют так же, как и львы на цирковой арене. Может быть, ты не обращала внимания, но дрессировщик выходил на арену с сумкой, полной кусков свежего мяса. Взмахнул кнутом— львы рассаживаются по тумбам, за «работу» он тут же каждому дает кусочек мяса; заставит льва прыгнуть через огненное кольцо— опять кусочек мяса в пасть...

— Заработал— получай!

— Вот именно. Британский ли лев, русский ли медведь (хотя русские вышли из игры), американский слон или осел— все равно, защищать тебя от опасностей бесплатно, без вознаграждения никто не будет. Ты хочешь сохранить еще «интеллектуально и экономически независимую» страну. Какая независимость, если ты стала приданым невесты? Пусть невеста сама выбрала жениха, это не меняет положения, муж свободно будет распоряжаться не только приданым, но и женой.— Рауф-бей громко засмеялся, глянув на смутившуюся Халиду.— Ты мне объясни, что такое мандат, подмандатная страна? Как ты это понимаешь?

— Невеста... Богатое приданое... я сбита с толку, не берусь объяснять. Все-таки великая, сильная держава, которая берет нас под свою защиту, становится надежной опорой, помогает нам организовать оборону, пресекает всякие посягательства на нас, во главе страны стоят люди чести.

— Пусть так, но где ты берешь кусочки сырого мяса?

— Опять я ничего не понимаю.

Рауф-бей наклонился к Халиде:

— Я подскажу. Помнишь, у нас с Америкой был заключен договор на основе принципа наибольшего благоприятствования?

— Да. Помню. Султан кричал: бескорыстная помощь великой державы.

— Американский адмирал Честер не столько занимался делами военно-морского флота, сколько созданием концессии по строительству железных дорог в Восточной Анатолии с правом эксплуатации рудников, нефтяных, угольных месторождений. Узнав об этом, английские и французские дельцы рвали на себе волосы. Это был даже не кусочек сырого мяса, а целая туша, очень жирная притом. Война помешала, дорога не была достроена, адмиралу снятся по-прежнему нефть и уголь, на всякий случай он готов свой флот выстроить вдоль наших берегов, чтобы другие львы, не дай аллах, не отхватили часть туши. Как при этих условиях сохранить Турции экономическую независимость? Стать интеллектуальной нацией?

Жиранслан подумал о грозненской, о дагестанской нефти и словно прозрел. Только сейчас он понял, запах чего заманил на Северный Кавказ англичан, да и в Закавказье какой оккупант ни появится— очертя голову мчит к Баку, где давно разрабатываются нефтяные месторождения. Жиранслан первый раз видел Халиду Адиб, которая, как он полагал, знает все на свете, беспомощной и обескураженной.

— Теперь я понимаю, почему ты не очень поддерживал Кемаль-пашу,— медленно сказала Халида.

— Меня чуть не пригвоздили к позорному столбу за это. Я подписал Мудросское перемирие, но я-то подписал его не от себя лично, а по поручению правительства, и Мустафа Кемаль сам считал это наименьшим злом. Но бывали случаи, когда он попрекал меня этим. Я военный, вилить хвостом не умею, если огонь из артиллерии главного калибра, то или ты пустишь ко дну врага, или он тебя— третьего не дано. Мне приказали прекратить огонь— прекратил, но флот достался врагу, это хуже, чем самому пустить свои корабли на морское дно...

— Так произошло не только с военно-морским флотом, в виде компенсации империя частями раздала себя большой четверке. А в Стамбуле многие предадут анафеме христиан...

— Обвиняют во всем армян, греков?— спросил Рауф-бей.

— Вот именно, до сих пор верят, будто армяне возмечтали о собственном государстве от Черного моря до Средиземного.

— Но армяне помогали русским. При всем том и мы должны помочь единокровным братьям, они ждут помощи, и это наш долг. Мы сами, исхлестанные, распластались по земле, каждый прохожий пинает нас, без помощи аллаха нам не подняться. Но князь Жиранслан не возвратится назад с пустыми руками...

— Да выпрямит аллах ваши дела,— сказал Жиранслан, чувствуя какую-то неловкость. Князь не собирался просить помощи, хотя благоразумие подсказывало ему, что пора возвращаться на родину, по крайней мере в Грузию, где он был при деле. Жиранслан сам толком не мог объяснить, зачем явился сюда, в эту страну, раздираемую противоречиями. Сначала его тянуло к Адхему. Мужество, безудержная удаля этого малограмотного человека привлекали Жиранслана, заочно он симпатизировал ему. Но если Адхем превратился в слепое орудие султана, проливает кровь ради спасения империи, в недрах которой родилась гибельная идея выселения черкесов в пустыни, то к такому человеку нечего прибавляться, лучше доставить помощь кавказцам. Жиранслан оценил миссию, которую ему предложили, решил плыть по течению, не сопротивляясь. Помощь Турции воплотится в сабле Шамиля, о которой так красиво говорила Халида.

Халида горячо поддержала Рауф-бея:

— Кому только оказать эту помощь? Пока все организуется, много воды утечет.

— Шариатским войскам на Кавказе. Узуну-Хаджи. Семьдесят тысяч мюридов встает под его знамя. Армия!— восхитился Рауф-бей.

— Семьдесят тысяч! Это много?— переспросила Халида.

— Очень. Чечня и горный Дагестан поднимают знамя Шамиля, объявили газават, а ты спрашиваешь, куда направлять помощь. Слава богу, не в пустое пространство.— И Рауф-бей рассказал, что в Азербайджане остались кое-какие разрозненные турецкие войска, дошедшие до Дербента, Петровска, Темирхан-Шуры. А в Турции распустили армию, оружие сдано на склады, около двух тысяч орудий замолчали надолго, только на западе еще действуют повстанцы. Рауф-бей закончил:— Я распоряжусь, и отпустят столько оружия, сколько караван поднимет. К сожалению, чаша весов на Северном Кавказе перевешивает в сторону врага, подбросим вооружения, аллах даст, друзья поправят дела, одержат верх и над Деникиным.

— Мы не забудем этой помощи.— Жиранслан уже вошел в роль посланца эмирата, о котором не имел ясного представления.

— Ну, Рауф! Ты обрадовал меня. Я расскажу обо всем комитету. Пошли самый большой караван, не жалею оружия,— Халида Адиб засияла, заулыбались ее красивые губы, в глазах вспыхнула надежда,— не жалею, раз действуют шариатские войска.

— Действуют. К шариатской армии присоединились и большевики, партизанские отряды.

— Я не представляю, как доставить караван,— высказал свои сомнения Жиранслан, которому не приходилось передвигаться по незнакомой стране, не зная дорог.

Рауф-бей успокаивал князя:

— Надо подумать, я посоветуюсь с военными, организуем мощный караван. На лошадях будет нелегко, но другого пути нет. Продумаем все детали. Караван с оружием и снаряжением в сопровождении надежной охраны направим прямо в Ведено, к Узуну-Хаджи. Ведено, кстати, бывшая столица Шамиля, история повторяется, над крепостными стенами вновь взойдет полумесяц. Вам, Жиранслан, приходилось, наверное, бывать в Ведено?

— Приходилось.

— Комитет средств не пожалеет,— вмешалась Халида.

— Остальное я беру на себя. Халида-джаным, порастрашем мощну у купцов, наберем тканей, на Кавказе люди пообносились. Обшарим военные склады, возьмем все лучшее. За деньги интенданты последнее отдадут.

— Тогда не будем терять времени!— И Халида нетерпеливо поднялась.

НАСЛЕДСТВО «ВЕЛИКОГО КОРМЧЕГО»

Китай:
стены и люди

中国:
围墙和人们

А. СОКОЛОВ

По его личному указанию на многих языках мира были изданы 3 миллиарда цитатников— почти для каждого жителя планеты.

Он оставил после себя чудовищную смесь из всевозможных философских идей и учений. И больше всего боялся своего разоблачения— даже посмертного.

А еще он оставил страну— гигантскую страну с миллиардным населением и гордым названием Китайская Народная Республика.

Книга «Китай: стены и люди»— рассказ о сегодняшнем дне этой страны, о том, как и чем живут населяющие ее народы. Каждая страница этой книги— документ. Документ тем более правдивый, что многие фотографии комментируют сами китайцы— выдержками из писем, периодической печати и полулегальных дацзыбао, высказываниями политических руководителей страны и официальными лозунгами.

Вот многолюдная пекинская улица. Рабочие и солдатские куртки, кепки со звездами и без, и ни одной улыбки. Это— фотообвинение маоизму, который все еще остается в Китае официальной идеологией, маоизму, который довел китайский народ до полного разорения, лишил человеческих радостей, оставил одно право— тупо подчиняться. А что бывает с теми, кто не подчиняется,— знает каждый.

Гао Линвэй, Николай Солнцев. Китай: стены и люди. М. Изд-во «Планета», 1981.

Сто миллионов недоедают...

Подобранные авторами книги фотографии и комментарии точно характеризуют многие стороны общественной жизни в Китае после смерти Мао. И одна из них — лицемерная игра в свободу слова. До недавнего времени в ряде специально отведенных мест можно было расклеивать «газеты больших иероглифов» — дацзыбао, в которых «разрешалось критиковать». «Если массы хотят что-то сказать — им надо дать возможность это сделать», — заявлял Дэн Сяопин. Но ничего не говорил о том, что на тех, кто «хочет что-то сказать», нацелены фотообъективы агентов общественной безопасности. И росли, росли списки «инакомыслящих». Точный и страшный расчет...

Книга «Китай: стены и люди» создана советским и китайским журналистами. Многим, очень многим китайским патриотам, как и одному из авторов этой книги, небезразлична судьба их народа, та тяжкая участь, которая постигла уже целое поколение молодых людей в Китае. Что могут они, те, чьи души опустошила бредовая маоистская пропаганда, дать человечеству, своим детям?

Дети... Везде они окружены особой заботой и вниманием взрослых. В Китае тоже. Но эта забота особого рода. Китайских детей учат убивать. «Дети всего мира», — замечают авторы книги, — играют в войну. Китайские дети играют только в войну». И колыбельные песни им предлагают соответствующие:

По всей стране: у горных круч,
В дозорах у морей,
Штыков сверкает яркий луч
И слышен клич: «Убей!»

Это произведение написал «поэт-педагог» Чжан Айпин, или просто «дедушка Чжан». Дедушка этот одарен разносторонне, он не только поэт, но и заместитель начальника Генштаба НОАК, а с 1980 года заместитель Премьера Госсовета.

Детям всегда нужен пример для подражания. И у китайских детей он есть: это герой многочисленных комиксов, образцовый солдат Ван. Он без устали сокрушает врагов, в особенности тех, что «с севера». Он не ведает страха и сомнений и обо всех подозрительных тут же доносит куда следует. И сотни тысяч, миллионы маленьких ванов, выстроенных в ровные шеренги, учатся действовать штыком и прикладом, учатся доносить куда следует. Это не ново, это уже было, но тем, в «гитлерюгенде», было по двенадцать — четырнадцать лет. А многим из этих нет и семи! Трудно назвать что-либо более противоестественное, чем перекосенное злобой лицо семилетнего ребенка. Что ждет его в будущем? Что отнимут у него завтра, если сегодня уже отняли детство?

«Китай: стены и люди» — это книга о великой трагедии китайского народа. Богатый фактический материал, собранный авторами, позволяет ощутить гнетущую атмосферу невежества и бесправия, царящего в Китае.

Со смертью Мао многие связывали надежды на то, что придет конец целой эпохе в жизни этой страны — эпохе догматизма и жестокости. Большинство китайцев приходило к мысли о том, что хуже уже быть не может. Значит, будет лучше...

Но лучше не стало.

Пока ружья деревянные...

КИСТЬ ОБЛИЧАЕТ

НА ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ

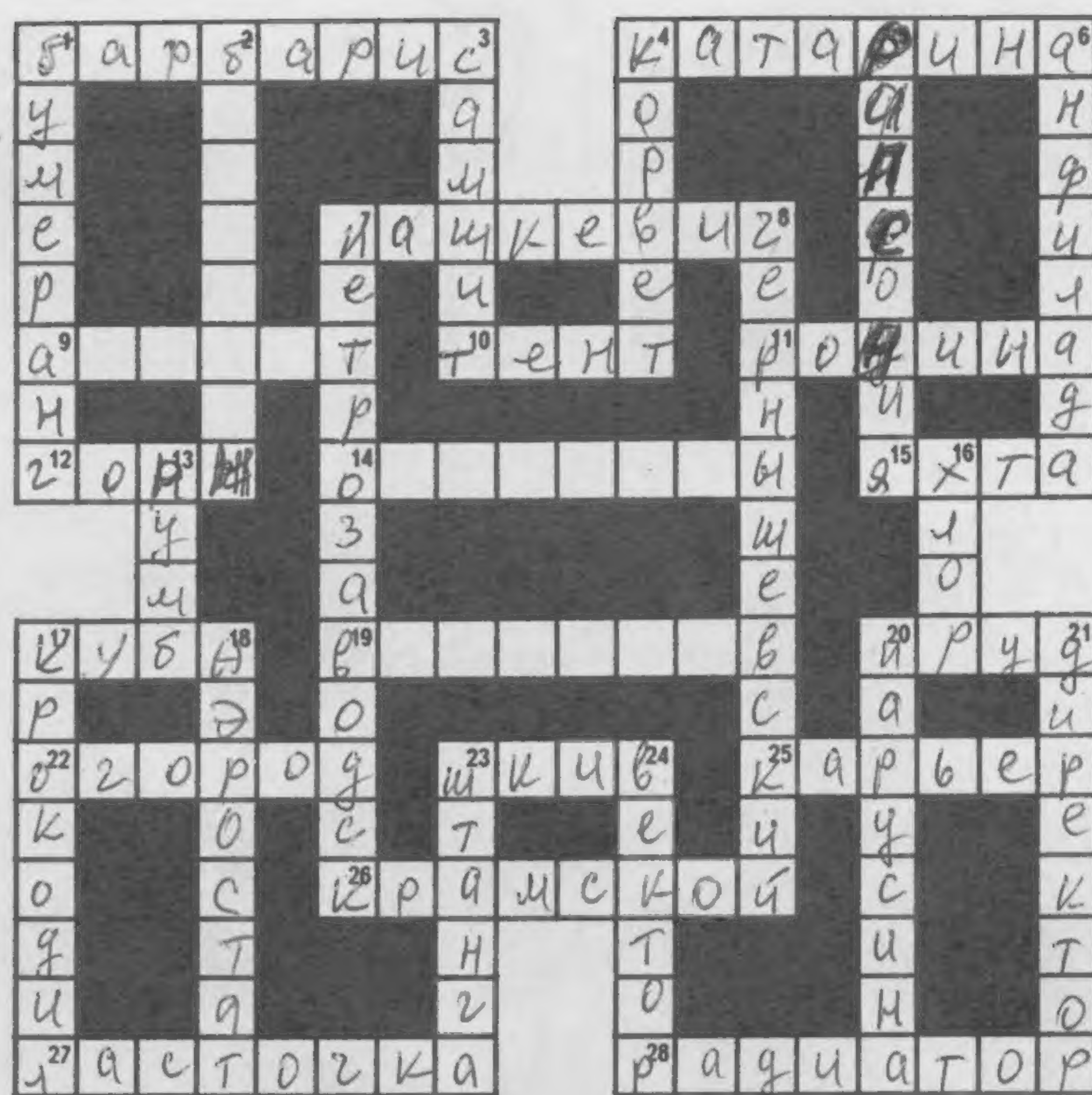
Среди плеяды известных советских художников-нарикуристов сегодняшних дней, которые появились в послевоенные годы и работают в области международной сатиры, имя Марка Абрамова стоит в первой шеренге. Я не стану перечислять этот ряд сатириков, он довольно значителен.

Энергию, целеустремленность, повседневное желание художника откликнуться острыми политическими рисунками на темы злободневных событий, происходящих в международной жизни, подтверждает недавно вышедший в издательстве «Плакаты» альбом работ М. Абрамова «В «свободном мире»».

В предисловии к этому альбому народный художник СССР Борис Ефимов пишет: «Альбом «В «свободном мире» — плод многолетнего труда художника, его большой работы в области публицистической сатиры, наступательной, эффективной, подлинно партийной. На мой взгляд, он представит большой интерес для широкого зрителя и читателя и вместе с тем является замечательным пособием для наших пропагандистов и агитаторов, несущих людям великое слово правды».

Нельзя не согласиться с оценкой Бориса Ефимова, ибо вся наша советская карикатура во все годы была целиком и полностью направлена на разоблачение подлинной сущности капитализма и милитаризма. В этом достоинство и качество вышедшего альбома Марка Абрамова.

Иван СЕМЕНОВ
народный художник СССР

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Декоративный колючий кустарник, медонос. 4. Действующее лицо комедии Шекспира «Укрощение строптивой». 7. Русский композитор, скрипач, дирижер XVIII века. 9. Медная руда. 10. Парусный навес для защиты от солнца и дождя. 11. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 12. Сигнальный духовой инструмент. 14. Басня И. А. Крылова. 15. Спортивное судно. 17. Остров в Карибском море. 19. Русский филолог-славяновед, поэт. 20. Искусственный водоем. 22. Участок земли для выращивания овощей. 23. Колесо, деталь передачи. 25. Открытая горная выработка. 26. Живописец, один из основателей Товарищества передвижных художественных выставок. 27. Перелетная птица. 28. Нагревательный прибор в системе отопления.

По вертикали: 1. Метательная изогнутая палица. 2. Ускоритель электронов. 3. Вечнозеленое дерево, кустарник. 4. Парусный корабль. 5. Музыкальное произведение, фантазия на народные темы. 6. Ряд примыкающих друг к другу помещений в зданиях, дворцах. 7. Столица автономной советской республики. 8. Русский революционер-демократ, писатель, критик. 13. Деление на круге компаса. 16. Химический элемент, газ. 17. Советский сатирический журнал. 18. Воздушный шар. 20. Плотная льняная ткань. 21. Руководитель предприятия, учреждения. 23. Тяжелотелетический снаряд. 24. Отрезок определенной длины и направления.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 40

По горизонтали: 4. Режиссура. 7. Бельведонский. 14. Тимофеевка. 16. Монтевидео. 18. «Девочка». 19. Альпака. 20. Вагульник. 21. Каратау. 22. Тренинг. 23. Монограмма. 26. Микронезия. 30. Радиосекстант. 31. Коростель.

По вертикали: 1. «Соседи». 2. Бельтов. 3. Еруслан. 5. Пение. 6. Милле. 8. Литератор. 9. Голованов. 10. Баскунчак. 11. Амальгама. 12. Диспансер. 13. «Щелкунчик». 15. Елабуга. 17. Трактор. 24. Ротан. 25. Маликов. 27. Картули. 28. Олень. 29. Верста.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пропагандист 2-го Московского часового завода технолог Вера Ивановна Буровикова со слушателями своей группы. (См. в номере материал «Год начинается в октябре».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

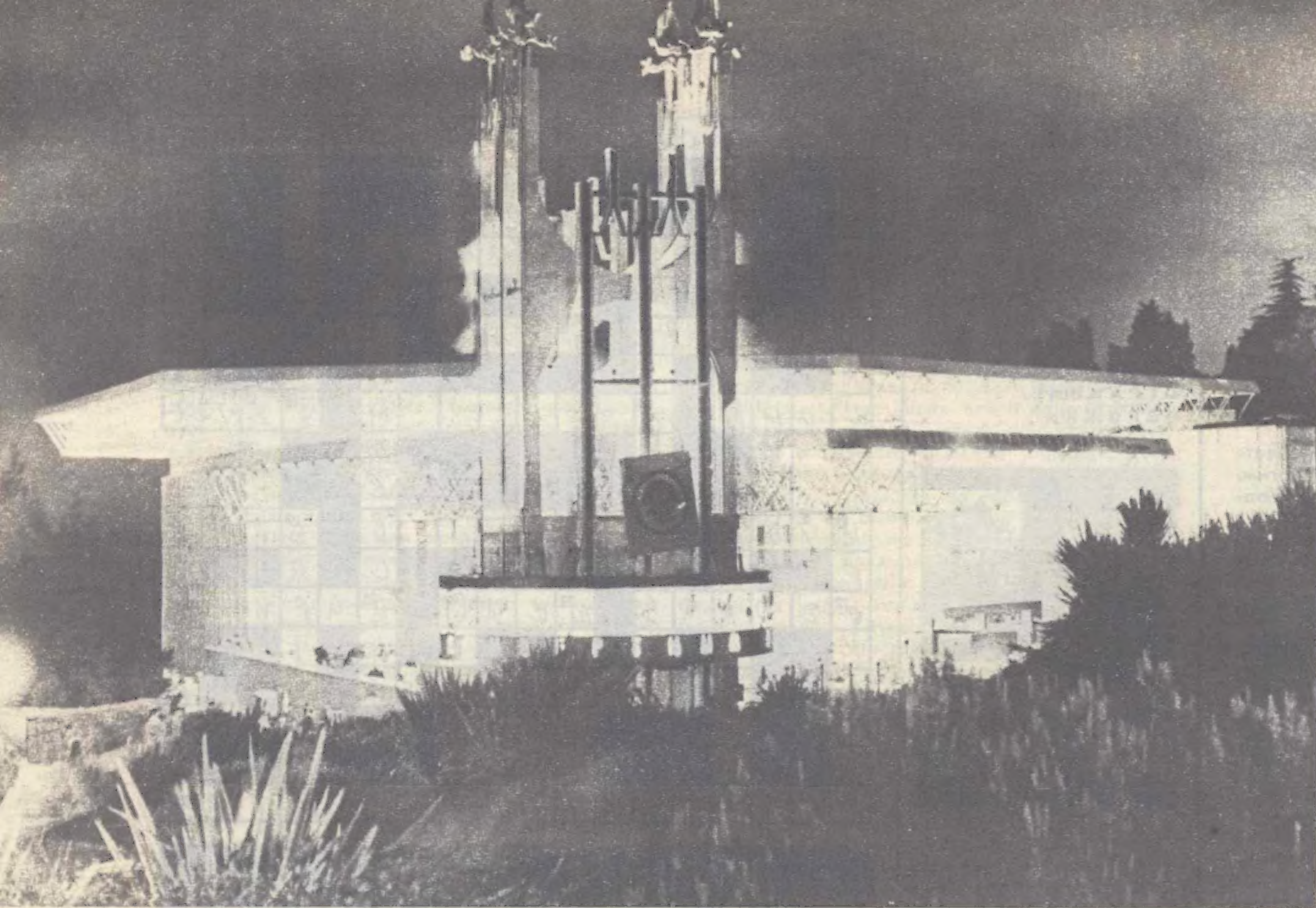
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.09.81. Подписано к печати 05.10.81. А 00439. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2576. Заказ № 1198.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ПЕТЬ — ЭТО ЗНАЧИТ БОРОТЬСЯ !

Юрий Силантьев на репетиции.

Кончился фестиваль. Все разъехались по домам, и только старые афиши еще напоминали о том, как прекрасен был этот праздник, объединивший людей со всех концов света. Они пели разные песни — о счастье и боли, о детях, о войне, о земле, о ясном солнечном луче — обо всем том, что делает наш мир таким неповторимым.... И казалось, что посланцы двадцати семи стран поют на одном, понятном каждому языке.

...Неважно, откуда ты, с севера или юга, неважно, какого цвета твои глаза и твоя кожа, важно твое отношение к жизни. Ведь как ни усложняй, все просто: кто-то на этой земле хочет мира и счастья, а кого-то влекут совсем иные перспективы. И если этот покой и радость не защитишь ты, то кто тогда? Вот суть тех песен, что звучали на VII Международном фестивале молодежной песни «Красная гвоздика».

Родившись четырнадцать лет назад, как и всякий новорожденный, фестиваль получил напутствие: «Петь — это значит бороться!» Слова чилийского композитора Роландо Оланкора поддержал на IV конкурсе португальский певец и композитор Жозе Барата-Моура: «Не всякую песню можно назвать политической, но каждая песня — политика». «Рядом с автоматами наши бойцы носили за спиной гитары. На конкурсе в Сочи мою страну представляет Сальвадор Бустос. Он один из таких моло-

дых бойцов. Если понадобится, песни поведут наших солдат в бой» — это слова члена жюри VII фестиваля никарагуанского композитора Вильфредо Альвареса.

С каждым годом «Красная гвоздика» набирает силу. Нынешний конкурс, по мнению многих членов жюри, едва ли не самый серьезный по уровню музыкальной подготовки участников. Большинство из них никогда не станет профессионалами, но с песней, научившей их многому, подарившей им друзей, они не расстанутся никогда. Лауреат фестиваля конголезец Жером Багана преподает историю и географию в лицее, пишет слова и музыку для своих песен. Афганец Амираджан Сабир — редактор национального телевидения, автор большинства исполняемых им песен. Дипломант фестиваля Такаси Кояма — рабочий фирмы по изготовлению мужской обуви в Токио. «Фестивали — лучший способ подружить народы разных стран, — говорит Такаси. — Мы приехали сюда не только петь. Мы фотографируем, делаем магнитофонные записи. Эти документы мы покажем нашим соотечественникам, чтобы они узнали правду о Советском Союзе».

Нашу страну на конкурсе представляли певцы из Латвии, Армении, Грузии, Литвы. Как утверждает член жюри, главный дирижер оркестра польского радио и телевидения Хенрик Дебех, советские участники были прекрасно подготовлены и их победы, безусловно, закономерны.

Они только начинают свой путь в искусстве — недавние победители Всесоюзного конкурса исполнителей советской песни, но та яркость, с которой они вошли в современную эстраду, ко многому обязывает. У каждого свой почерк — блестящий профессионализм рижанки Ольги Пирагс (вторая премия); интереснейшее драматическое дарование Эрны Юзбашян (вторая премия); тонкость, изящество сценических образов, созданных Гинтаре Яутакайте. И неожиданная твердость, мужество интонаций, присущих победительнице фестиваля Тамаре Гвердцители. Студентка Грузинской консерватории, с семи лет певшая в знаменитом «Мзиури», она одна из самых популярных эстрадных певиц Грузии, четырнадцать стран мира слушали песни в ее исполнении.... А Тамрико девятнадцать лет, она пока еще не умеет принимать элегантных поз на сцене, и фотокорреспонденты, дружно ругавшие Тамару за то, что забывает посмотреть в паузах в объектив, так же дружно застыли с камерами в руках, когда худенькая девушка, сжимая побелевшими руками стойку микрофона, пела так чисто, так сильно, так прекрасно....

Праздник кончился. Уехал на родину обладатель первой премии аргентинец Карлос де Перальто, уехал с мечтой продолжить в будущем музыкальное образование в Советском Союзе. Вернулись домой певцы из Эквадора и Франции, США и Колумбии, Болгарии и Вьетнама, Лаоса и Финляндии. Увезли с собой новые песни, адреса друзей. Но главное осталось. Ведь, как сказал мне лауреат конкурса Берндт Келлер из ФРГ: «Вряд ли нужно искать лучшего исполнителя песни о мире — их просто должно быть много!»

Русскую народную песню «Долюшка» исполнил Карлос де Перальто.

Приз любимца публики у Яна Мингабе (Мозамбик).

В жюри — обладатель Гран-при VI фестиваля «Красная гвоздика» Освальдо Родригес.

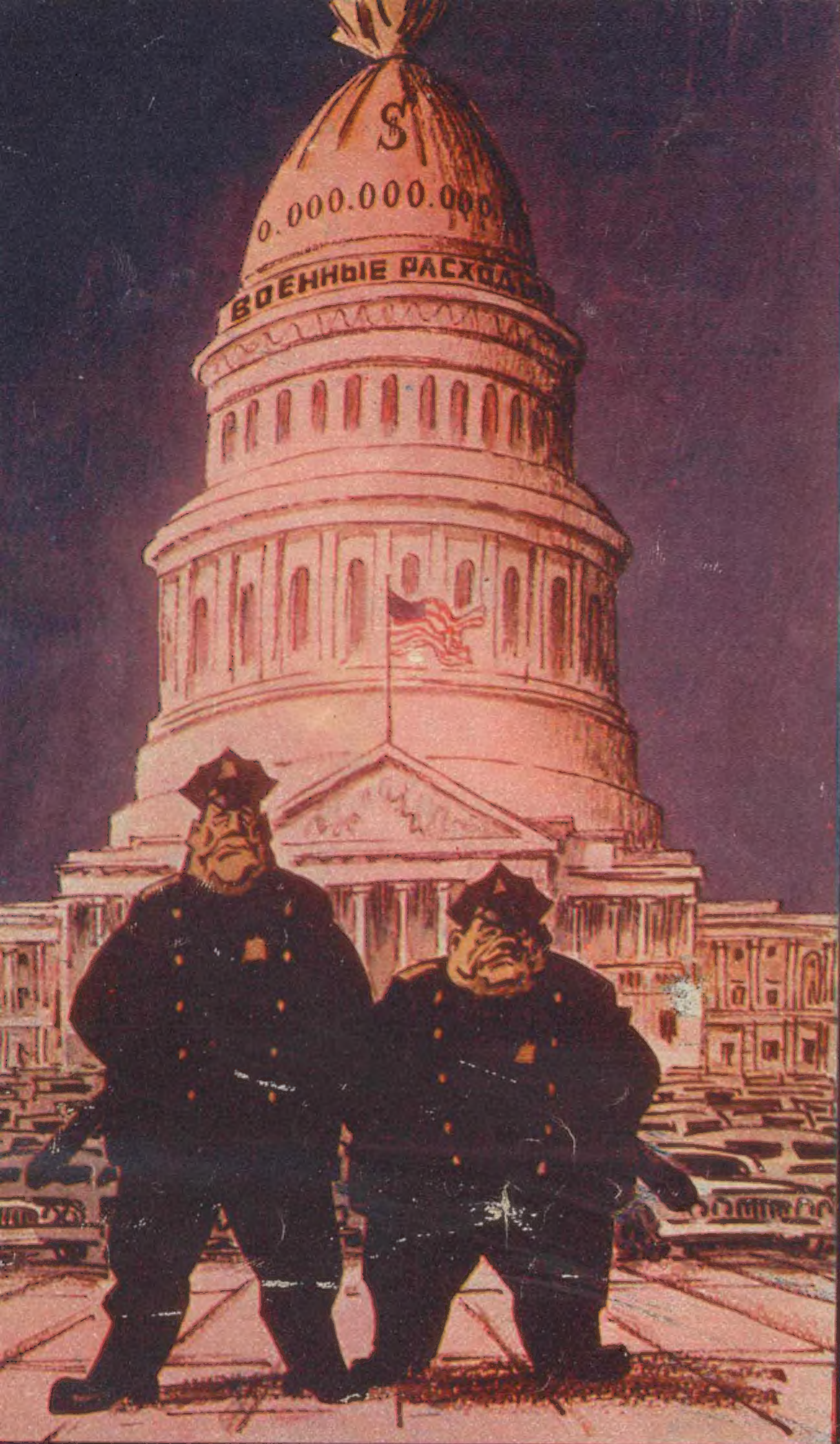

«По долинам и по взгорьям» поет Берндт Келлер (ФРГ).

Цветы — Тамаре Гвердцители.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

